

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2026

Том 26

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW

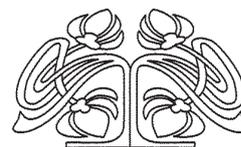
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2026 Том 26

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Фенин К. В., Неверов А. Н.

Проблема функциональности мертоновских норм в современном научном сообществе как следствие изменения макроэкономических и макросоциальных параметров исследовательской деятельности

4

Синиченко О. А.

Проблемы трансмиссии денежно-кредитной политики: почему изменение ключевой ставки не всегда сдерживает инфляцию?

16

Новокрещенова И. Г., Краснова О. В., Ефремова Н. А.

Исследование финансовой грамотности студентов медицинского вуза: компетентностный подход

26

Неверов А. Н., Домов Р. Г.

К вопросу о подходах к теории ценности туристско-рекреационных услуг на внутреннем рынке

41

Управление

Гавель О. Ю.

Влияние макроэкономических показателей на финансовую устойчивость предприятий

49

Право

Анисимов А. П.

Правосубъектность роботов: дискуссии и перспективы

59

Сосновикова А. М.

Место цифровых навыков и привычек в системе криминалистики

70

Борисова М. Д.

Роль экспертных органов в осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере рекламы (на примере обеспечения единых принципов и ценностей патриотизма и служения Отечеству)

79

Головки К. А.

Деятельность органов государственной власти в механизме защиты прав военнослужащих в Российской Федерации в условиях специальной военной операции

89

Габоян Г. А.

Правовое содержание экологизации комфортной городской среды

99

Ахтямов А. М.

Параллельный импорт и импортозамещение как инструмент защиты пользователей информационно-коммуникационных технологий

106

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Экономика. Управление. Право”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4; 5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Пермяков Алексей Сергеевич

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 20.02.2026.

Подписано в свет 02.03.2026.

Выход в свет 02.03.2026.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,25 (14,25).

Тираж 100 экз. Заказ 11-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@gambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Fenin C. V., Neverov A. N.

Merton norms functionality problem in modern scientific community as a consequence of changes in macroeconomic and macrosocial parameters of research activity 4

Sinichenko O. A.

Monetary policy transmission issues: Why changing the key interest rate doesn't always curb inflation? 16

Novokreschenova I. G., Krasnova O. V., Efremova N. A.

A study of medical students' financial literacy: A competence-based approach 26

Neverov A. N., Domov R. G.

On the approaches to the theory of tourism and recreational services value on the domestic market 41

Management

Gavel O. Yu.

The influence of macroeconomic indicators on enterprises' financial solvency 49

Law

Anisimov A. P.

Legal personality of robots: Discussions and prospects 59

Sosnovikova A. M.

The position of digital skills and habits in the criminalistic system 70

Borisova M. D.

The role of expert bodies in the implementation of state control (supervision) in the field of advertising (the case study of ensuring uniform principles and values of patriotism and service to the Fatherland) 79

Golovko K. A.

Activities of state authorities in the mechanism of protection of the rights of military personnel in the Russian Federation in the context of the Special Military Operation 89

Gaboyan G. A.

Legal content of greening a comfortable urban environment 99

Akhtyamov A. M.

Parallel import and import substitution as a tool for protecting users of information and communication technologies 106

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аверьянова Наталья Николаевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александр Анна, Ph.D. (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D. (Огайо, США)

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юрид. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Велиева Джамиля Сейфадиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Павел, Ph.D. (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталья Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхагвадори Ариунаа, Ph.D. (Уланбаатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Саранск, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D. (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эртин Сефика Шуле, Ph.D. (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW"**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Natalja N. Averyanova (Saratov, Russia)

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Janna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Saransk, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

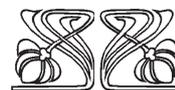
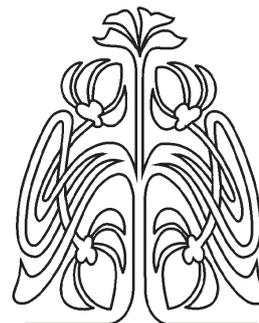
Vitali N. Khrustalov (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

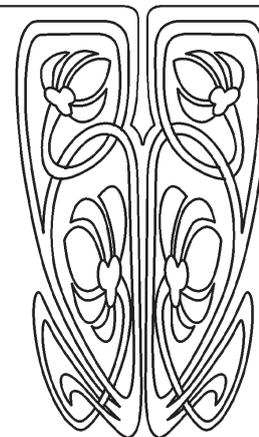
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЭКОНОМИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 4–15

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 4–15

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-4-15>

EDN: EDPXZB

Научная статья

УДК 330.341.1+338.46

Проблема функциональности мертоновских норм в современном научном сообществе как следствие изменения макроэкономических и макросоциальных параметров исследовательской деятельности

К. В. Фенин , А. Н. Неверов

Институт психолого-экономических исследований, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, д. 54/60

Фенин Кирилл Вячеславович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, exr@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

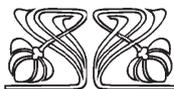
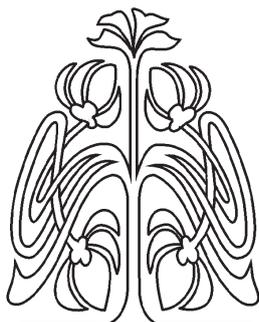
Неверов Александр Николаевич, доктор экономических наук, директор, neverov@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-5291>

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются трансформационные процессы ценностной рамки научной деятельности и их влияние на качество научной информации как экономического блага. *Теоретический анализ.* В качестве отправной точки анализа используются нормы научного сообщества, сформулированные в работах Р. Мертона. *Эмпирический анализ.* Исходя из посылки о том, что наука становится эндогенным компонентом общего социально-экономического развития общества, авторы стремятся показать на примерах и статистическом материале отклонения реальной научной деятельности в разных странах от неформальных институциональных рамок, заданных социологией науки. Согласно экономической теории рост числа исследователей в науке должен был привести к росту качества продукции и снижению ее цены для покупателей. Однако текущие процессы в науке демонстрируют отклонения от экономических моделей для других видов деятельности человека, а также фиксируется справедливость положений Дж. Акерлофа о выдавливании «хороших» знаний «плохими» применительно к текущему этапу научной деятельности. *Результаты.* В качестве вывода предлагается тезис о том, что на практике «мертоновские» нормы вступают в фундаментальное противоречие с практикой научно-технологической гонки, что требует соответствующей научной рефлексии и развития исследований в данном направлении.

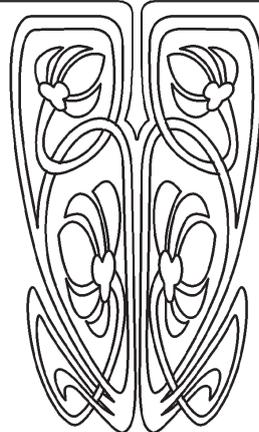
Ключевые слова: неформальные институты науки, Р. Мертон, технологизация научной деятельности, «рынок лимонов»

Для цитирования: Фенин К. В., Неверов А. Н. Проблема функциональности мертоновских норм в современном научном сообществе как следствие изменения макроэкономических и макросоциальных параметров исследовательской деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 4–15. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-4-15>, EDN: EDPXZB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Merton norms functionality problem in modern scientific community as a consequence of changes in macroeconomic and macrosocial parameters of research activity

C. V. Fenin , A. N. Neverov

Institute of Psycho-Economic Research, 54/60 Sacco and Vanzetti St., Saratov 410056, Russia

Cyril V. Fenin, exp@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

Alexander N. Neverov, neverov@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-5291>

Abstract. Introduction. The article considers the transformation processes of the scientific activity value framework and their impact on the quality of scientific information as an economic benefit. **Theoretical analysis.** The starting point of the analysis is the norms of the scientific community formulated in the works of R. Merton. **Empirical analysis.** Based on the premise that science is becoming an endogenous component of the general socio-economic development, the authors seek to show, using examples and statistical material, the deviations of real scientific activity in different countries from the informal institutional framework defined by the sociology of science. According to economic theory, the increase in the number of researchers in science should have led to an increase in the quality of products and a decrease in their price for buyers. However, current processes in science demonstrate deviations from economic models for other types of human activity, and the validity of J. Akerlof's provisions on squeezing out «good» knowledge by «bad» knowledge is recorded in relation to the current stage of scientific activity. **Results.** As a conclusion, the authors propose the statement that in practice, «Mertonian» norms come into fundamental conflict with the practice of the scientific and technological race, which requires appropriate scientific reflection and research development in this direction.

Keywords: informal scientific institutions, R. Merton, scientific activity technologization, market for «lemons»

For citation: Fenin C. V., Neverov A. N. Merton norms functionality problem in modern scientific community as a consequence of changes in macroeconomic and macrosocial parameters of research activity. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 4–15 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-4-15>, EDN: EDPXZB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Для начала определим объект и предмет данного исследования. Под первым авторы понимают само научное сообщество, функционирование которого опосредуется определенными формальными и неформальными нормами (ценностями), под вторым – специфику генерации научного контента (в первую очередь, статей в периодических изданиях и монографиях) выше-названным научным комьюнити в современных условиях организации научно-исследовательского процесса.

Ценности (нормы) сообщества ученых, по-видимому, впервые в мировой науке в наиболее общей форме сформулировал американский социолог Р. Мертон в XX в. К этим неписанным правилам, регулирующим деятельность служителей науки на уровне неформальных институтов, относятся: а) «бескорыстность (не только в плане денег, но и славы или власти), б) коллективизм (ученые безвозмездно делятся знаниями друг с другом, изначально Р. Мертон называл это «коммунизмом»), в) организованный скептицизм (ничего не принимать на веру и нет незыблемых авторитетов), г) универсализм (научное знание нелицеприятно – неважно кто его формулирует, важно, чтобы оно было на-

учным)» [1, с. 36–37, 335–336]. Многие десятилетия эти нормы задавали институциональную среду для научной деятельности, формируя как сами стандарты генерации и презентации научных результатов, так и правила поведения и взаимодействия ученых внутри и вне научного сообщества. В современных условиях, когда научная деятельность становится все более технологически ориентированной, финансируется за счет инвестиций коммерческих структур и играет роль не только фундамента научно-технологической гонки, но и базы для экономической теории нарративов [2], экономической риторики [3, 4] и других подходов, манипулятивное использование труда ученых для «подталкивания» (nudging) человеческого общества в определенном направлении (в рамках концепции либертарианского патернализма) или, наоборот, экспертная роль реальных ученых становятся все более значимым моментом общего социально-экономического и социально-психологического развития Человечества.

Теоретический анализ

Логически опровергать функциональность норм, предложенных Р. Мертоном и получивших широкое распространение в научном

сообществе, не имеет смысла – при любом отношении к ним их роль в качестве институциональной рамки научной деятельности трудно переоценить. Надо отметить, что сам Р. Мертон в статье «Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности» [5] продемонстрировал позицию, которую можно интерпретировать как отличающуюся от им же предложенных ценностных оснований научной деятельности. Так, автор указывает на то, что слава, известность, авторитет и иные моральные предпочтения распространяются в среде ученых крайне неравномерно, и тем, у которых уже есть громкое имя и признание, «накапливать» эти предпочтения намного проще [5, с. 258–262]. Кроме того, Р. Мертон иерархирует награды за научные достижения, начиная от присвоения имени ученого научной эпохе, Нобелевской премии, наименования научного закона в честь открывателя, членства в почетном научном сообществе и заканчивая формальным цитированием его научных работ [5, с. 269–270]. В данных, описанных самим Р. Мертоном условиях как минимум два его правила – бескорыстность и универсализм – перестают работать. Однако насколько «мертоновские» нормы сочетаются с современными тенденциями развития академического знания и его продуцентов? Поскольку наука в настоящее время все активнее становится эндогенным компонентом общего социально-экономического развития общества, исследование обозначенной проблемы становится актуальным.

Эмпирический анализ

В первую очередь, остановимся на универсализме: стоит отметить, что в современном мире пока что научное знание генерируется в основном мужчинами. Так, в русскоязычном академическом пространстве, по расчетам А. В. Ловакова и М. В. Пилкиной, в международной научной базе WoS среди 543 363 авторов из России на период с 2017 по 2019 г. доля мужчин-авторов составляла 73%, а доля женщин-авторов – 27% [6]. При этом в сфере «экономика и бизнес» распределение не столь радикальное: 64% мужчин и 36% женщин, в сфере «психиатрии и психологии» с неболь-

шим отрывом лидировали дамы: 52% против 48% авторов-мужчин. Исходя из данной статистики, можно математически предположить, что чаще всего цитируются статьи, написанные учеными-мужчинами (просто потому, что их численно больше). По данным Евростата, в 2021 г. в целом по ЕС распределение работников в сфере исследований также было в пользу мужчин: 66,3% vs 33,7% женщин. Исключение представляла только Сербия, не входящая в ЕС, в которой доля женщин в общем числе, занятых в научных исследованиях, составляла 52,3%. Примечательно, что в таких развитых странах, как Южная Корея и Япония, наличествует ультранеравенство занятости в академической сфере: в 2021 г. доля женщин в общем числе исследователей составляла соответственно 22,2 и 17,8% [6].

Игнорирование других мертоновских норм: бескорыстия и организованного скептицизма – тоже частое явление в современной научной среде. Яркий пример, продолжающий вдохновлять антиваксеров, – это статья английского врача Э. Уэйкфилда о взаимосвязи вакцины от краснухи, паротита и кори с аутизмом, опубликованная в журнале *The Lancet*. Хотя многие знают, что «результаты Э. Уэйкфилда давно опровергнуты, и сама его (уже отозванная) публикация преследовала чисто корыстные интересы – продвижение собственной вакцины от кори, на которую он хотел получить патент (то есть, сам доктор был не против вакцинации детей его препаратами)» [1, с. 103–104], данный нарратив продолжает пользоваться популярностью в сети «Интернет» в качестве отрицательного стимула, которому доверяют обыватели.

Здесь обозначается очень важная проблема о восприятии людьми ложной информации. Так, группа ученых под руководством А. Н. Неверова несколько лет назад экспериментально зафиксировала, что «фейковые новости и информационные каналы, не вызывающие доверия: 1) не провоцируют у потребителя информации негативных эмоций и не блокируются в качестве компонентов инфополя, 2) несмотря на избыточность данных ... человек склонен продолжать отслеживать ... информацию, которая заведомо воспринимается им как недостоверная, 3) ... враждебная и дружелюбная информация одинаково поступают к потребителю, и от-

сутствие доверия не приводит к отказу от ее потребления» [7, с. 75–76]. Особое место здесь занимает научная информация, поскольку на ее генерацию «требуется высококачественные и уникальные ресурсы, при этом она отдалена от удовлетворения первичных потребностей» [8, с. 43–44]. Итоговый вывод из полученных данных был таков: «...раскрытие и доказательство ложности ... источника информации, приводящее к снижению доверия, не есть надежный инструмент противодействия поступлению враждебной информации в когнитивное поле как на индивидуальном, так и групповом уровнях» [9, с. 78–79]. Поэтому даже отзыв статей, содержащих ложные данные, и размещение их, к примеру, на специальном сайте Retraction Watch¹, созданном по инициативе доктора медицины А. Орански и историка науки А. Маркуса для борьбы с издательствами мусорных журналов и недобросовестными исследователями, окончательно не пресекает их использование в качестве источников информации [1, с. 90, 91]. Более того, на них даже продолжают ссылаться, а в некоторых случаях наблюдается рост цитирований, следующий после отзыва статьи. Один из вариантов объяснения подобной толерантности к явной лжи проистекает из того, что многие нематериальные сферы: литература, живопись, театр, кино, формирующие нашу культуру, основаны на мифах. Как отметил Д. К. Казеннов, ссылаясь на английского философа С. Т. Кольриджа, «ради получения удовольствия от интересного ... произведения люди готовы осознанно сдерживать своё недоверие (англ. suspension of disbelief) по отношению к вымышленным элементам сюжета» [10, с. 19].

Также нередки случаи, когда ученые проводят изыскания, сдвигая шансы в свою пользу – для верификации своей гипотезы. Причем публикация лишь положительных результатов стала новым императивом. К примеру, в 2010 г. Д. Фанелли, специалист по метануке, проработал 2,5 тыс. статей по разным дисциплинам, рассчитав, в скольких из них сообщалось о положительных результатах проверки первой предложенной гипотезы. В различных областях науки уровень позитивности оказался разным, но самым высоким – в

¹ Retraction Watch : [сайт]. URL: <https://retraction-watch.com/> (дата обращения: 04.12.2025).

психологии, где положительные результаты содержались в 91,5% публикаций [1, с. 111, 113, 115]. С. Ричи отмечает: «...исследование случаев формулирования гипотез учеными уже после получения итоговых данных, основанное на опросе англоязычных экономистов, показало, что 32% респондентов “представляли эмпирические результаты избирательно, чтобы они подтверждали их аргументы”, а 37% опрошенных – “прерывали статистический анализ, когда получали необходимый исход” – когда p -значению случалось опуститься ниже 0,05, хотя это могло быть стечение обстоятельств. В общем, создается такое впечатление, что специалисты “подкручивают” свои исследования ровно настолько, чтобы результаты поднырнули под линию в 0,05, а затем отсылают их в журналы» [1, с. 131, 138].

Подобная публикационная «позитивная» революция есть следствие существенного роста числа работников научной сферы (исследователей) и расходов на НИОКР (R&D) в продолжение последних 25–30 лет как по миру в целом, так и на уровне отдельных регионов и государств (табл. 1, 2; см. также [11]).

Данные экономические и «демографические» факторы и привели к изменениям в функционировании академического сообщества [11]. При этом нельзя утверждать, что профессия ученого стала (и вряд ли вообще когда-то станет) одной из сверхпопулярных форм трудовой активности: к примеру, в 2023 г. в ЕС, Турции и России доля работающих в R&D от общей численности занятых составила всего 1,7, 0,9 и 0,5% соответственно, а «большинство тех, кто получает ученую степень, не остаются в науке навсегда» [1, с. 402]. В других странах и регионах мира ситуация схожая (табл. 3). Однако сложно оспаривать, что существенное увеличение числа исследователей в абсолютном выражении «значительно обострило соперничество и создало жесткие и агрессивные условия в среде научных работников» [1, с. 402].

Исключение составляет, пожалуй, лишь Россия, в которой с 1996 по 2023 г. относительная численность научных работников сократилась на 28,0%. Другими примерами сравнительного долгосрочного тренда снижения численности трудящихся в сфере НИОКР выступают Гватемала (с 2005 по 2021 г. минус

Таблица 1 / Table 1

Динамика исследователей в сфере НИОКР по разным странам и регионам мира, на млн чел., %
Dynamics of researchers in the field of R&D in different countries and regions of the world,
per million people, %

Страна / регион	Количество исследователей в сфере R&D (на млн чел.) / (год)		Прирост / убыль, %
РФ	3787,8 (1996)	2741,3 (2023)	-27,6
ЕС	1974,4 (1996)	4451,7 (2022)	+125,5
Грузия	604,2 (2013)	1823,0 (2022)	+201,7
Турция	302,5 (1996)	1999,5 (2021)	+561,1
Ирландия	1787,1 (1996)	5250,7 (2021)	+193,8
КНР	447,9 (1996)	1687,1 (2021)	+276,6
Индия	153,4 (1996)	260,4 (2020)	+69,8
Сингапур	2532,1 (1996)	7224,7 (2020)	+185,3
Гонконг	1049,7 (1998)	4809,0 (2022)	+358,1
Макао	262,8 (2001)	3544,5 (2022)	+1248,9
Япония	4916,6 (1996)	5638,4 (2021)	+14,7
Таиланд	100,9 (1996)	1699,1 (2021)	+1583,3
Южная Корея	2185,1 (1996)	9081,9 (2021)	+315,6
Израиль	7291,0 (2011)	8250,0 (2012)	+13,2
Тунис	1064,5 (2007)	1672,0 (2022)	+57,1
ОАЭ	2066,5 (2015)	2666,0 (2021)	+29,01
Аргентина	696,6 (1997)	1283,8 (2021)	+84,30
Канада	3073,5 (1996)	5076,2 (2020)	+65,2
США	3152,5 (1996)	4451,8 (2020)	+41,2
Новая Зеландия	2200,7 (1997)	5102,3 (2021)	+131,85
Страны с высоким доходом	2942,0 (1996)	4259 (2020)	+44,8
Страны со средним доходом	470,3 (2005)	874,2 (2020)	+85,9
Страны с низким и средним доходом	527,3 (2010)	629,7 (2015)	+19,4
Мир	1077,8 (2000)	1521,1 (2018)	+41,1

Сост. по: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 13.11.2025) ; Indicators. World Bank Group : [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 04.12.2025).

Compiled according to: Federal State Statistics Service. Site. Available at: www.gks.ru (accessed November 13, 2025) ; Indicators. World Bank Group. Site. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed December 4, 2025).

51,5%) и Украина (с 2006 по с 2022 г. минус 60,5%). Хотя номинальный рост расходов на НИОКР в нашей стране в 1996–2023 гг. был довольно существенным – на 407,9%, удельный вес средств, выделяемых на науку в РФ, от ВВП при этом невысок и отличается стабильностью – в среднем в 1996–2023 гг. 1,1% (максимальное значение 1,29% ВВП, минимальное – 0,94%

ВВП. Близкие аналоги такой методичности в представленной выборке – Индия и Ирландия, у которых в 1996 г. расходы на НИОКР соответственно составили 0,64 и 1,3% ВВП. В Индии в 2020 г. расходы на НИОКР достигли 0,65% ВВП, в Ирландии в 2022 г. упали до 0,96% ВВП).

С точки зрения классической школы экономической теории (в рамках экстраполирова-

Таблица 2 / Table 2

**Динамика расходов на НИОКР по разным странам и регионам мира, млрд долл. США
(в текущих ценах), %**
**Dynamics of R&D expenditures in different countries and regions of the world, billion US dollars
(in current prices), %**

Регион / страна	Расходы на R&D, млрд долл. США / (год)		Прирост, %
РФ	3,8 (1996)	19,3 (2023)	+407,9
ЕС	143,2 (1996)	381,2 (2022)	+166,2
Грузия	0,01 (1996)	0,08 (2023)	+659,88
Турция	0,8 (1996)	12,01 (2022)	+1401,25
Ирландия	0,96 (1996)	5,28 (2021)	+450,0
КНР	4,9 (1996)	456,9 (2022)	+9224,5
Индия	2,5 (1996)	20,5 (2020)	+715,4
Сингапур	1,3 (1996)	7,5 (2020)	+492,92
Гонконг	0,7 (1998)	4,2 (2023)	+480,9
Макао	0,004 (2001)	0,121 (2023)	+2729,6
Япония	130,1 (1996)	144,95 (2022)	+11,4
Таиланд	0,2 (1996)	5,7 (2022)	+2533,44
Южная Корея	13,5 (1996)	87,2 (2022)	+545,93
Израиль	2,9 (1996)	31,6 (2022)	+1005,52
Тунис	0,126 (2002)	0,313 (2019)	+148,97
ОАЭ	1,71 (2011)	6,21 (2021)	+263,97
Аргентина	1,1 (1996)	3,5 (2022)	+206,02
Канада	10,1 (1996)	36,5 (2023)	+259,73
США	197,8 (1996)	932,7 (2022)	+371,5
Новая Зеландия	0,7 (1997)	3,7 (2021)	+432,55
Страны с высоким доходом	567,1 (1996)	1904,6 (2022)	+235,85
Страны со средним доходом	34,4 (2000)	678,4 (2021)	+1871,5
Страны с низким и средним доходом	35,1 (2000)	686,8 (2021)	+1855,9
Мир	627,2 (1996)	2722,6 (2022)	+334,1

Сост. по: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 13.11.2025) ; Indicators. World Bank Group : [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 04.12.2025).

Compiled according to: Federal State Statistics Service. Site. Available at: www.gks.ru (accessed November 13, 2025) ; Indicators. World Bank Group. Site. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed December 4, 2025).

ния постулатов А. Смита, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сея и ряда других представителей этой школы на сферу научной деятельности) возникает интересная ситуация – рост числа исследователей («производителей академического контента»), приводящий к росту конкуренции, должен был бы положительно сказаться как на *качестве* продукции, так и на ее *цене* для потенциа-

льных потребителей: государственных ведомств, частных компаний, самих ученых. Если последнее было достигнуто: несмотря на существенное увеличение ассигнований на НИОКР, «вся научная литература удваивается в объеме каждые 9 лет» [1, с. 225], поэтому стоимость единицы продукции из-за эффекта масштаба снизилась, – то первое остается под вопросом.

Таблица 3 / Table 3

**Динамика удельного веса исследователей, занятых в НИОКР по разным странам и регионам мира,
% от общего числа работников**
**Dynamics of the proportion of researchers engaged in R&D in different countries and regions of the world,
% of the total number of employees**

Страна / регион	Доля работников в секторе R&D, % от общего числа занятых / (год)	
РФ	0,66 (1996)	0,50 (2023)
ЕС	0,40 (1996)	1,70 (2023)
Ирландия	0,37 (1996)	0,88 (2021)
Грузия	0,11 (2013)	0,33 (2022)
Турция	0,06 (1996)	0,90 (2023)
Южная Корея	0,36 (1996)	1,49 (2021)
Сингапур	0,48 (1996)	1,12 (2020)
Япония	0,80 (1996)	0,93 (2021)
КНР	0,06 (1996)	0,26 (2021)
Гонконг	0,18 (1998)	0,86 (2022)
Макао	0,04 (2001)	0,53 (2022)
Индия	0,03 (1996)	0,06 (2020)
Таиланд	0,01 (1996)	0,26 (2021)
Израиль	1,24 (2011)	1,36 (2012)
ОАЭ	0,27 (2015)	0,36 (2021)
Тунис	0,26 (2007)	0,43 (2022)
Аргентина	0,15 (1997)	0,23 (2021)
Канада	0,53 (1996)	0,87 (2020)
США	0,50 (1996)	0,78 (2020)
Новая Зеландия	0,36 (1997)	0,75 (2021)
Страны с высоким доходом	0,52 (1996)	0,75 (2020)
Страны со средним доходом	0,08 (2005)	0,16 (2020)
Страны с низким и средним доходом	0,09 (2010)	0,11 (2015)
Мир	0,18 (2000)	0,26 (2018)

Сост. по: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 13.11.2025) ; Indicators. World Bank Group : [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 04.12.2025) ; R&D personnel. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=R%26D_personnel (дата обращения: 04.12.2025).

Compiled according to: Federal State Statistics Service. Site. Available at: www.gks.ru (accessed November 13, 2025) ; Indicators. World Bank Group. Site. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed December 4, 2025) ; R&D personnel. Eurostat. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=R%26D_personnel (accessed December 4, 2025).

Следствием «массовизации» профессии исследователей в различных областях научного знания, в том числе и экономического, стало институциональное нормирование НИОКР и публикационной активности. По мнению Р. И. Капелюшникова, регуляция

выразилась в том, что возросла роль общих формальных критериев и процедур на всех этапах исследовательских процессов, а журналы превратились в инструмент сертификации качества научного контента [12]. Это, в свою очередь, привело к возникновению различных

рейтингов и индексов, исчисляемых для исследователей, университетов и журналов. Эти бюрократические КРІ, релевантность которых вызывает сомнения и споры в научной среде, но которым все равно надо соответствовать, необходимы для определения того, какие научные коллективы и направления заслуживают финансирования [11, с. 56–58; 12, с. 111, 112; 13, с. 238; 14; 15]. Поскольку значительная часть исследователей в современном мире работают в секторе предпринимательства, даже в КНР (рис. 1, 2), достойным спонсирования считаются положительные научные результаты, потому что эти самые понятные бизнесменам КРІ. Данный, по С. Ричи, «порочный стимул» привел к «эффекту кобры» – стремлению к еще большому количеству публикаций, дающих карьерный рост, престиж и деньги [1,

с. 38, 223–238]. Разумеется, есть исключения: в Аргентине (с 1997 по 2022 г.), России и Сингапуре (с 1994 по 2021 г.), Швейцарии (с 1992 по 2021 г.), ЮАР (с 2001 по 2021 г.) удельный вес исследователей, занятых в бизнес-секторе, снизился². Но и в других секторах также могут действовать причины, негативно влияющие на качество исследований. В государственном секторе – бюрократия, в секторе высшего образования – сложность совмещения работы преподавателя и ученого и т.п.

² Российская наука в цифрах: 2023 / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2023. 48 с. ; OECD Data Explorer [Электронный ресурс]. URL: <https://data-explorer.oecd.org> (дата обращения: 04.12.2025) ; R&D personnel. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=R%26D_personnel (дата обращения: 04.12.2025).

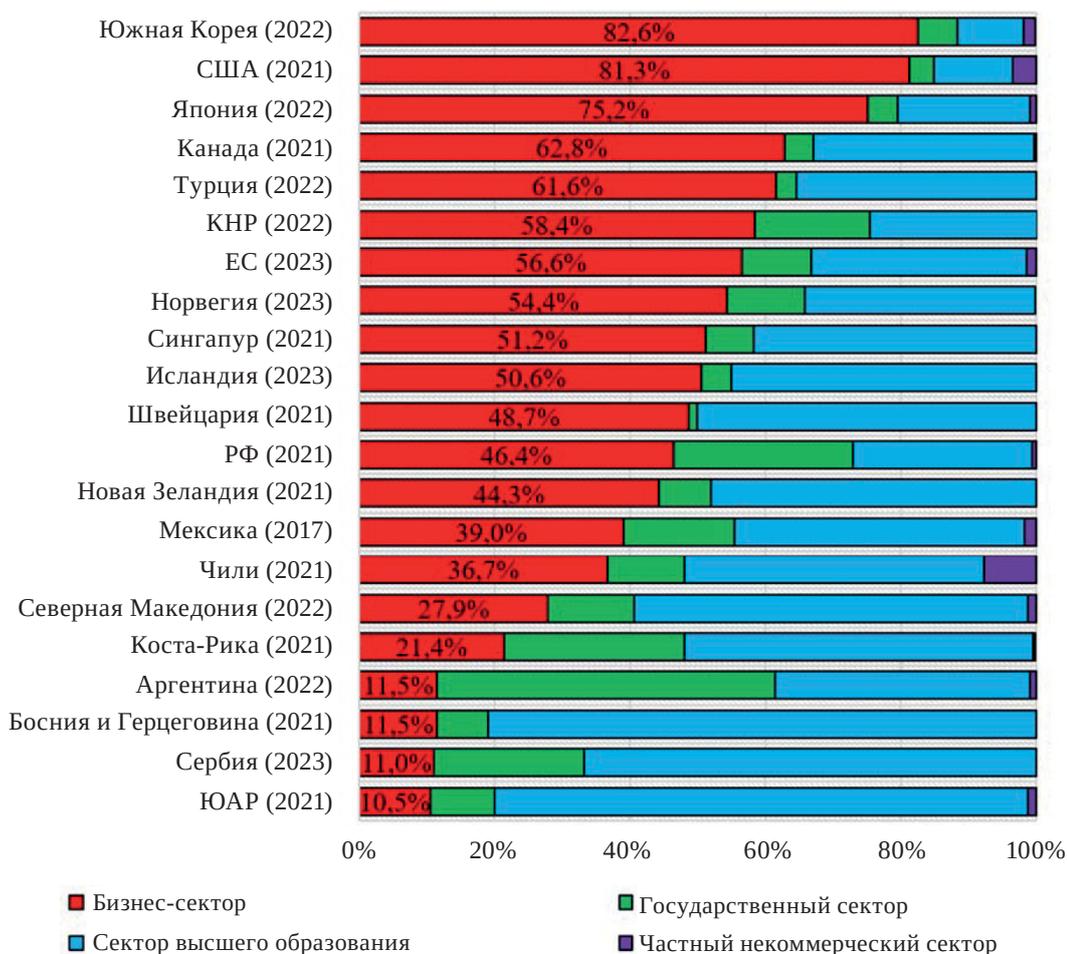

Рис. 1. Распределение исследователей по секторам экономики в 2017–2023 гг. по регионам и странам, % от общего числа исследователей (цвет онлайн)

Fig. 1. Distribution of researchers by economic sectors in 2017–2023 by regions and countries, % of the total number of researchers (color online)

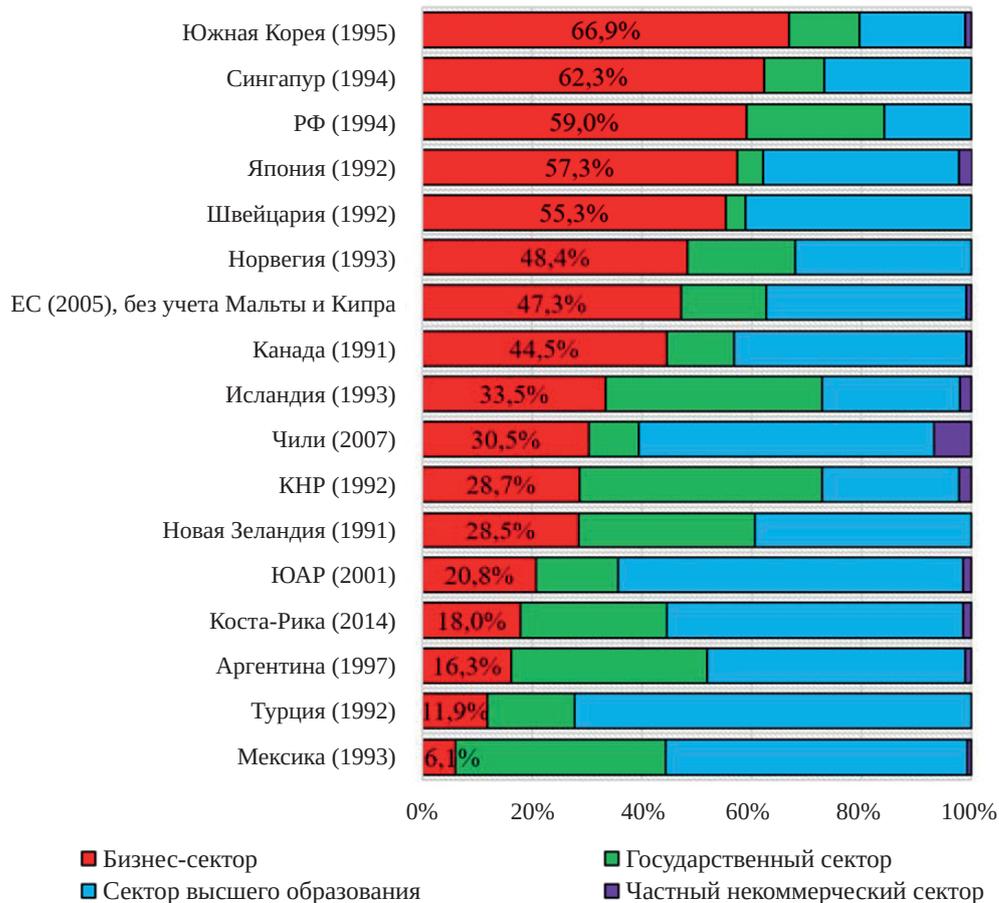

Рис. 2. Распределение исследователей по секторам экономики в 1991–2007 гг. по регионам и странам, % от общего числа исследователей (цвет онлайн)

Fig. 2. Distribution of researchers by economic sectors in 1991–2007 by regions and countries, % of the total number of researchers (color online)

Описанная ситуация может быть интерпретирована иначе – с опорой на фундаментальную работу Дж. Акерлофа «Рынок “лимонов”: неопределённость качества и рыночный механизм» [16]. Рассуждая в *стиле* упомянутого лауреата Нобелевской премии по экономике 2001 г., *логику объяснения* можно выстроить следующим образом: раз критерии качества исследований (в данном случае научных публикаций – статей в журналах) не всегда очевидны, их потребители, которые порой не относятся к научному сообществу, но могут быть предпринимателями, заказавшими эти исследования, не способны отличить хорошие академические результаты от плохих. В подобных условиях научные работники, генерирующие качественные исследования, содержание истинные, но *не* положительные результаты, оказываются в невыгодном положении – они могут не получить финансирование. Таким образом, возникает эффект, подобный

закону Грешема – Коперника, когда «хорошие» деньги вытесняются «плохими». В условиях асимметрии информации КРІ для исследований должны помогать обывателям разобраться в качестве научных изысканий. Есть также интуитивно понятный критерий результативности, принимаемый бизнес-сообществом, который должен быть положительным (какой вообще смысл в отрицательном в итоге?). Здесь возникают фальсификаторы, которые пытаются выдать свою «продукцию» за качественную – исследования, рапортующие о сугубо положительных результатах, вытесняя с рынка публикаций честных научных работников, результаты которых отрицательны, но достоверны. Причем издержки недобросовестного поведения научных работников, склонных к обнародованию только положительных, социально одобряемых и ожидаемых, но ложных результатов, не ограничиваются той суммой, на которую они обма-

нывают потребителя, в них также включаются потери, связанные с дискредитацией самой науки и «эффектом выталкивания» честных исследователей, сужающим само академическое сообщество [16, с. 92–93, 98–99].

Эффект от массовизации научной деятельности, в наибольшей степени проявляющийся в числе генерируемых в открытой печати публикаций и иных результатов научно-технической деятельности (РНТД), несмотря на вышесказанное, не такой однозначный. Существуют точки зрения, согласно которым потенциально рост числа ученых и их продукции может привести к росту эффективности и отдачи. Так, Дж. Иоаннидис отмечает, что, с одной стороны, рост инвестиций в конкретное направление исследований и связанный с ним рост престижа занятия научными проблемами в нем способны: а) привлечь большую долю квалифицированных специалистов; б) привести к разворачиванию более масштабных исследовательских программ и коллективов; в) обеспечить большой объем экспериментальных исследований и связанных с этим улучшением стандартов, процедур получения данных; г) привести к обнаружению большего объема гипотез и обеспечить предиктивную ценность результатов [17, с. 698–699]. С другой стороны, рост количества научных работников может вылиться в рост числа исследовательских групп, что способствует обострению конкуренции за ресурсы. Более жесткая конкурентная борьба провоцирует развитие технологии недобросовестной конкуренции, что побуждает отдавать приоритет распространению даже некачественных или непроверенных результатов, а также попыткам обеспечить медийный приоритет своим результатам по сравнению с оппонентами. Дж. Иоаннидис также отмечает, что «чем больше финансовых интересов в научной области, тем меньше вероятность того, что результаты исследования будут правдивыми» [17, с. 698–699]. Вероятно, чтобы добиться продуктивной и честной работы научных коллективов, следует обращать особое внимание на дизайн организации научной деятельности. Но в целом можно констатировать, что данные тенденции вступают в прямое противоречие с «мертоновскими» ценностными ориентирами, а на практике приводят к тому, что помимо исследований, ориентированных на обеспечение

национальной безопасности, которые уже давно находятся в сложных отношениях с механизмами «открытой науки», в нишу конфиденциальных все активнее попадают и другие фундаментальные разработки, потенциально способные обеспечить технологическое преимущество тому инвестору, который получит их результаты раньше других участников экономического процесса. Это меняет фундаментальные основания научной деятельности, переводя все большую и наиболее продуктивную часть ее из разряда публичных благ в мериторные и даже в частные.

Результаты

Таким образом, на практике «мертоновские» нормы в настоящее время все активнее вступают в фундаментальное противоречие с практикой научно-технологической гонки, что, в свою очередь, все чаще приводит к их системному игнорированию со стороны наиболее продуктивной части научного сообщества. Данные сдвиги в неформальной институциональной основе научной деятельности пока слабо рефлексированы экономической теорией науки и теориями технико-экономического развития, что делает развитие исследований в данном направлении одной из перспективных и важных фундаментальных задач на ближайшие годы.

Кроме того, «люди науки», которые должны двигать инновации, могут быть крайне консервативны: «...именитые ученые обладают исключительными знаниями и репутацией, ценность которых может уменьшиться или вообще сойти на нет из-за морального устаревания, вызванного новой теорией, нивелирующей значимость накопленного опыта. Поэтому «научный истеблишмент» в своих же интересах вынужден атаковать все свежие идеи как потенциальные угрозы своего монопольного привилегированного положения. Сюда еще примешиваются риск и неопределенность, связанные с разработкой даже перспективных, на первый взгляд, концепций. Поскольку многие из них могут быть провальными. Последствия неудач от таких бесплодных работ могут быть очень существенными, а выигрыш для тех, у кого уже все есть, не столь значимым, чтобы подвергать себя риску» [18, с. 7–8]. Поэтому возникает парадоксальная ситуация, когда косность становится системным признаком академической

среды, которая все-таки меняется и меняет весь мир вокруг себя. В итоге одной из основных проблем на пути становления рыночных отношений в отечественной науке выступает тот факт, что научное знание в значительной степени изначально воспринималось не частным, а публичным благом, генерация которого была и остается в конкретных цивилизационных рамках краеугольным камнем существования суверенной национальной экономики, а также формирует национальную идентичность и безопасность страны.

В этих условиях необходимо развитие инструментов институционального и технико-экономического проектирования научной деятельности как объективно эндогенной по отношению к экономическому развитию отдельных стран, мировой экономики и Человечества в целом.

Список литературы

1. Ричи С. Наукообразная чушь. Разоблачение мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. М. : АСТ : CORPUS, 2024. 432 с.
2. Шиллер Р. Дж. Нарративная экономика. Новая наука о влиянии вирусных историй на экономические события. М. : Эксмо, 2023. 416 с.
3. Макклоски Д. Риторика экономической науки. 2-е изд. / пер. с англ. О. Якименко ; науч. ред. перевода Д. Расков. М. : СПб : Изд-во Ин-та Гайдара ; Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.
4. Расков Д. Е. Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 81–95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-5-81-95>, EDN: LSRLGB
5. Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: Накопленные преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 256–276.
6. Pilkina M., Lovakov A. Gender disparities in Russian academia: A bibliometric analysis // Scientometrics. 2022. Vol. 127, № 6. P. 3577–3591. <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04383-w>, EDN: ODFUYI
7. Демченко А. М., Кремнев В. В., Неверов А. Н., Неверова А. В., Пьяных Д. С. Доверие к источникам информации в условиях ее избыточности: экономико-психологический и нейроэкономический аспекты // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2, № 2. С. 64–78. https://doi.org/10.38098/proceedings_2022_02_02_06, EDN: SMVZKY
8. Неверов А. Н., Латков А. В. К вопросу о сущности экономического пространства // Психолого-экономические исследования. 2015. Т. 2 (8), № 1. С. 30–51. EDN: WEBPNJ
9. Демченко А. В., Кремнев В. В., Неверов А. Н., Пьяных Д. С., Гусаров Ю. В. Влияние дружественной и враждебной информации в условиях геополитического противостояния на экономическое поведение // Эргодизайн. 2023. № 1 (19). С. 69–80. <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2023-1-69-80>, EDN: ROLXGN
10. Казеннов Д. К. Жизнь без Бога: где и когда появились главные религиозные идеи, как они изменили мир и почему стали бессмысленными сегодня. М. : Эксмо, 2014. 480 с.
11. Фенин К. В., Будушева А. А., Рябова В. С., Щетинина А. Р. Причины сложности оценки экономической эффективности образования и дискриминации в оплате труда его работников в новейшей истории России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2019. № 2 (10). С. 50–62. <https://doi.org/10.21685/2309-2874-2019-2-6>, EDN: PXVYNZ
12. Капелюшников Р. И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110–128. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-5-110-128>. EDN: UNYYZD
13. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М. : Ад Маргинем Пресс, 2025. 368 с.
14. Дворникова О. Ф., Спасенников В. В., Дворников С. В. Управление научной деятельностью креативных сотрудников в высшей школе с использованием наукометрических индикаторов // Эргодизайн. 2023. № 1 (19). С. 3–12. <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2023-1-3-12>, EDN: ZEFYTY
15. Спасенников В. В., Сканцев В. М., Молчанова Н. В. Публикационная активность и продуктивность преподавателей в зеркале наукометрии // Эргодизайн. 2022. № 1 (15). С. 55–65. <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2022-1-55-65>, EDN: QFRPBR
16. Акерлоф Дж. А. Рынок «лимонов»: неопределённость качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 91–104.
17. Ioannidis J. P. A. Why Most Published Research Findings Are False // PLoS Medicine. 2005. Vol. 2, iss. 8. Art. e124. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.0020124>
18. Фенин К. В. Зарождение и развитие экономической герменевтики в недрах советского марксизма и неоклассического синтеза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–9. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>, EDN: DZPMDC

References

1. Richi S. *Science fictions: Exposing fraud, bias, negligence and hype in science*. Moscow, AST : CORPUS, 2024. 432 p. (in Russian).
2. Shiller R. J. *Narrativnaya ekonomika. Novaya nauka o vliyaniy virusnykh istoriy na ekonomicheskie sobyitiya*

- [Narrative economics: How stories go viral & drive major economic events]. Moscow, Eksmo, 2023. 416 p. (in Russian).
3. McCloskey D. *The rhetoric of economics*. Moscow, St. Petersburg, Gaydar Institut Publ.; Mezhdunarodnye otnosheniya, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU Publ., 2015. 328 p. (in Russian).
 4. Raskov D. Rhetoric of New Institutional Economics. *Voprosy Ekonomiki*, 2010, no. 5, pp. 81–95 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-5-81-95>
 5. Merton R. K. The Matthew effect in science, II: Cumulative advantage and the symbolism of intellectual property. *Isis*, 1988, vol. 79, iss. 4, pp. 606–623. <https://doi.org/10.1086/354848>
 6. Pilkina M., Lovakov A. Gender disparities in Russian academia: A bibliometric analysis. *Scientometrics*, vol. 127, no. 6, pp. 3577–3591. <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04383-w>, EDN: ODFUYI
 7. Demchenko A. M., Kremnev V. V., Neverov A. N., Neverova A. V., Pyanykh D. S. Trust in sources of information in the conditions of its redundantly: Economic-psychological and neuroeconomic aspects. *Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, 2022, vol. 2, no. 2, pp. 64–78 (in Russian). https://doi.org/10.38098/proceedings_2022_02_02_06, EDN: SMVZKY
 8. Neverov A. N., Latkov A. V. To the question about economic space essence. *Journal of Psycho-Economics*, 2015, vol. 2 (8), no. 1, pp. 30–51 (in Russian). EDN: WEBPNJ
 9. Demchenko A., Kremnev V., Neverov A., Pyanykh D., Gusarov Yu. The influence of friendly and hostile information on economic behaviour in the context of geopolitical confrontation. *Ergodesign*, 2023, vol. 2023, no. 1 (19), pp. 69–80 (in Russian). <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2023-1-69-80>, EDN: ROLXGN
 10. Kazennov D. K. *Zhizn' bez Boga: gde i kogda poyavilis' glavnye religioznye idei, kak oni izmenili mir i pochemu stali bessmyslennymi segodnya* [Life without God: Where and when the main religious ideas appeared, how they changed the world and why they became meaningless today]. Moscow, Eksmo, 2014. 480 p. (in Russian).
 11. Fenin K. V., Bulusheva A. A., Ryabova V. S., Shchetinina A. R. The reasons for the difficulty in assessing the economic efficiency of education and discrimination in the remuneration of its employees in the recent history of Russia. *University Proceedings. Volga Region. Economic Sciences*, 2019, no. 2 (10), pp. 50–62 (in Russian). <https://doi.org/10.21685/2309-2874-2019-2-6>, EDN: PXBYHZ
 12. Kapelyushnikov R. I. On current state of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 5, pp. 110–128 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-5-110-128>, EDN: UNYYZD
 13. Greber D. *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostraneni besmyslennogo truda* [Crazy job. A treatise on the spread of meaningless labor]. Moscow, Ad Marginem Press, 2025. 368 p. (in Russian).
 14. Dvornikova O. F., Spasennikov V. V., Dvornikov S. V. Managing the scientific activity of creative employees in higher education using scientometric indicators. *Ergodesign*, 2023, vol. 2023, no. 1 (19), pp. 3–12 (in Russian). <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2023-1-3-12>, EDN: ZEFYTY
 15. Spasennikov V. V., Skancev V. M., Molchanova N. V. Lecturers' publication activity and productivity in the mirror of scientometry. *Ergodesign*, 2022, no. 1 (15), pp. 55–65 (in Russian). <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2022-1-55-65>, EDN: QFRPBR
 16. Akerlof J. A. The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 91–104 (in Russian).
 17. Ioannidis J. P. A. Why Most Published Research Findings Are False. *PLOS Medicine*, 2022, vol. 2, iss. 8, art. e124. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.0020124>
 18. Fenin C. V. The origin and development of economic hermeneutics inside Soviet Marxism and neoclassical synthesis. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–9 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>, EDN: DZPMDC

Поступила в редакцию 20.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025
 The article was submitted 20.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 16–25

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 16–25

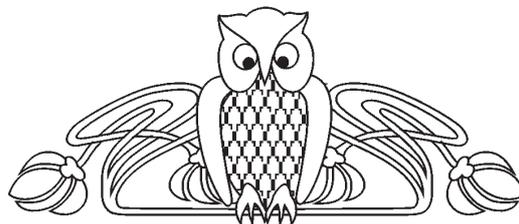
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-16-25>, EDN: DXRZQX

Научная статья

УДК 336.7

Проблемы трансмиссии денежно-кредитной политики: почему изменение ключевой ставки не всегда сдерживает инфляцию?

О. А. Синиченко

Таганрогский институт управления и экономики, Россия, 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, д. 45

Синиченко Олеся Андреевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, o.sinichenko@tmei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9216-4528>

Аннотация. Введение. Ключевая ставка является основным инструментом денежно-кредитной политики, с помощью которой центральный банк воздействует на инфляцию. Однако на практике нередко наблюдается ситуация, когда ужесточение денежно-кредитной политики и значительный рост ключевой ставки не приводят к быстрому и адекватному снижению инфляции. Данный факт свидетельствует о наличии серьезных проблем в механизме трансмиссии, что требует глубокого анализа причин данного явления. **Теоретический анализ.** В статье уделяется особое внимание теоретическим основам трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики, ключевым каналам передачи сигналов от ключевой ставки к инфляции (процентному, кредитному, валютному и др.), а также факторам, которые могут нарушать их работу. В частности, подробно рассмотрены структурные особенности экономики, такие как высокая доля монополизированных рынков, слабая конкуренция в банковском секторе и низкое доверие экономических агентов к политике регулятора, которые искажают стандартные взаимосвязи. **Эмпирический анализ.** Проанализированы статистические данные по динамике ключевой ставки, инфляции, кредитным и депозитным ставкам, а также макроэкономические показатели, необходимые для оценки эффективности трансмиссионного механизма. Проведенные расчеты и корреляционный анализ позволили выявить периоды и условия, при которых воздействие ключевой ставки на инфляцию было ослаблено, и определить ключевые «разрывы» в передаточном механизме. **Результаты.** Сформулированы ключевые проблемы, препятствующие эффективной трансмиссии денежно-кредитной политики в современных условиях. Установлено, что, помимо традиционных временных лагов, основными причинами являются структурные дисбалансы в экономике, устойчиво высокий уровень инфляции, а также влияние немонетарных проинфляционных факторов (санкции, сбои в цепочках поставок), на которые ключевая ставка не может оказать прямое воздействие. Анализ показал, что для того, чтобы меры Банка России начали действовать на экономику более эффективно, недостаточно просто регулировать уровень ключевой ставки. Параллельно нужно проводить глубокие структурные реформы в экономике.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, трансмиссионный механизм, ключевая ставка, инфляция, каналы влияния денежно-кредитной политики, механизм процентных ставок, Банк России

Для цитирования: Синиченко О. А. Проблемы трансмиссии денежно-кредитной политики: почему изменение ключевой ставки не всегда сдерживает инфляцию? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 16–25. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-16-25>, EDN: DXRZQX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Monetary policy transmission issues: Why changing the key interest rate doesn't always curb inflation?

O. A. Sinichenko

Taganrog Institute of Management and Economics, 45 Petrovskaya St., Taganrog 347900, Russia

Olesya A. Sinichenko, o.sinichenko@tmei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9216-4528>

Abstract. Introduction. The key rate is the main monetary policy instrument through which the central bank influences inflation. However, in practice, a situation is often observed when monetary policy tightening and a significant increase in the key rate do not lead to a rapid and adequate reduction in inflation. This fact indicates the presence of serious problems in the transmission mechanism, which requires an in-depth analysis of this phenomenon's causes. **Theoretical analysis.** The article pays special attention to the theoretical foundations of the monetary policy transmission mechanism, the key channels for transmitting signals from the key rate to inflation (interest rate, credit, foreign exchange and others), as well as the factors that can disrupt their operation. In particular, structural features of the economy are considered in detail, such as a high share of monopolized markets, weak competition in the banking sector and low confidence of economic agents in the regulator's policies,

which distort the standard relationships. **Empirical analysis.** Statistical data on the dynamics of the key rate, inflation, credit and deposit rates, as well as macroeconomic indicators necessary for assessing the effectiveness of the transmission mechanism are analyzed. The calculations and correlation analysis revealed periods and conditions under which the key rate's impact on inflation was weakened and identified key gaps in the transmission mechanism. **Results.** Key issues hindering the effective transmission of monetary policy in the current environment were identified. In addition to traditional time lags, the main causes were found to be structural imbalances in the economy, persistently high inflation, and the influence of non-monetary inflationary factors (sanctions, supply chain disruptions), which the key rate cannot directly influence. The analysis showed that, for the Bank of Russia's measures to have a more effective impact on the economy, simply adjusting the key rate is not enough. Deep structural reforms in the economy must be carried out in parallel.

Keywords: monetary policy, transmission mechanism, key rate, inflation, monetary policy influence channels, interest rate mechanism, Bank of Russia

For citation: Sinichenko O. A. Monetary policy transmission issues: Why changing the key interest rate doesn't always curb inflation? *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 16–25 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-16-25>, EDN: DXRZQX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Эффективное управление инфляционными процессами является одной из первостепенных целей современной денежно-кредитной политики (ДКП). Основным инструментом ее реализации в большинстве стран выступает ключевая ставка, через которую центральный банк оказывает влияние на финансовые условия и в конечном счете на совокупный спрос и уровень цен. Классическая экономическая теория предполагает наличие надежного трансмиссионного механизма, который заключается в утверждении, что повышение ключевой ставки удорожает кредитные ресурсы, сдерживает экономическую активность и, как следствие, приводит к снижению инфляционного давления.

Однако на практике все чаще наблюдаются ситуации, когда ужесточение ДКП и значительный рост ключевой ставки не приводят к ожидаемому и своевременному снижению инфляции. Это свидетельствует о нарушении или ослаблении каналов трансмиссии, что ставит под сомнение эффективность стандартного монетарного инструментария в современных условиях. Проблема становится особенно актуальной в периоды структурных преобразований в экономике, внешнеэкономических шоков и высокой волатильности на мировых рынках, когда на инфляцию оказывают влияние немонетарные факторы, слабо поддающиеся контролю со стороны центрального банка.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления и анализа причин, препятствующих эффективной передаче сигналов от ключевой ставки к инфляции. Понимание этих причин является критически важным для центральных банков всех стран,

так как позволяет корректировать политику, прогнозировать ее результаты и поддерживать макроэкономическую стабильность.

Целью данной статьи является комплексный анализ проблем трансмиссии денежно-кредитной политики и выявление ключевых факторов, объясняющих, почему изменение ключевой ставки не всегда сдерживает инфляцию.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) проанализировать теоретические основы трансмиссионного механизма ДКП и его ключевые каналы;
- 2) выявить и систематизировать факторы, способные нарушать нормальное функционирование трансмиссионного механизма;
- 3) провести эмпирическую оценку эффективности передачи сигналов от ключевой ставки к инфляции на основе актуальных статистических данных;
- 4) сформулировать выводы о природе «разрывов» в трансмиссионном механизме и предложить рекомендации по их устранению.

Теоретический анализ

Теоретической основой исследования выступает теория трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики, который представляет собой процесс передачи сигналов от монетарных инструментов Центрального Банка к реальному сектору экономики и уровню цен. Классическая модель предполагает, что изменение ключевой ставки через систему взаимосвязанных каналов приводит к предсказуемой корректировке инфляции. В рамках данного исследования рассматриваются ключевые каналы трансмиссии и теоретические ограничения их эффективности.

Рассмотрим ключевые каналы трансмиссии денежно-кредитной политики.

1. *Процентный канал* – является центральным в большинстве макроэкономических моделей, однако эмпирические исследования, в частности работы Майкла Вудфорда, подчеркивают, что его эффективность зависит от жесткости цен и степени замедления реакции экономики на изменение стоимости кредита [1].

Согласно модели данного канала повышение ключевой ставки приводит к росту процентных ставок по кредитам и депозитам в экономике. Это, в свою очередь, удорожает заемные средства для компаний и домохозяйств, что сдерживает инвестиционную и потребительскую активность, снижает совокупный спрос и оказывает понижающее давление на инфляцию.

2. *Кредитный канал* – подразделяется на два аспекта: канал банковского кредитования и канал баланса. Канал банковского кредитования акцентирует внимание на том, что ужесточение ДКП сокращает банковские ресурсы и способность кредитных организаций предоставлять займы, особенно малым и средним предприятиям. Канал баланса предполагает, что рост ставок ухудшает финансовое состояние заемщиков (снижает стоимость их активов и увеличивает расходы на обслуживание долга), что делает их менее кредитоспособными в глазах банков.

Данное направление детально рассматривалось в научных трудах Бенном Бернанке и Марком Гертлером [2, р. 30–35]. В российской научной среде проблемы банковского кредитного канала активно исследуются А. Р. Белоусовым, который указывает на высокую зависимость его эффективности от состояния банковской системы и доверия между ее участниками [3, с. 7].

3. *Валютный канал* – предполагает, что повышение ключевой ставки, при прочих равных, делает национальную валюту более привлекательной для инвесторов, что ведет к ее укреплению. Укрепление национальной валюты снижает цену импортируемых товаров, что напрямую сокращает инфляцию, а также повышает конкуренцию для отечественных производителей, косвенно сдерживая рост цен.

Однако валютный канал наиболее уязвим для внешних шоков. Исследования такого экономиста, как М. Ю. Головин, посвященные странам с формирующимися рынками,

показывают, что в условиях высокой волатильности потоков капитала и санкционного давления валютный курс может не столько стабилизировать, сколько дестабилизировать инфляционные процессы, ослабляя трансмиссию [4, с. 10].

4. *Канал инфляционных ожиданий* – играет решающую роль в современных моделях. Доверие экономических агентов к действиям Центрального Банка является ключевым. Если Банк России обладает высоким кредитом доверия, то даже объявление об ужесточении политики может привести к снижению инфляционных ожиданий и, как следствие, самой инфляции, без необходимости резкого «сжатия» экономики.

Канал инфляционных ожиданий стал «краеугольным» камнем развития современной ДКП после работ Дж. Б. Тейлора [5, р. 205–207] и М. Вудфорда, которые обосновали переход к режиму инфляционного таргетирования. Отечественный исследователь К. Юдаева отмечает, что в России процесс «закрепления» ожиданий является незавершенным, что делает их высоковосприимчивыми к немонетарным шокам [6, с. 22].

Сравнительный анализ ключевых каналов трансмиссии ДКП приведен в табл. 1.

Несмотря на логичную теоретическую базу, эффективность каналов трансмиссии может быть существенно ослаблена рядом факторов, что создает «разрывы» в передаче сигнала к действию (табл. 2).

Высокий уровень монополизации и слабая конкуренция на товарных рынках позволяют компаниям перекладывать возросшие финансовые издержки на конечных потребителей, поддерживая высокие цены даже в условиях падения спроса. Низкая конкуренция в банковском секторе может привести к тому, что изменение ключевой ставки будет неполно и с задержкой транслироваться в ставки по кредитам и депозитам. Работы Д. Асемоглу и ряда институциональных экономистов доказывают, что в высокомонополизированных экономиках ценовая политика фирм становится неэластичной по отношению к изменениям спроса, индуцированным ДКП [7, р. 54–62]. Исследования, проведенные в НИУ ВШЭ и РАНХиГС, подтверждают, что эта проблема актуальна и для России, где ключевая ставка слабо передается в конечные цены в ряде неторгуемых секторов.

Таблица 1 / Table 1

Сравнительный анализ ключевых каналов трансмиссии ДКП
Comparative analysis of the DCP key transmission channels

Канал трансмиссии	Механизм воздействия	Ключевые факторы, ослабляющие канал
Процентный	Изменение ключевой ставки влияет на изменение рыночных ставок, что, в свою очередь, ведет к корректировке инвестиций и потребления	Низкая эластичность спроса по ставке, высокая доля фиксированных ставок
Кредитный	Изменение ставки приводит к изменению предложения кредитов банками (банковский канал) и спроса на кредиты со стороны заемщиков (канал баланса)	Низкая капитализация банков, высокий уровень просроченной задолженности
Валютный	Изменение ставки приводит к изменению курса национальной валюты, что, в свою очередь, влияет на изменение цен на импорт и экспорт	Валютные интервенции, ограничения на движение капитала, изолированность финансовой системы
Инфляционных ожиданий	Заявления и действия ЦБ приводят к формированию ожиданий агентов, что отражается в закреплении в ценовой политике	Низкое доверие к ЦБ, длительная история высокой инфляции

Сост. по: [1–5].

Compiled according to: [1–5].

Таблица 2 / Table 2

Факторы, вызывающие «разрывы» в трансмиссионном механизме
Factors that cause «breaks» in the transmission mechanism

Группа факторов	Примеры	Воздействие на трансмиссию
Институциональные	Слабая независимость ЦБ, неразвитость финансовых рынков, высокий уровень долларизации	Ослабление всех каналов, особенно валютного и канала ожиданий
Структурные	Высокая монополизация экономики, низкая мобильность капитала, значительный теневой сектор	Ослабление процентного и кредитного каналов, искажение ценовых сигналов
Внешние (шоки)	Резкие колебания цен на сырье, санкции, разрыв цепочек поставок	Подавление валютного канала, доминирование немонетарной инфляции
Поведенческие	Дезанкоринг инфляционных ожиданий, низкий уровень финансовой грамотности	Ослабление и искажение канала инфляционных ожиданий

Сост. по: [1–5].

Compiled according to: [1–5].

В условиях, когда инфляция обусловлена шоками предложения (разрывы глобальных цепочек поставок, рост мировых цен на сырье, санкционные ограничения), традиционное ужесточение ДКП оказывается малоэффективным [8, с. 115]. Оно борется со следствием (инфляцией), а не с причиной (сокращением предложения), и может даже усугубить спад, не оказав значимого влияния на цены. Мировой опыт, включая энергетические кризисы 1970-х гг. и перебои цепочек поставок, анализируется в работах О. Бланшара и Дж. Гали [9, р. 4–18]. Они показывают, что шоки предложения создают для центральных банков дилемму:

бороться с инфляцией ценой глубокой рецессии или допустить ее временный рост. В российском контексте исследования Е. Т. Гурвича выделяют структурные сдвиги в экономике 2022–2023 гг. как ключевой фактор, искаживший стандартные трансмиссионные связи [10, с. 32; 11, с. 8].

В экономике с длительной историей высокой инфляции ожидания экономических агентов становятся неэластичными и плохо поддаются корректировке. Если домохозяйства и компании не верят в способность Центрального Банка «победить» инфляцию, они закладывают ее высокий уровень в долгосрочные контракты и стратегии, тем самым проецируя ее в будущее.

В такой ситуации доверие подорвано, и канал ожиданий не работает. Теория рациональных и адаптивных ожиданий (Р. Лукас, Т. Сарджент) объясняет, почему при низком доверии к политике ЦБ инфляция приобретает самоподдерживающийся характер [12]. Эмпирические исследования Банка России, представленные в его ежегодных докладах, прямо указывают на «дезанкоринг» инфляционных ожиданий как на одну из главных проблем периода 2022–2023 гг., потребовавшую сверхжесткой монетарной реакции.

В странах с недостаточно развитым финансовым рынком, высокой долей наличного обращения и слабой проницаемостью банковских услуг каналы трансмиссии (особенно процентный и кредитный) функционируют частично. Значительная часть населения и бизнеса может быть просто «отключена» от системы монетарного регулирования. В периоды экономического бума или, наоборот, глубокого кризиса чувствительность инвестиционного и потребительского

спроса к изменению процентных ставок может существенно снижаться, ослабляя процентный канал. Работы Э. Хелпмана, М. Обстфельда и К. Рогоффа, а также К. Борио из Банка международных расчетов (BIS) акцентируют внимание на растущей роли глобальных, а не внутренних факторов инфляции в открытых экономиках, что может ослаблять мощь национальной ДКП [13, с. 53–59].

Таким образом, теоретический анализ демонстрирует, что эффективность трансмиссионного механизма ДКП зависит не только от действий Центрального Банка, но и от структурного состояния экономики, природы инфляционных шоков и «настроек» экономических агентов, что объясняет, почему на практике связь между ключевой ставкой и инфляцией часто оказывается нелинейной и ослабленной.

На рис. 1 приведена упрощенная схема трансмиссионного механизма ДКП и точек возникновения «разрывов».

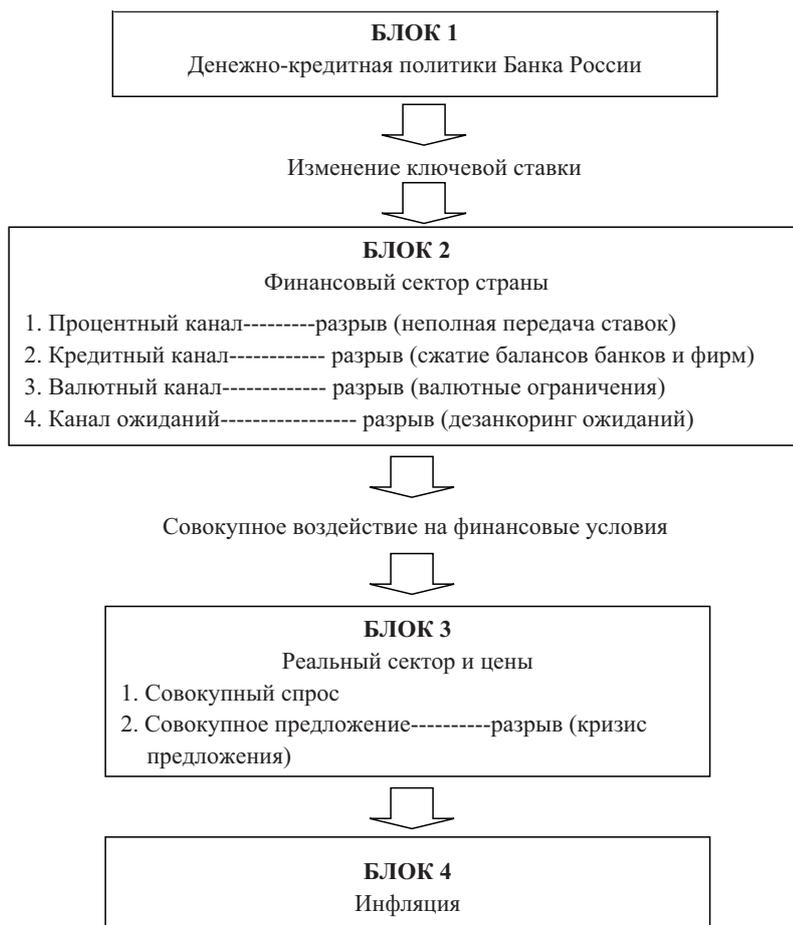

Рис. 1. Упрощенная схема трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и точек возникновения «разрывов»

Fig. 1. Simplified diagram of the monetary policy transmission mechanism and the points of “breaks”

На рис. 1 показано, как импульс от ключевой ставки (Блок 1) передается через финансовую систему (Блок 2) на реальный сектор (Блок 3), влияя на инфляцию (Блок 4). Пунктирными линиями обозначены ключевые точки («разрывы»), где передача монетарного импульса может быть ослаблена или прервана из-за ряда факторов, перечисленных в табл. 2.

Эмпирический анализ

Для верификации теоретических выводов о проблемах трансмиссии денежно-кредитной политики был проведен эмпирический анализ на основе данных по Российской Федерации за 2019–2024 гг. Цель анализа – выявить периоды и количественно оценить масштабы ослабления связи между ключевой ставкой Банка России и уровнем инфляции.

В качестве методологической основы использовался корреляционно-регрессионный анализ. Были рассчитаны коэффициенты корреляции между ключевой ставкой и инфляцией

(месячный и годовой темп прироста ИПЦ) для различных временных лагов (0, 3, 6, 9 месяцев), что позволяет учесть запаздывание влияния монетарной политики. Для визуализации динамики процессов применялся сравнительный анализ траекторий ключевой ставки и инфляции. Также был проведен анализ передаточной динамики от ключевой ставки к ставкам по кредитам и депозитам для нефинансовых организаций и домохозяйств. Использовались ежемесячные данные Банка России и Росстата: размер ключевой ставки, индекс потребительских цен, ставки по кредитам и депозитам в рублях.

Данные с расчетами коэффициентов корреляции между ключевой ставкой и инфляцией с различными лагами приведены в табл. 3.

Результаты, представленные в табл. 3, наглядно демонстрируют структурный сбой в механизме трансмиссии. В стабильный период (2019–2021 гг.) наблюдалась классическая картина: повышение ставки сегодня вело к снижению инфляции через 6–9 месяцев (коэффициент корреляции достигал 0.72).

Таблица 3 / Table 3

Коэффициенты корреляции между ключевой ставкой и инфляцией с различными лагами
Correlation coefficients between the key interest rate and inflation with different lags

Период анализа	Лаг 0 месяцев	Лаг 3 месяца	Лаг 6 месяцев	Лаг 9 месяцев	Вывод
2019–2021 гг. (относительно стабильный период)	+0,15	-0,35	-0,58	-0,72	Отрицательная связь проявляется с лагом 6–9 месяцев, что соответствует теории
2022–2024 гг. (период шоков)	+0,85	+0,78	+0,65	+0,41	Связь стала положительной и сильной в краткосрочном периоде, что свидетельствует о нарушении трансмиссии

Сост. по: Процентные ставки денежно-кредитной политики. URL: https://cbr.ru/hd_base/ProcStav/IR_CHG_MPO/ (дата обращения: 27.10.2025).

Compiled according to: *Protsentnye stavki denezhno-kreditnoy politiki* (Monetary policy interest rates). Available at: https://cbr.ru/hd_base/ProcStav/IR_CHG_MPO/ (accessed October 27, 2025).

В шоковый период (2022–2024 гг.) связь стала положительной: рост ставки совпал с ростом инфляции, так как оба показателя реагировали на одни и те же проинфляционные шоки (санкции, разрыв цепочек поставок), что указывает на доминирование немонетарных факторов. Динамика ключевой ставки и инфляции в 2019–2024 гг.¹ представлена на рис. 2.

¹ См.: Процентные ставки денежно-кредитной политики. URL: https://cbr.ru/hd_base/ProcStav/IR_CHG_MPO/ (дата обращения: 27.10.2025); Инфляция и ключевая ставка Банка России. URL: https://cbr.ru/hd_base/inf/ (дата обращения: 27.10.2025).

Анализ представленных на рис. 2 данных выявляет сложную и нелинейную динамику взаимосвязи ключевой ставки и инфляции, позволяя выделить три ключевых режима денежно-кредитной политики.

В период 2019–2021 гг. наблюдалась относительно предсказуемая картина, когда Банк России реагировал на ускорившуюся в 2021 г. инфляцию опережающим повышением ставки. Однако эффективность мер была ограничена немонетарным характером инфляционного давления, обусловленного глобальными факторами.

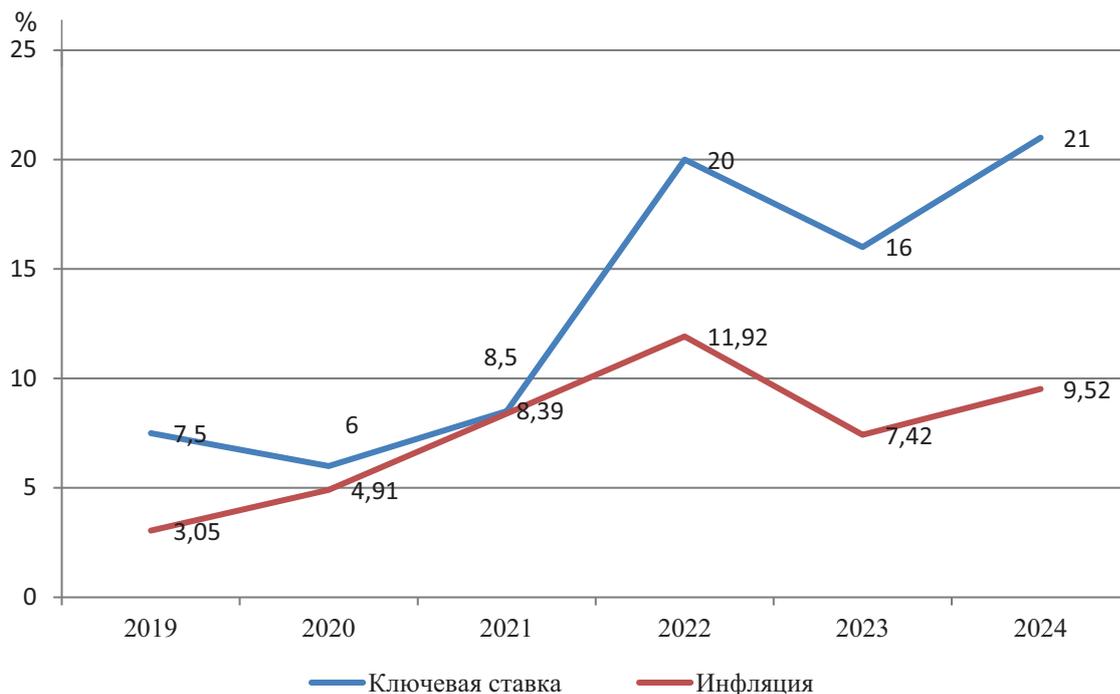

Рис. 2. Динамика ключевой ставки и инфляции в 2019–2024 гг., % (цвет онлайн)
Fig. 2. Dynamics of the key rate and inflation in 2019–2024, % (color online)

Шоковый 2022 г. характеризовался парадоксальным нарушением трансмиссионного механизма. Резкое ужесточение политики (рост ставки до 20%) не предотвратило всплеска инфляции, что наглядно демонстрирует доминирование шоков предложения и ограниченную эффективность монетарных инструментов в таких условиях [14, с. 197]. Последующее в 2023 г. снижение ставки на фоне снижающейся инфляции указало на начало восстановления традиционных взаимосвязей и проявление отсроченного эффекта от ранее принятых мер [15, с. 9].

В 2024 г. возобновилось инфляционное давление, требующее сверхжесткой монетарной реакции. Рост инфляции до 9,52% при увеличении ключевой ставки до 21% свидетельствует о сохраняющихся проинфляционных рисках и, возможно, о снижении эффективности процентного канала трансмиссии.

Теоретическая интерпретация результатов подтверждает гипотезу о структурных изменениях в механизме трансмиссии. Зависимость между ставкой и инфляцией носит нелинейный характер и критически зависит от природы инфляционных процессов. В периоды шоков предложения традиционные взаимосвязи нарушаются, что требует от Центрального Банка более комплексного подхода, выходящего за рамки стандартного инфляционного таргетирования.

Оценка передачи ключевой ставки в рыночные ставки кредитов и депозитов служит прямым измерением работоспособности трансмиссионного механизма (табл. 4). Такой анализ выполняет роль точного диагностического инструмента. Он позволяет не просто констатировать, что политика не сработала, а показать, на каком именно этапе произошел сбой – в банковской системе. Неполная или замедленная передача ставки является объективным свидетельством либо проблем в самом банковском секторе (например, с ликвидностью или капиталом), либо его нежелания или невозможности передавать импульс дальше из-за высоких рисков. Это количественное доказательство «разрыва» в канале кредитования, который теоретически описывается в литературе, но требует именно эмпирического подтверждения.

Проведенный анализ передачи ключевой ставки выявил сложную и неоднородную динамику трансмиссионного механизма. В шоковом 2022 г. наблюдался парадоксальный разрыв в передаче монетарного импульса, особенно выраженный в корпоративном кредитовании, где ставки не только не повысились, но и продемонстрировали отрицательную динамику. Это свидетельствует о глубоком структурном нарушении канала кредитования в период экстремальной волатильности.

Таблица 4 / Table 4

Скорость и полнота передачи ключевой ставки в ставки по кредитам и депозитам (пиковые значения, %)
Speed and completeness of transmission of the key rate to loan and deposit rates (peak values, %)

Показатель	2021	2022	2023	2024	Изменение, п.п. (2022 к 2021)	Передача (доля от изменения ключевой ставки)	Динамика передачи (2024 к 2023)
Ключевая ставка	8,5	20,0	16,0	21,0	+11,5	1,0	+5,0
Ставка по кредитам юридическим лицам	9,41	8,93	16,11	23,98	-0,48	-0,04	+7,87
Ставка по кредитам физическим лицам	14,34	17,43	21,03	32,73	+3,09	0,27	+11,7
Ставка по депозитам физических лиц	5,93	13,81	12,78	21,37	+7,88	0,69	+8,59
Ставка по депозитам юридических лиц	6,52	14,56	14,43	20,88	+8,04	0,7	+6,45

Сост. по: Процентные ставки денежно-кредитной политики. URL: https://cbr.ru/hd_base/ProcStav/IR_CHG_MPO/ (дата обращения: 27.10.2025); Инфляция и ключевая ставка Банка России. URL: https://cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения: 27.10.2025).

Compiled according to: *Protsentnye stavki denezhno-kreditnoy politiki* (Monetary policy interest rates). Available at: https://cbr.ru/hd_base/ProcStav/IR_CHG_MPO/ (accessed October 27, 2025); *Inflyatsiya i klyuchevaya stavka Banka Rossii* (Inflation and the key rate of the Bank of Russia). Available at: https://cbr.ru/hd_base/infl/ (accessed October 27, 2025).

К 2024 г. механизм трансмиссии восстановил работу, однако с существенными изменениями. Резкий рост ставок по всем категориям, особенно в розничном сегменте, указывает не только на реакцию на ужесточение денежно-кредитной политики, но и на значительное увеличение премий за риск. Финансовая система начала функционировать в новой парадигме, где высокая ключевая ставка полностью транслируется в стоимость кредитных и депозитных продуктов, однако это происходит на фоне сохраняющихся структурных дисбалансов².

Наиболее полная и предсказуемая передача сохраняется в депозитном сегменте, тогда как кредитные ставки, особенно для физических лиц, демонстрируют превышающую реакцию, что может свидетельствовать о накопленных проблемах в качестве кредитных портфелей и изменении поведения финансовых посредников.

Проведенный эмпирический анализ подтвердил гипотезу о структурных нарушениях в трансмиссионном механизме денежно-кредитной политики в период 2019–2024 гг. Установлено, что в шоковый период 2022–2024 гг. произошло кардинальное изменение характера

² Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 и период 2023 и 2024 годов. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/180751/on_2022\(2023-2024\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/180751/on_2022(2023-2024).pdf) (дата обращения: 27.10.2025).

взаимосвязи ключевой ставки и инфляции, что проявилось в смене отрицательной корреляции на положительную. Это свидетельствует о доминировании немонетарных факторов инфляции и ограниченной эффективности монетарных инструментов в условиях шоков предложения.

Анализ передачи ключевой ставки в процентные ставки по кредитам и депозитам выявил существенную неоднородность функционирования трансмиссионного механизма. В шоковый период 2022 г. наблюдался парадоксальный разрыв в передаче монетарного импульса, особенно выраженный в корпоративном кредитовании. К 2024 г. механизм трансмиссии восстановился, однако с признаками существенных структурных изменений, проявляющихся в резком росте премий за риск, особенно в розничном сегменте кредитования.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости адаптации денежно-кредитной политики к структурным изменениям в экономике, учитывающей неоднородность передачи монетарных импульсов по различным сегментам финансовой системы и зависимость эффективности политики от природы инфляционных шоков³.

³ Там же.

Результаты

Проведенное исследование позволило получить ряд существенных результатов, раскрывающих природу и механизмы нарушения трансмиссии денежно-кредитной политики в современных условиях.

На основе корреляционного анализа выявлено кардинальное изменение взаимосвязи ключевой ставки и инфляции в шоковый период 2022–2024 гг. Если в стабильный период (2019–2021 гг.) наблюдалась классическая отрицательная корреляция с лагом 6–9 месяцев (коэффициент $-0,72$), то в период шоков связь стала положительной и сильной в краткосрочном периоде (коэффициент $+0,85$ при лаге 0 месяцев). Данный парадокс свидетельствует о фундаментальном нарушении трансмиссионного механизма, когда оба показателя реагировали на единые внешние шоки, а традиционная причинно-следственная связь была нарушена.

Анализ передачи ключевой ставки в процентные ставки по кредитам и депозитам выявил существенную неоднородность функционирования трансмиссионного механизма. В 2022 г. наблюдался парадоксальный разрыв в корпоративном кредитовании, где ставки продемонстрировали отрицательную динамику ($-0,48$ п.п.) на фоне резкого роста ключевой ставки. К 2024 г. передаточный механизм восстановился, однако с признаками структурных изменений, проявляющихся в резком росте премий за риск, особенно в розничном сегменте кредитования (прирост на $11,7$ п.п.).

Установлено, что наиболее полная и предсказуемая передача сохраняется в депозитном сегменте (коэффициент передачи $0,69–0,70$), тогда как кредитные ставки демонстрируют существенно более слабую реакцию на изменения денежно-кредитной политики. Особенно выраженная асимметрия наблюдается между корпоративным и розничным кредитованием, что свидетельствует о дифференцированной риск-оценке банковских институтов.

Полученные результаты убедительно доказывают, что в условиях мощных внешних шоков инфляция формируется преимущественно под воздействием факторов со стороны предложения. Ограниченная эффективность монетарных инструментов в таких условиях обусловлена их неспособностью напрямую влиять на структурные дисбалансы в экономике и шоки предложения.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в верификации гипотезы о нелинейном характере трансмиссионного механизма и его зависимости от природы инфляционных процессов. Практическая ценность состоит в разработке диагностического инструментария для выявления «разрывов» трансмиссии и обосновании необходимости адаптации денежно-кредитной политики к структурным изменениям в экономике.

Выявленные закономерности свидетельствуют о необходимости пересмотра традиционных подходов к проведению денежно-кредитной политики и разработки комплексных мер, учитывающих структурные особенности экономики и природу инфляционных шоков.

Список литературы

1. Woodford M. Interest and prices: Foundations of a theory of monetary policy. Princeton University Press, 2003. 808 p. URL: <https://press.princeton.edu/books/hardcover/9780691010496/interest-and-prices> (дата обращения: 27.10.2025).
2. Bernanke B. S., Gertler M. Inside the Black Box: The credit channel of monetary policy transmission // The Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9, iss. 4. P. 27–48. <https://doi.org/10.1257/jep.9.4.27>
3. Белоусов А. П. Российская экономика в среднесрочной перспективе: сценарии развития // Проблемы прогнозирования. 2004. № 4. С. 1–29. EDN: HRTRUT
4. Головин М. Ю. Денежно-кредитная политика России: реакция на новые внешние вызовы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 7–20. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_1_7_20, EDN: BOEIAH
5. Taylor J. B. Discretion versus policy rules in practice // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. 1993. Vol. 39. P. 195–214.
6. Юдаева К. О валютной политике // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 21–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-1-21-28>, EDN: KYJROZ
7. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y. Institutional causes, macroeconomic symptoms: Volatility, crises and growth // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50, iss. 1. P. 49–123.
8. Синиченко О. А. Адаптация банковского сектора к условиям неустойчивости глобальной финансовой среды // Экономические и социальные проблемы России. 2024. № 1 (57). С. 106–125. <https://doi.org/10.31249/espr/2024.01.07>, EDN: OKYVTN
9. Blanchard O. J., Galí J. Labor markets and monetary policy: A New-Keynesian model with unemployment // American Economic Journal: Macroeconomics. 2008. Vol. 2, № 2. P. 1–30. <https://doi.org/10.1257/mac.2.2.1>

10. Гурвич Е. Т. Возможные источники и ограничения роста российской экономики в период до 2024 г. // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 1 (4). С. 30–45. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2019-00003>
11. Гурвич Е. Т. Неосязаемые факторы финансовых кризисов. Часть 2 // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1, № 2. С. 6–27. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-2-6-27>, EDN: UGWTRH
12. Тюкавкин Н. М. Концептуальный анализ «Теории рациональных ожиданий» // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8–1 (39). С. 90–93. EDN: UHNZYZ
13. Моисеев С. Макроанализ валютного курса: от Касселя до Обстфельда и Рогоффа // Вопросы экономики. 2004. № 1. С. 49–65. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-1-49-65>, EDN: PJFZB
14. Зимовец А. В., Сорокина Ю. В., Ханина А. В. Комплекс предложений по защите экономики России от санкций стран Запада на макро-, мезо- и микроуровне // Экономические отношения. 2022. Т. 12, № 2. С. 195–214. <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114792>, EDN: KZLOCK
15. Синиченко О. А. Роль банковского сектора в развитии экономики страны // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2023. № 4 (40). С. 3–10.
5. Taylor J. B. Discretion versus policy rules in practice. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, 1993, no. 39, pp. 195–214.
6. Yudaeva K. On the exchange rate policy. *Voprosy Ekonomiki*, 2010, no. 1, pp. 21–28 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-1-21-28>, EDN: KYJROZ
7. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y. Institutional causes, macroeconomic symptoms: Volatility, crises and growth. *Journal of Monetary Economics*, 2003, vol. 50, iss. 1, pp. 49–123.
8. Sinichenko O. A. Adaptation of the banking sector to the conditions of instability of the global financial environment. *Economic and Social Problems of Russia*, 2024, no. 1 (57), pp. 106–125 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/espr/2024.01.07>, EDN: OKYVTN
9. Blanchard O. J., Galí J. Labor markets and monetary policy: A New-Keynesian model with unemployment. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2008, vol. 2, no. 2, pp. 1–30. <https://doi.org/10.1257/mac.2.2.1>
10. Gurvich E. T. Capabilities and limitations of growth of the Russian economy in period till 2024. *Issues of Economic Theory*, 2019, no. 1 (4), pp. 30–45 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2019-00003>
11. Gurvich E. T. The intangible drivers of financial crises. Part 2. *Contemporary World Economy*, 2023, vol. 1, no. 2, pp. 6–27 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-2-6-27>, EDN: UGWTRH
12. Tyukavkin N. M. Conceptual analysis of “The theory of rational expectations”. *International Research Journal*, 2015, no. 8–1 (39), pp. 90–93 (in Russian). EDN: UHNZYZ
13. Moiseev S. Macroanalysis of exchange rate: From Kassel to Obstfeld and Rogoff. *Voprosy Ekonomiki*, 2004, no. 1, pp. 49–65 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-1-49-65>, EDN: PJFZB
14. Zimovets A. V., Sorokina Yu. V., Khanina A. V. A set of proposals to protect the Russian economy from Western sanctions at the macro-, meso- and micro-levels. *Journal of International Economic Affairs*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 195–214 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114792>, EDN: KZLOCK
15. Sinichenko O. A. The role of the banking sector in the development of the country’s economy. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2023, no. 4 (40), pp. 3–10 (in Russian).

References

1. Woodford M. *Interest and prices: Foundations of a theory of monetary policy*. Princeton University Press, 2003. 808 p. Available at: <https://press.princeton.edu/books/hardcover/9780691010496/interest-and-prices> (accessed October 27, 2025).
2. Bernanke B. S., Gertler M. Inside the Black Box: The credit channel of monetary policy transmission. *The Journal of Economic Perspectives*, 1995, vol. 9, iss. 4, pp. 27–48. <https://doi.org/10.1257/jep.9.4.27>
3. Belousov A. R. The Russian economy in the medium-term perspective: Development scenarios. *Studies on Russian Economic Development*, 2004, vol. 15, no. 4, pp. 329–347. EDN: XCPTHC
4. Golovnin M. Yu. Monetary policy in Russia: Reaction to new external challenges. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2023, no. 1, pp. 7–20 (in Russian). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_1_7_20, EDN: BOEIAH

Поступила в редакцию 07.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 10.12.2025
 The article was submitted 07.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 10.12.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 26–40

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 26–40

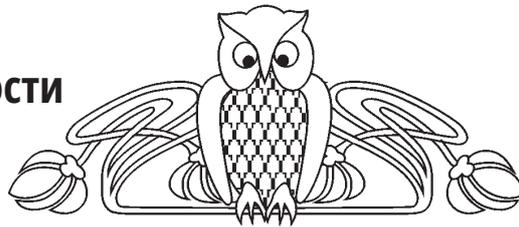
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-26-40>, EDN: CEBTGU

Научная статья

УДК 330.148:378

Исследование финансовой грамотности студентов медицинского вуза: компетентностный подход

И. Г. Новокрещенова, О. В. Краснова , Н. А. Ефремова

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Новокрещенова Ирина Геннадиевна, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой экономики и управления здравоохранением и фармацией, irina13nov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8814-2331>

Краснова Оксана Вячеславовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления здравоохранением и фармацией, krasnovaov760831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7828-9180>

Ефремова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления здравоохранением и фармацией, raiznali@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7601-4092>

Аннотация. Введение. Представлено пятилетнее исследование уровня финансовой грамотности обучающихся медицинского вуза с целью определения дальнейших траекторий образовательной деятельности по формированию финансовой культуры поведения. **Теоретический анализ.** В существующей парадигме развития системы высшего образования принято считать, что реализация в вузах универсальной компетенции из категории «Экономическая культура, в том числе финансовая грамотность», представленной во всех ФГОС ВО РФ, должна осуществляться для всех специальностей одинаково. Это предполагает наличие в учебных планах дисциплин, по своей дидактической характеристике охватывающих все индикаторы компетенции. **Эмпирический анализ.** Базой для проведения исследования уровня финансовой грамотности студентов медицинского вуза послужил мониторинг, осуществляемый с 2021 по 2025 г. кафедрой экономики и управления здравоохранением и фармацией Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского. В опросе участвовали 2270 студентов 1-го и 2-го курсов медицинских специальностей. Исследование проводилось по вопросам самооценки основных компонентов знаний и умений: личный бюджет и финансовое планирование; управление личными сбережениями; финансовые услуги: банковские вклады, кредитование, банковские карты; инвестиционные документы; система оплаты труда; пенсионное обеспечение; инструменты страхования; налогообложение; защита персональных данных. **Результаты.** Специфика будущей профессиональной деятельности предопределяет некоторые особенности формирования экономико-управленческих компетенций у студентов медицинских специальностей, становление которых предполагает комплексный подход, выходящий за рамки обучения в вузе и развивающий культуру финансового поведения.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовая культура, студенты медицинского вуза, экономико-управленческие компетенции, универсальные компетенции

Для цитирования: Новокрещенова И. Г., Краснова О. В., Ефремова Н. А. Исследование финансовой грамотности студентов медицинского вуза: компетентностный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 26–40. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-26-40>, EDN: CEBTGU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A study of medical students' financial literacy: A competence-based approach

I. G. Novokreshchenova, O. V. Krasnova , N. A. Efremova

V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Irina G. Novokreshchenova, irina13nov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8814-2331>

Oksana V. Krasnova, krasnovaov760831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7828-9180>

Natalia A. Efremova, raiznali@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7601-4092>

Abstract. Introduction. The article describes a five-year study of the medical university students' financial literacy level, with the aim of determining future trajectories of educational activities to develop a financial culture of behavior. **Theoretical analysis.** In the current paradigm of higher education development, it is generally accepted that the implementation of the universal competence from the category "Economic Culture, Including Financial Literacy," presented in all Federal State Educational Standards of Higher Education of the Russian Federation, should be car-

ried out equally for all specialties. This implies the presence of subjects in the curriculum, with didactic characteristics that cover all indicators of competence. However, for medical students, a situation is observed where some indicators or their components are not implemented at all or are implemented only partly; this mainly applies to indicators related to financial literacy. As a result, medical school graduates often lack the knowledge, skills, and abilities necessary to develop their financial culture to an appropriate level. **Empirical analysis.** The study of medical students' financial literacy was based on the monitoring conducted from 2021 to 2025 by the Department of Economics and Management of Healthcare and Pharmacy at Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky. For this purpose, a questionnaire was developed, consisting of 15 questions for self-assessment of the main components of knowledge and skills: personal budget and financial planning; personal savings management; financial services: personal budget and financial planning; personal savings management; financial services: bank deposits, loans, bank cards; investment documents; wage system; pension provision; insurance instruments; taxation; personal data protection. 2270 1st and 2nd year medical students participated in the survey. **Results.** Future profession specifics predetermines some features of the economic and managerial competencies formation among medical students, which involves an integrated approach that goes beyond university studies and develops a culture of financial behavior.

Keywords: financial literacy, financial culture, medical university students, economic and managerial competencies, universal competencies

For citation: Novokreschenova I. G., Krasnova O. V., Efremova N. A. A study of medical students' financial literacy: A competence-based approach. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 26–40 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-26-40>, EDN: CEBTGU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современных условиях развития общества все более актуальным становится повышение уровня финансовой грамотности и формирование финансовой культуры, учитывающей динамику развития финансовых рынков, изменения уровня жизни и потребностей населения и возможных социально-экономических рисков. Вопрос о повышении финансовой грамотности населения остается актуальным уже около 20 лет. В эти годы Правительство Российской Федерации ведет планомерную работу по повышению финансовой грамотности населения, внедряя в жизнь цели и задачи Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года (далее – Стратегия)¹.

Стратегия была утверждена в конце 2023 г. В ней описаны основные направления ее осуществления (образование, инфраструктура, информационно-просветительская деятельность, взаимодействие, цифровизация), цели и ожидаемые результаты, ключевые элементы реализации (план мероприятий, межведомственная работа, преемственность). В документе описываются результаты опроса, проведенного в 2022 г. по заказу Банка России, который охватывает все возрастные группы населения России. Вне зависимости от возраста респондентов, в

похожих исследованиях [1–11] оцениваются знания базовых финансовых понятий, умения применять на практике указанные знания, финансовое поведение и соблюдение финансовой ответственности, наличие у индивида финансовой осведомленности и навыков финансового планирования. Однако существуют особенности поведения взрослых людей с градацией их социального статуса, специфических потребностей, опыта или конкретной жизненной ситуации, которые должны быть учтены при формировании более детального плана повышения уровня финансовой грамотности. В частности, люди предпенсионного и пенсионного возраста гораздо больше понимают работу пенсионных схем и ориентируются в страховых услугах, чем молодые люди или люди среднего возраста. Последние больше разбираются в кредитных продуктах и вкладах, а также обладают навыками планирования бюджета и активнее используют цифровые инструменты в сфере финансов.

Настоящее исследование направлено на изучение уровня финансовой грамотности молодых граждан – обучающихся в медицинском вузе. Актуальность исследования подтверждается целевыми установками указанной выше Стратегии. Согласно ее индикаторам реализации отношение количества обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, охваченных образовательными программами по финансовой грамотности, к общему количеству обучающихся в них с 2023 до 2030 г. должно увеличиться с 67 до 100%.

¹ Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/FJj6iZ8geL94xUACfr2s3Z2QoUgqP7fd.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).

Теоретический анализ

Термин «финансовая грамотность» занимает особое место в экономике и выступает основополагающей категорией в формировании финансовой безопасности каждого государства. Это необходимое условие для повышения качества жизни человечества, предполагающее получение финансовых знаний на протяжении всей жизни [12]. Согласно Стратегии под финансовой грамотностью понимаются «основные знания, умения и навыки, необходимые для принятия финансовых решений в целях достижения финансового благополучия и управления финансовыми рисками». АНО «Международный учебно-методический центр финансового мониторинга» в 2022 г. провел анализ состояния уровня финансовой грамотности граждан, который показал, что больше половины (53%) опрошенных молодых людей от 14 до 35 лет считают необходимым получать дополнительные знания о финансовой безопасности, а 87% считают необходимым постоянно повышать свою финансовую грамотность².

Необходимость формирования у специалиста экономико-управленческих компетенций привела к внедрению с 2006 г. на территории России программы повышения финансовой грамотности для разных возрастных групп населения.

Базовые знания экономико-управленческой компетенции даются учащимся начальной и основной школы в курсе по финансовой грамотности, который имеет следующие цели: умение планировать свое финансовое будущее, ведение личного (семейного) бюджета; ведение домашнего хозяйства без больших долгов; рациональный выбор финансовых продуктов на основе модели грамотного финансирования; умение ориентироваться в финансовой сфере [13].

Исследования уровня финансовой грамотности проводятся в разных странах, в том числе и в России³. В 2024 г. Институтом фонда «Общественное мнение» по заказу Банка России

² Данные по результатам исследования, проведенного в 2022 г. по заказу Банка России, представленные в Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/FJj6iZ8geL94xUACfr2s3Z2QoUgqP7fd.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).

³ Финансовая грамотность. Исследование Банка России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/ (дата обращения: 15.05.2025).

были опрошены 3000 респондентов по выборке, репрезентирующей россиян от 18 лет и 1000 молодых людей от 14 до 22 лет, из 207 городов и сел большинства субъектов Российской Федерации. Анализ данных опроса позволил исследователям сделать вывод, что российский индекс финансовой грамотности неоднороден и отличается в зависимости от возраста, уровня образования, доходов и даже типа поселения. Наибольший уровень финансовой грамотности отмечен у молодых людей до 30 лет с высшим образованием из семей с доходом выше среднего по России, проживающих в крупных городах.

Именно финансовая грамотность является базой для развития экономико-управленческих компетенций в высшей школе. Основными направлениями при формировании экономико-управленческих компетенций у студентов и выпускников вузов являются: установление потребности в необходимости определения границ данных универсальных компетенций [14] и выделение наиболее эффективных педагогических методов проведения образовательного процесса [15].

Основным критерием в определении указанных выше направлений, формирующих компетенции, является специфика подготовки. Так, у лиц, осваивающих направления (специальности) экономического профиля, универсальные компетенции будут подкрепляться и углубляться профессиональными компетенциями, а у лиц, получающих неэкономическую профессию, именно экономико-управленческие компетенции сформируют базу знаний, умений и навыков, которые помогут человеку в управлении личными финансами. Следует отметить, что под экономико-управленческими компетенциями, необходимыми для освоения студентами неэкономических направлений (специальностей), понимается системное мышление в области экономики и управления, а также принятия решений с точки зрения оптимальности затрат всех видов ресурсов и доходов [16].

Современный компетентностный подход, реализуемый в образовании и транслируемый федеральными государственными образовательными стандартами, нацелен на получение в процессе обучения целого ряда универсальных компетенций, в теории позволяющих выпускнику гибко встраиваться в рабочий процесс, а также постоянно совершенствоваться и развиваться.

В число универсальных и необходимых любому человеку управленческих компетенций входят компетенции экономико-управленческой направленности, которые позволяют осознавать и использовать законы развития общества и закономерности экономической практики. Развитие именно экономико-управленческих компетенций позволит выпускнику вуза в будущей профессиональной деятельности самостоятельно принимать как рутинные, так и инновационные решения в рамках своего круга ответственности. Кроме этого, являясь потребителем товаров и услуг, человек, обладающий экономико-управленческими компетенциями, будет более успешен и в частной жизни.

В существующей парадигме развития системы высшего образования принято считать, что реализация в вузах универсальной компетенции из категории «Экономическая культура, в том числе финансовая грамотность», представленной во всех федеральных образовательных стандартах РФ, а именно «Способен принимать обоснованные экономические решения в различных областях жизнедеятельности», должна осуществляться для всех специальностей одинаково. Это предполагает наличие в учебных планах дисциплин, по своей дидактической характеристике охватывающих все индикаторы компетенции. Однако для студентов непрофильных специальностей, в особенности медицинских вузов, наблюдается ситуация, когда часть индикаторов или их компонентов совсем не реализуется или реализуется частично [17], в основном это относится к индикаторам, связанным с финансовой грамотностью. В итоге выпускник медицинского вуза часто не полностью обладает знаниями, умениями, навыками, позволяющими ему развивать свою финансовую культуру на соответствующем уровне, по сравнению с его ровесниками – выпускниками других вузов. В целом формирование экономико-управленческих компетенций у студентов медицинских вузов часто зависит от комплекса таких факторов, как базовые знания, полученные до поступления в вуз; заинтересованность обучающихся в развитии своих экономико-финансовых знаний, умений и навыков; построение процесса обучения в самом вузе.

Более того, в настоящий момент требования работодателя предполагают наличие у выпускников медицинских вузов экономико-управ-

ленческих компетенций, которые позволят им осуществлять соответствующие трудовые функции, описанные во многих утвержденных профессиональных стандартах в сфере здравоохранения. Это указывает на важность формирования финансовой культуры у студентов медицинского вуза.

Эмпирический анализ

Базой для проведения исследования уровня финансовой грамотности обучающихся лиц, получающих высшее медицинское образование, послужил мониторинг финансовой грамотности студентов медицинского вуза [18], ежегодно осуществляемый кафедрой экономики и управления здравоохранением и фармацией Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского начиная с 2021 г. и дополненный результатами опроса 2025 г.

Для этого была разработана авторская анкета, состоящая из 15 вопросов по самооценке основных компонентов знаний и умений: личный бюджет и финансовое планирование; управление личными сбережениями; финансовые услуги (банковские вклады, кредитование, банковские карты); инвестиционные документы; система оплаты труда; пенсионное обеспечение; инструменты страхования; налогообложение; защита персональных данных. В опросе участвовали студенты 1-го и 2-го курсов специальностей «Лечебное дело», «Педиатрия», «Клиническая психология», «Стоматология», «Медико-профилактическое дело» и «Фармация». Всего было опрошено более 2270 человек.

Средний возраст респондентов на протяжении исследуемого периода – 19–20 лет. Большинство опрошенных студентов (88,1%) поступили в вуз на базе среднего полного образования. Наличие семейного бюджета и актуальность вопросов, связанных с домашним хозяйством, у большинства респондентов пока отсутствует, так как 94,8% из числа опрошенных пока не состоят в браке. Специфика медицинского образования, привлекающего в большей степени представителей женского пола, сказывается также на гендерном составе респондентов, более 73,4% которого женщины. Стоит отметить, что в вузе учатся представите-

ли многих регионов России, ближнего и дальнего зарубежья; жители Саратовской области составили всего 31,0%.

Рассмотрим результаты мониторинга.

В одном из первых вопросов анкеты было предложено выбрать правильный вариант термина «финансовая грамотность» из нескольких имеющихся. Верный ответ – «совокупность зна-

ний, навыков и установок в сфере финансового поведения человека, ведущих к улучшению благосостояния и повышению качества жизни» – на этот вопрос дали 1884 чел. (83,0%) из общего количества опрошенных, в том числе 2021/2022 уч. г. – 90,1%, 2022/2023 уч. г. – 83,3%, 2023/2024 уч. г. – 80,4%, 2024/2025 уч. г. – 78,8% и за 1-й семестр 2025/2026 уч. г. – 76,0% (рис. 1).

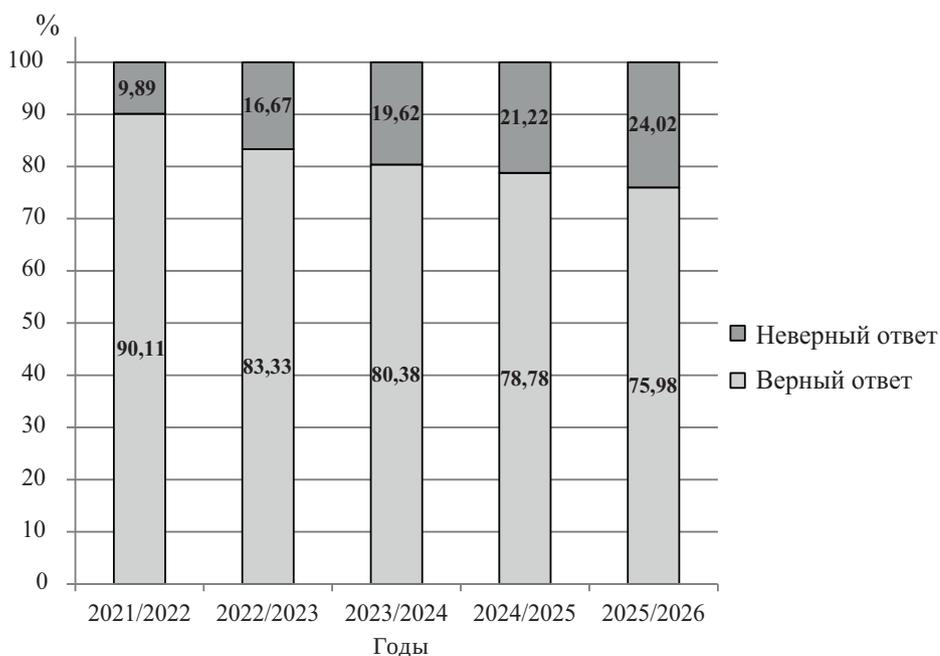

Рис. 1. Определение правильности термина «финансовая грамотность»
Fig. 1. Definition of the correctness of the term “financial literacy”

Стоит отметить, что за пять лет исследования процент студентов, правильно ответивших на данный вопрос, уменьшился на 15,0%. Это обосновано комплексом факторов, среди которых: слабые базовые знания, отсутствие заинтересованности в вопросах финансовой грамотности, несовершенство структуры дисциплины, ограниченное количество часов, отведенных на дисциплину в учебном плане. Одним из направлений повышения уровня финансовой грамотности может стать введение в структуру дисциплины темы «Личная финансовая грамотность» или разработка и предложение обучающимся факультативного курса данной направленности.

Наиболее высокую оценку по пятибалльной шкале своим знаниям в области финансовой грамотности (табл. 1) респонденты дали по основным типам инвестиционных инструментов (средняя оценка – 3,49), формам личных

сбережений (средняя оценка – 3,46) и основам обращения с персональными данными (средняя оценка – 3,41).

Пять категорий знаний получили оценку менее трех баллов: правовое и документационное оформление договорных отношений в сфере финансовых услуг, система оплаты труда в рамках трудового договора, инструменты страхования, ориентация в банковских вкладах, знание в области личных финансов. Это говорит о недостатке базовых знаний в этих областях.

Отметим, что при оценке респондентами своих навыков и умений в области финансовой грамотности по пятибалльной шкале (табл. 2) самыми распространенными были указаны способности по защите личной (конфиденциальной) информации и противодействие применению мошеннических схем с целью кражи персональных данных (средняя оценка – 3,51),

Таблица 1 / Table 1

**Оценка знаний в области финансовой грамотности с 2021 по 2025 г.
Assessment of knowledge in the field of financial literacy from 2021 to 2025**

Предлагаемый ответ	1 балл		2 балла		3 балла		4 балла		5 баллов		Ср. балл
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
Знаю основные типы инвестиционных инструментов	158	7,0	332	14,6	577	25,4	641	28,2	562	24,8	3,49
Знаю правовое и документационное оформление договорных отношений в сфере финансовых услуг	441	19,4	451	19,9	544	24,0	434	19,1	400	17,6	2,96
Понимаю системы оплаты труда в рамках трудового договора	619	27,3	521	23,0	540	23,8	327	14,4	263	11,6	2,60
Понимаю общие принципы кредитования	362	16,0	453	20,0	618	27,2	473	20,8	364	16,0	3,01
Знаю инструменты страхования (варианты страхования, объекты и формы страховых программ)	422	18,6	469	20,7	608	26,8	434	19,1	337	14,9	2,91
Ориентируюсь в банковских вкладах	386	17,0	463	20,4	617	27,2	465	20,5	339	14,9	2,96
Знаю формы личных сбережений	184	8,1	356	15,7	569	25,1	559	24,6	602	26,5	3,46
Понимаю экономические основы пенсионного обеспечения	363	16,0	411	18,1	590	26,0	455	20,0	451	19,9	3,10
Знаю основы налогообложения и понимаю налоговые обязательства	282	12,4	417	18,4	624	27,5	512	22,6	435	19,2	3,18
Знаю основы обращения с персональными данными	215	9,5	346	15,2	585	25,8	544	24,0	580	25,6	3,41
Знаю виды банковских карт	273	12,0	421	18,5	572	25,2	542	23,9	462	20,4	3,22
Обладаю знаниями в области личных финансов: построение бюджета, планирование крупных покупок, накопление денежных средств и т.д.	383	16,9	467	20,6	600	26,4	469	20,7	351	15,5	2,97

умения использовать банковские карты и выбирать варианты их сервисного обслуживания (3,49) и навыки в области личных финансов (3,37). Последний показатель в разрезе знания был невысок, однако с точки зрения навыков студенты оценивают его высоко. Естественно, что для молодых людей все же свойственен

максимализм и высокое самомнение. Наименее оцененными умениями и навыками информанты назвали выбор и применение основных типов инвестиционных инструментов (средняя оценка – 2,75), умение рассчитывать налоговые вычеты и удержания (2,87) и применять инструментов страхования (2,81).

Таблица 2 / Table 2

**Оценка навыков и умений в области финансовой грамотности с 2021 по 2025 г.
Assessment of financial literacy skills and abilities from 2021 to 2025**

Предлагаемый ответ	1 балл		2 балла		3 балла		4 балла		5 баллов		Ср. балл
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
Обладаю навыками в области личных финансов: построение бюджета, планирование крупных покупок, накопление денежных средств и т.д.	239	10,5	352	15,5	552	24,3	586	25,8	541	23,8	3,37
Умею выбирать банковские вклады в соответствии со своими целями	376	16,6	427	18,8	583	25,7	496	21,9	388	17,1	3,04
Умею выбирать и применять основные типы инвестиционных инструментов	525	23,1	482	21,2	575	25,3	407	17,9	281	12,4	2,75
Обладаю навыками расчета оплаты труда в рамках трудового договора	356	15,7	446	19,7	611	26,9	512	22,5	345	15,2	3,02
Обладаю навыками выявления и сравнения привлекательности финансовых услуг	320	14,1	417	18,4	624	27,5	526	23,2	383	16,9	3,10
Умею выбирать кредитные услуги в соответствии со своими потребностями (целями использования)	448	19,7	435	19,2	606	26,7	459	20,2	322	14,2	2,90
Умею использовать банковские карты и выбирать варианты их сервисного обслуживания	192	8,5	335	14,8	540	23,8	568	25,0	635	28,0	3,49
Умею выбирать более выгодные финансовые инструменты сбережений на старость	396	17,4	436	19,2	563	24,8	517	22,8	358	15,8	3,00
Умею применять формы личных сбережений	243	10,7	383	16,9	530	23,4	575	25,3	539	23,7	3,35
Умею защищать личную (конфиденциальную информацию) и противодействовать применению мошеннических схем с целью кражи моих персональных данных	201	8,9	330	14,5	501	22,1	586	25,8	652	28,7	3,51
Умею рассчитывать налоговые вычеты и удержания	468	20,6	444	19,6	578	25,5	468	20,6	312	13,7	2,87
Умею применять инструменты страхования (сравнивать и выбирать варианты страхования)	507	22,3	459	20,2	559	24,6	448	19,7	297	13,1	2,81

Стоит обратить внимание на то, что при определении источника получения сведений по вопросам финансовой грамотности (рис. 2) респонденты могли отметить сразу несколько из предложенных вариантов (интернет и социальные сети; массовые периодические издания; советы друзей и знакомых; советы семьи (родителей); специализированные периодические издания о мире финансов; специальная

литература о финансах; телевидение и т.д.), поэтому все показатели были приведены в относительных показателях на 100 опрошиваемых человек. В целом, в процентном отношении на 100 опрошенных лидируют такие источники, как интернет и социальные сети (наиболее доступный и разнообразный по вариантам выбора) и советы семьи (вариант с высокой степенью доверия к нему из-за наличия родственной связи).

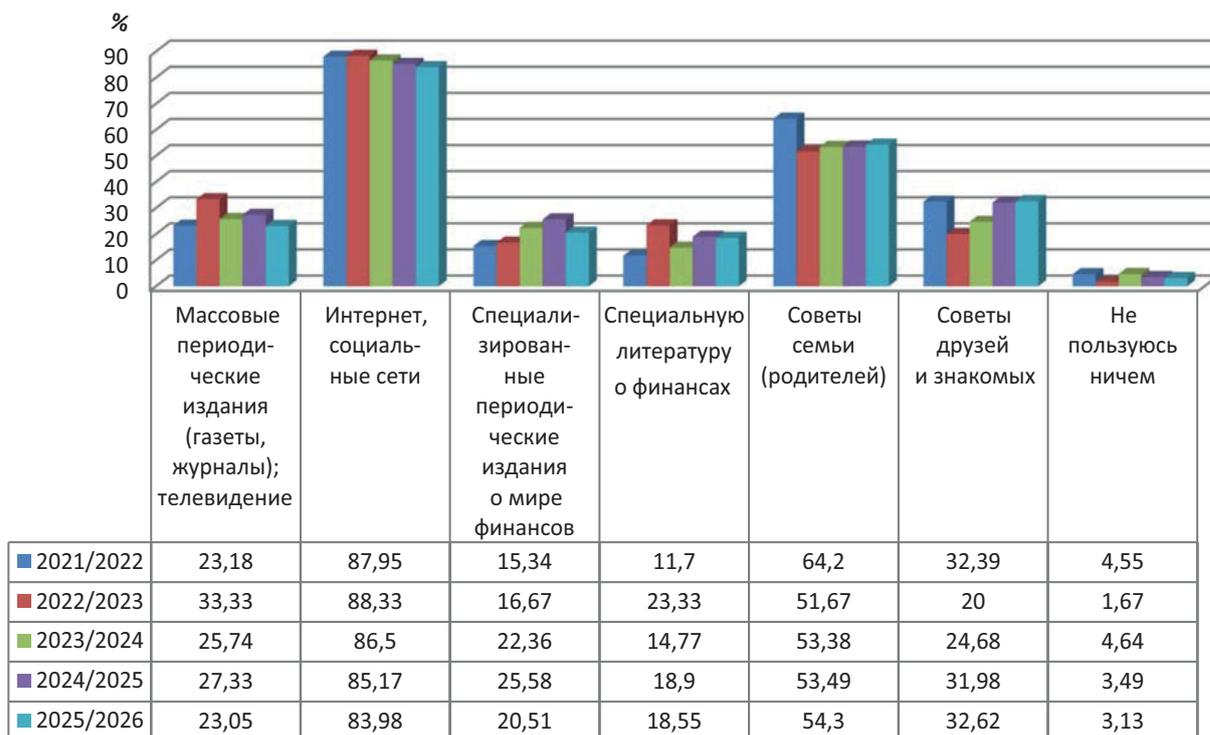

Рис. 2. Частота выбора информационных источников по вопросам финансовой грамотности, % на 100 опрошенных (цвет онлайн)

Fig. 2. Frequency of selecting information sources on financial literacy issues, % of 100 respondents (color online)

Респонденты могли отметить сразу несколько из предложенных вариантов вопросов анкеты о возможных вложениях крупных денежных средств (рис. 3), поэтому все показатели были приведены в относительных показателях на 100 опрошиваемых человек. Самым популярным ответом стало «приобрел(а) бы недвижимость», что говорит о первичном выборе менее рискованного финансового вложения у студентов медицинского вуза. На втором месте по популярности выбора оказался вариант «открыл(а) бы банковский депозит», на третьем – «приобрел(а) бы ценные бумаги». В аутсайдерах оказался вариант «купил(а) бы предметы искусства».

Наиболее эффективными способами изучения вопросов финансовой грамотности

(рис. 4), при возможности выбора нескольких вариантов, респонденты указали тематические вебинары и мастер-классы, что соответствует современным тенденциям в цифровизации образования.

Интересно распределение ответов респондентов на вопрос о возрасте, в котором человеку необходимо задумываться о собственных сбережениях (рис. 5). Респонденты могли выбрать один вариант ответа. Три варианта ответа наиболее часто выбирались респондентами: «возраст не имеет значения», «с момента начала трудовой деятельности» и «с момента совершеннолетия», что говорит о более раннем ответственном отношении к своим сбережениям у студентов.

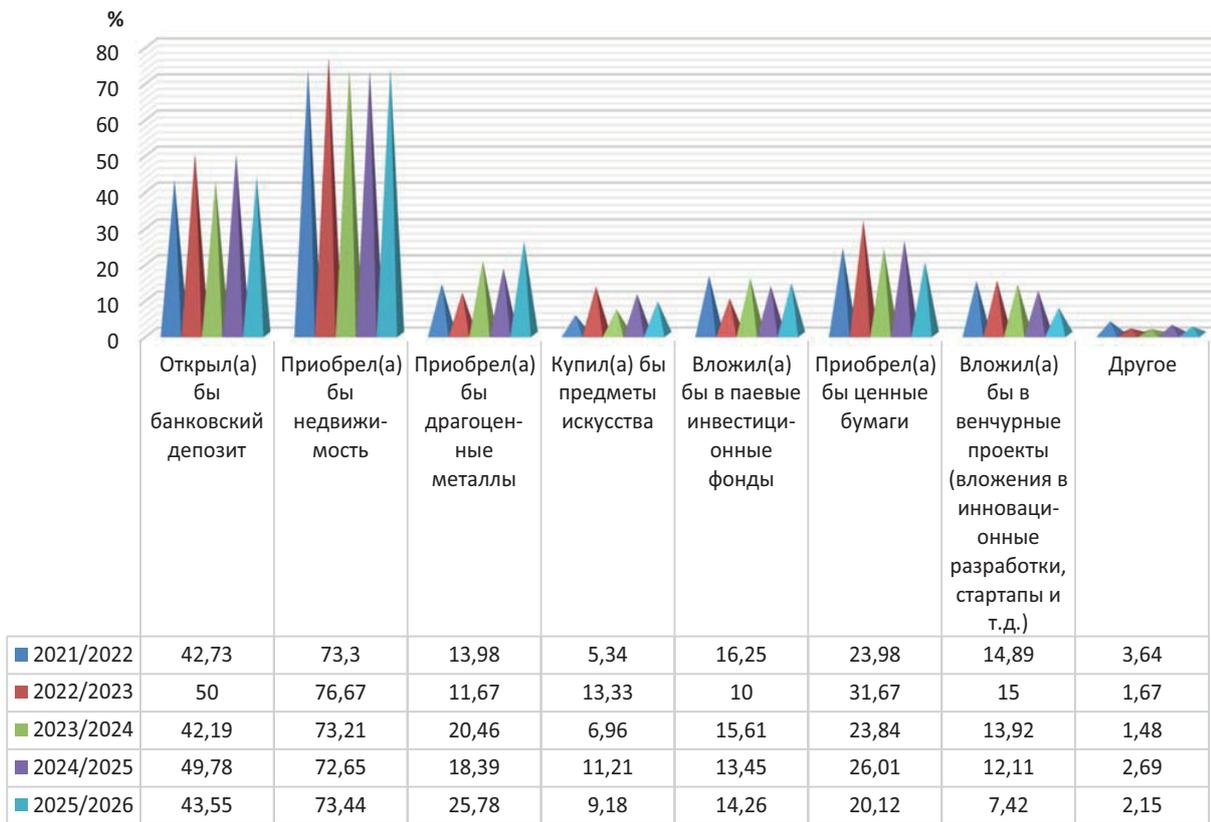

Рис. 3. Возможные вложения крупных денежных средств, % на 100 опрошенных (цвет онлайн)
Fig. 3. Possible investments of large amounts of money, % of 100 respondents (color online)

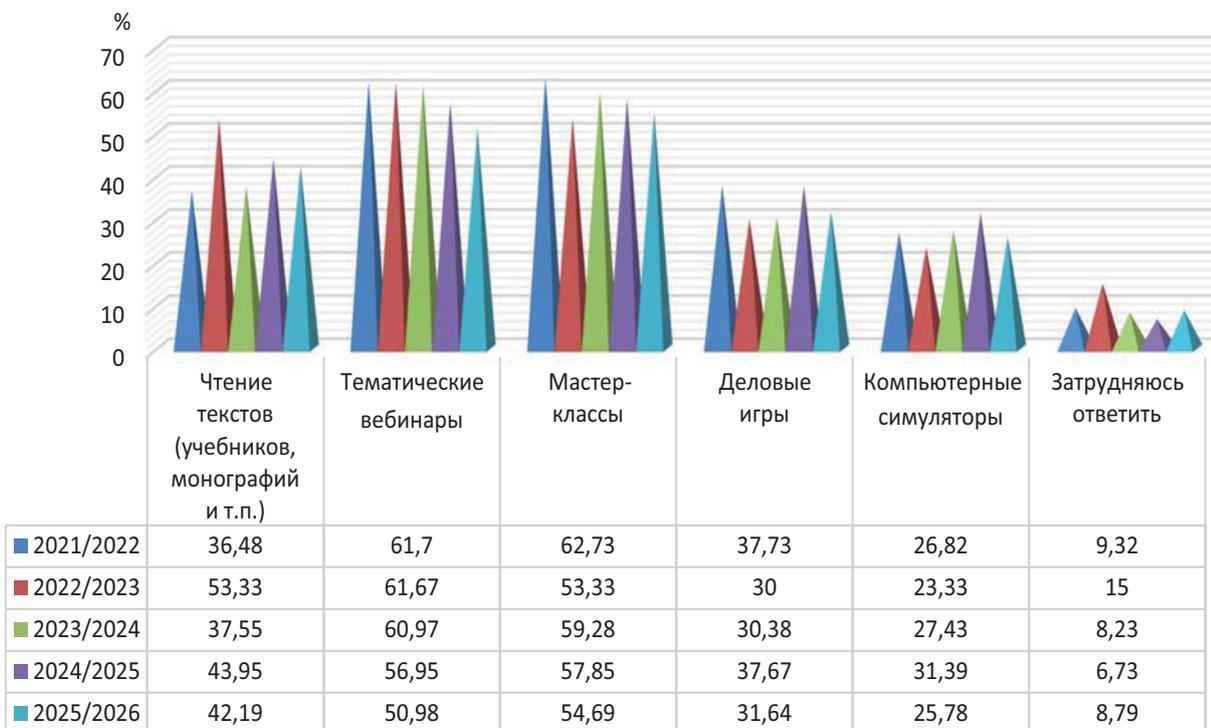

Рис. 4. Выбор способа изучения вопросов финансовой грамотности, % на 100 опрошенных (цвет онлайн)
Fig. 4. Selection of the method for studying financial literacy issues, % of 100 respondents (color online)

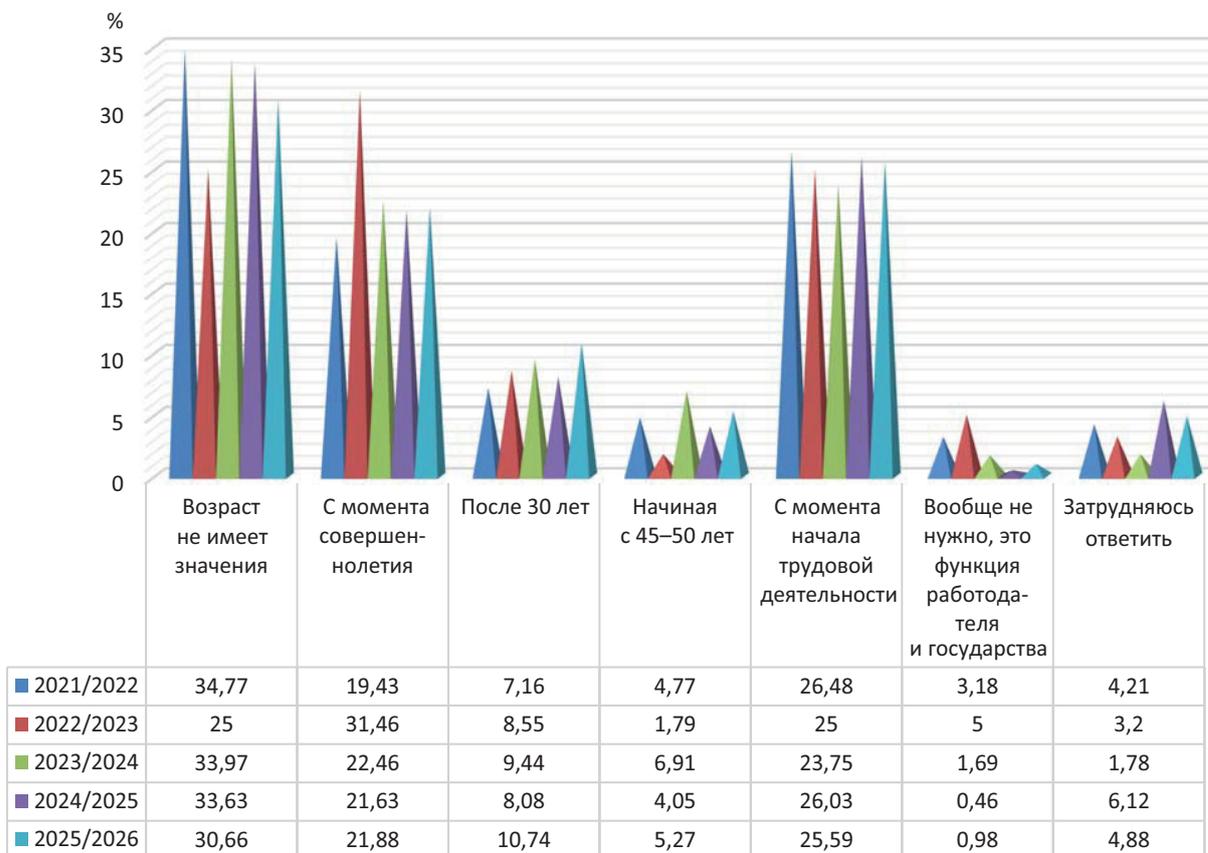

Рис. 5. Выбор возраста, когда необходимо задумываться о собственных сбережениях, % (цвет онлайн)
 Fig. 5. Choosing the age at which to start thinking about your own savings, % (color online)

При рассмотрении вопроса анкеты, связанного с доходом от рискованных вложений, 61,8% респондентов за пять лет проведения опроса показали понимание финансового предпринимательства и ответили, что при увеличении риска доходность увеличивается; 15,4% опрошенных выбрали противоположный вариант, оставшиеся 22,8% затруднились с ответом на данный вопрос.

Как наиболее интересные вопросы для изучения в области финансовой грамотности 45,4% респондентов отметили «банковские услуги», 31,6% – интересует «планирование личного бюджета».

В большинстве своем студенты медицинских специальностей склонны к накоплениям, что отражается в ответах 89,8% респондентов, из них 53,5% откладывают деньги даже тогда, когда у них нет конкретной цели, на что их потратить; 18,9% – откладывают деньги на всякий случай («на черный день»); 27,6% – только в случае недостаточности имеющихся денег на конкретную покупку.

Больше всего доверия из финансовых организаций у респондентов вызывают банки, так ответили 81,5% опрошенных.

В качестве выплат по кредиту 28,1% участников опроса не готовы жертвовать своим ежемесячным доходом вообще; 41,9% – готовы отдавать 10% ежемесячного дохода; 18,7% – готовы отказаться от 25% ежемесячного дохода, 7,2% – готовы выплатить по кредиту от 33% ежемесячного дохода, 3,6% – готовы отдавать до 50% ежемесячного дохода, более 51% дохода готовы отдать 1,4% респондентов.

Наиболее удобными платежными средствами 77,9% опрошенных назвали дебетовые карты. На кредитные карты как оптимальный инструмент платежа указали 11,0% респондентов.

На 100 опрашиваемых респондентов 72,3% считают самым необходимым такой вид страхования, как страхование имущества, 68,8% отмечают необходимость страхования здоровья, 47,6% – страхования жизни, 42,3% – пенсионного страхования, 16,9% – страхования гражданской ответственности.

Более половины респондентов (83,7%) ответили, что нуждаются в повышении своей финансовой грамотности, не имеют такой потребности 12,3%. Затруднились с ответом на данный вопрос 4,0% информантов.

Результаты

Проведенное исследование показало, что самооценка знаний в сфере финансовой грамотности студентов медицинского вуза несколько ниже имеющихся у них навыков и умений, но и они, по совокупной оценке, ниже оценки «хорошо». Причиной такой низкой самооценки, по нашему мнению, является неуверенность в своей базовой подготовке. Кроме того, количество зачетных единиц по профильной дисциплине в учебных планах специальностей и направлений медицинского вуза чаще всего не превышает двух и в основном связано с освоением индикатора И-1 «Понимает базовые принципы функционирования экономики и экономического развития, цели и формы участия государства в экономике» указанной выше универсальной компетенции. Индикатор И-2 «Применяет методы личного экономического и финансового планирования для достижения текущих и долгосрочных финансовых целей, использует финансовые инструменты для управления личными финансами (личным бюджетом), контролирует собственные экономические и финансовые риски» обычно в экономических дисциплинах реализован не в полной мере. Это касается не только медицинских образовательных программ высшего образования, но и других непрофильных (неэкономических) специальностей и направлений в других вузах.

Вышесказанное подтверждает необходимость выделить направления совершенствования экономических дисциплин в медицинских вузах, формирующих экономико-управленческую компетенцию. Можно провести корректировку дисциплин двумя способами: первый – выделить в структуре дисциплины тему «Личная финансовая грамотность», включив в нее вопросы, являющиеся необходимыми в развитии элемента финансовой грамотности в экономико-управленческой компетенции. Второй способ, наиболее практически применимый при подготовке студентов медицинских

специальностей – в каждую тему дисциплины включить ситуационные задачи, кейсовые ситуации и прочие методы обучения, формирующие необходимую компетенцию.

Важно также отметить неравность восприятия учебной информации из-за личностных и аксиологических особенностей студентов, наблюдается отсутствие учебной мотивации у студентов, наличие жизненных приоритетов, не связанных с финансами [19].

Для повышения уровня финансовых знаний студентов медицинского вуза необходимо обращать внимание на суть и последствия инфляционных процессов, необходимость диверсификации активов; зависимость увеличения дохода и повышения риска экономической деятельности; наличие организаций, защищающих права потребителей финансовых услуг. Рассматривать вопросы личного бюджета необходимо именно на опыте семьи, учитывая ее величину и гендерный состав.

Многие экономические инструменты сформированы и развиваются в цифровой области, все вопросы, связанные с построением бюджета и применением экономических инструментов, необходимо рассматривать на конкретных примерах использования программного обеспечения, программных продуктов и цифровых платформ. Многие респонденты, используя предложения банков по учету расходов и доходов, не вникают в сущность банковских продуктов и могут потерять свои денежные средства, если не получают знания в области их формирования и правил развития. В процессе освоения экономико-управленческой компетенции следует уделить особое внимание возможностям физических и юридических лиц в области финансового предпринимательства с указанием основных рисков и возможностей данной деятельности.

Повышение осознанности финансового поведения необходимо проводить через формирование умений по сравнению финансовых услуг, планированию личного бюджета и резервированию финансовых средств. Остро необходимо умение распоряжаться имеющимися финансовыми ресурсами без формирования любого рода задолженностей и ответственности по имеющимся задолженностям.

Многообразие имеющихся в настоящий момент источников информации приводит, с

одной стороны, к повышению возможностей в информировании, а с другой стороны – к идеализации собственных знаний в этой области. Многие источники не являются верифицированными, а использование некоторых должно соответствовать цели его использования. Вот именно эти вопросы и должны стать основными для преподавателей, которым наряду с финансовой и цифровой грамотностью необходимо формировать у студентов медицинских специальностей также и информационную грамотность.

Специфика будущей профессиональной деятельности предопределяет некоторые особенности формирования экономико-управленческих компетенций у студентов медицинских специальностей. К таким особенностям следует отнести: простоту и доступность информации; обязательное приведение практических примеров по каждому вопросу изучения; визуализацию через схемы, таблицы, графики; проведение во время обучения деловых игр и т.д.

Однозначно, формирование соответствующей компетенции предполагает комплексный подход, выходящий за рамки обучения в вузе, но этот подход позволит сформировать у студентов медицинских вузов культуру финансового поведения, которая представляет собой понимание студентами необходимости постоянного повышения своей финансовой грамотности, опыт грамотного распределения личных денежных средств, осуществления сбережений и управления долговыми обязательствами в случае их возникновения [20].

Выводы

Территориальные особенности всегда присутствуют в экономике, поэтому рассмотрение вопросов экономического развития следует проводить с примерами из жизни на разных территориях, с учетом разных конфессий и мировоззрений сообществ. В настоящее время во многих субъектах России действуют центры финансовой грамотности, специальные волонтерские движения, программы повышения квалификации и переподготовки в области финансовой грамотности [21]. Однако это не решает проблемы формирования финансовой культуры для российского студенчества.

Кроме изменения образовательных программ, на базе медицинских вузов следует:

- проводить мастер-классы соответствующей тематики;

- организовывать «рабочие мастерские» (воркшопы), где студенты смогут задать вопросы экспертам соответствующего профиля и участвовать с ними в решение игровых проблемных ситуаций;

- использовать консалтинг и коучинг (вне учебного процесса) по финансовым вопросам, связанных, к примеру, с планированием инвестиций, составлением бюджета и пр.;

- создавать онлайн-ресурсы и платформы, содержащие соответствующую информацию для самостоятельного изучения в виде видеоуроков, вебинаров, статей и пр.;

- проводить конкурсы и олимпиады соответствующей тематики для проявления у студентов интереса к финансовой информации;

- создавать практические проекты, позволяющие студентам получать навыки соответствующего профиля (построение личного финансового плана, семейного бюджета, формирование инвестиционного портфеля и пр.);

- установить партнерские отношения с финансовыми организациями, которые помогли бы им в решении различных жизненных ситуаций (оформление образовательного кредита, страхование жизни, имущества и пр.).

Процесс обучения в вузе также предполагает выработку у обучающихся алгоритма дальнейшего непрерывного образования [22], будучи в статусе действующего медицинского или фармацевтического специалиста. Для этого следует реализовывать на базе медицинских вузов программы повышения квалификации в сфере финансовой грамотности, которые указанные специалисты могли бы изучать параллельно с программами, соответствующими их профилю деятельности.

Именно во время обучения в вузе необходимо сформировать базу знаний, которая поможет человеку достигнуть и удержать финансовое благополучие в течение жизни. Современные тенденции социально-экономического развития требуют особого подхода в вопросах повышения финансовой грамотности, которое должно идти параллельно цифровой и информационной грамотности.

Список литературы

1. Митяева Н. В. Стандарты базовых знаний для оценки финансовой грамотности взрослого населения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 391–399. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-4-391-399>, EDN: GBRHCT
2. Фрик О. В., Лещенко Ю. О. Исследование сберегательного и инвестиционного поведения студенческой молодежи финансового вуза // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 10. С. 5757–5770. <https://doi.org/10.18334/epp.14.10.121873>, EDN: NWVWZY
3. Дулина Н. В., Моисеева Д. В. Финансовое поведение пенсионеров: трансформация под влиянием цифровой экономики? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 392–406. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-399-406>, EDN: NYHFUI
4. Каменец Н. В., Сидоров К. С. Исследование финансовой грамотности обучающихся вузов // Перспективы науки. 2022. № 4 (151). С. 186–188. EDN: VGECTA
5. Резник С. Д., Черниковская М. В. Финансовая грамотность студентов вуза как ключевой фактор повышения их экономической самостоятельности // Дружеровский вестник. 2021. № 1 (39). С. 173–185. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2021-1-173-185>, EDN: WBQKBS
6. Трапезникова И. С. Формирование финансовой грамотности у пожилых как социальная проблема // Социальные процессы в современном российском обществе: признаки и тенденции развития : материалы IX Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Иркутск, 18–19 апреля 2025 г.). Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 2025. С. 131–137. EDN: UTCDGL
7. Rahayu S. M., Worokinasih S., Damayanti C. R., Nortawati R. A., Rachmatika A. G., Aprilian Yu. A. The road to financial resilient: Testing digital financial literacy and saving behavior // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28, № 3. С. 218–230. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-3-218-230>, EDN: VKJXHN
8. Marinov K. Financial Literacy: Determinants and Impact on Financial Behaviour // Economic Alternatives. 2023. Vol. 29, iss. 1. P. 89–114. <https://doi.org/10.37075/ea.2023.1.05>, EDN: VCGLSH
9. Жмакина Н. Л., Некрасова Т. В. Исследование сформированности финансовой грамотности у детей 5–6 лет // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PDMN622.pdf> (дата обращения: 12.05.2025), EDN: CPRFKY
10. Резник С. Д., Черниковская М. В., Сазыкина О. А. Финансовая грамотность российского студенчества: ключевое условие обеспечения экономической самостоятельности. М. : ИНФРА-М, 2024. 331 с. <https://doi.org/10.12737/2091440>, EDN: QNBHKG
11. Ищенко-Падукова О. А., Мовчан И. В., Писанка С. А. Формирование финансовой грамотности обучающихся: теоретико-методологические и прикладные аспекты. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южного федер. ун-та, 2020. 114 с. EDN: CILQMI
12. Резник С. Д., Черниковская М. В., Киселева А. В. Сравнительная оценка финансовой грамотности студентов в вузах Пензенского региона // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2024. № 4 (53). С. 304–316. EDN: HDDWCR
13. Русакович М. В. Особенности преподавания финансовой грамотности в начальной и основной школах // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2019. № 2 (34). С. 25–28. EDN: RNZKWE
14. Разумова Т. О., Телешова И. Г. Формирование экономико-управленческих компетенций у выпускников образовательных программ неэкономических направлений и специальностей // Российская экономика: на пути структурной трансформации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. А. Самусенко. Красноярск : Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2023. С. 108–109. EDN: ABMWPX
15. Засенко В. Е., Ходырев В. В. Особенности преподавания экономико-управленческих дисциплин в условиях дистанционного обучения // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли : сб. тр. Всерос. науч.-практ. и учеб.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 1–4 июня 2021 г.) : в 4 ч. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. Ч. 4. С. 168–172. EDN: UESYZJ
16. Васюкова М. В., Степанова Т. Ю. Особенности формирования экономических компетенций у студентов неэкономических направлений подготовки // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 2 (13). Ст. 27. EDN: OUSYKN
17. Кириленко В. В., Соколова В. В. Формирование компетенций экономической культуры и финансовой грамотности при подготовке медицинских кадров // Инновационные технологии и вопросы обеспечения безопасности реальной экономики : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29 марта 2024 г.). СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2024. С. 84–93. EDN: IPGDNG
18. Новокрещенев И. В., Краснова О. В., Чумаченко Н. Э., Ефремова Н. А., Семикина Н. А. Мониторинг финансовой грамотности студентов медицинского вуза (результаты опроса за 2021–2024 гг.). Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024624884 РФ : № 2024624581 : заявл. 23.10.2024 : опублик. 02.11.2024. EDN: EBQNAG
19. Резник С. Д., Черниковская М. В., Шашкина А. А. Интегральная оценка сформированности финансовых компетенций российских студентов // Журнал социологических исследований. 2024. Т. 9, № 2. С. 54–62. EDN: TITASQ
20. Резник С. Д., Черниковская М. В., Киселева А. В. Факторы формирования финансовой грамотности

- студентов высших учебных заведений России // Менеджмент в социальных и экономических системах : сб. докладов XV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 23–24 ноября 2023 г.). Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 362–366. EDN: VDIZZS
21. Александрова О. А., Алипперова Н. В., Виноградова К. В., Крошилин С. В., Локосов Е. В., Марков Д. И., Медведева Е. И., Ненахова Ю. С., Рюмина Е. В., Ярашева А. В. Финансовая грамотность и финансовое просвещение населения: атлас российских практик. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 177 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-355-3.2021>, EDN: AOBQSD
 22. Вдовин С. М., Аверина О. И., Горбунова Н. А., Москалева Е. Г. Финансовая грамотность населения в аспекте развития непрерывного образования // Интеграция образования. 2018. Т. 22, № 3 (92). С. 441–459. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.092.022.201803.441-459>, EDN: ХУРТТВ
- ### References
1. Mityaeva N. V. Basic knowledge standards for evaluating financial literacy of adults population. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 391–399 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-4-391-399>, EDN: GBRHCT
 2. Frik O. V., Leshchenko Yu. O. A study of the savings and investment behavior of financial university students. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2024, vol. 14, no. 10, pp. 5757–5770. (in Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.14.10.121873>, EDN: NWVWZY
 3. Dulina N. V., Moiseeva D. V. Financial Behaviour of Pensioners: Transformation under the Influence of the Digital Economy? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 399–406 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-399-406>, EDN: NYHFUI
 4. Kamenec N. V., Sidorov K. S. Research into financial literacy of university students. *Science Prospects*, 2022, no. 4 (151), pp. 186–188 (in Russian). EDN: VGECTA
 5. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V. Financial literacy of university students as a key factor of increasing their economic independence. *Drukerovskiy Vestnik*, 2021, no. 1 (39), pp. 173–185 (in Russian). <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2021-1-173-185>, EDN: WBQKBS
 6. Trapeznikova I. S. Formation of financial literacy among the elderly as a social problem. *Sotsial'nye protsessy v sovremennom rossiyskom obshchestve: priznaki i tendentsii razvitiya* [Social Processes in Modern Russian Society: Signs and Development Trends. Proceedings of the IX All-Russian scientific conference with international participation (Irkutsk, April 18–19, 2025)], Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2025, pp. 131–137 (in Russian). EDN: UTCDGL
 7. Rahayu S. M., Worokinasih S., Damayanti C. R., Normawati R. A., Rachmatika A. G., Aprilian Yu. A. The road to financial resilient: Testing digital financial literacy and saving behavior. *Finance: Theory and Practice*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 218–230 (in Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-3-218-230>, EDN: VKJXHN
 8. Marinov K. Financial Literacy: Determinants and Impact on Financial Behaviour. *Economic Alternatives*, 2023, vol. 29, iss. 1, pp. 89–114. <https://doi.org/10.37075/ea.2023.1.05>, EDN: VCGLSH
 9. Zhmakina N. L., Nekrasova T. V. The study of preschoolers' financial literacy formation. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2022, vol. 10, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/44PDMN622.pdf> (accessed May 12, 2025) (in Russian). EDN: CPRFKY
 10. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V., Sazykina O. A. *Finansovaya gramotnost' rossiyskogo studenchestva: klyuchevoe uslovie obespecheniya ekonomicheskoy samostoyatel'nosti* [Financial literacy of Russian students: A key condition for ensuring economic independence]. Moscow, INFRA-M, 2024. 331 p. (in Russian). <https://doi.org/10.12737/2091440>, EDN: QNBH GK
 11. Ishchenko-Padukova O. A., Movchan I. V., Pisanka S. A. *Formirovanie finansovoy gramotnosti obuchayushchih-sya: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty* [Formation of financial literacy of students: Theoretical, methodological and applied aspects]. Rostov-on-Don, Taganrog, Ural Federal University Publ., 2020. 114 p. (in Russian). EDN: CILQMI
 12. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V., Kiseleva A. V. Comparative assessment of financial literacy of students in universities of the Penza region. *Modern Sciences and Innovation*, 2024, no. 4 (53), pp. 304–316 (in Russian). EDN: HDDWCR
 13. Rusakovich M. V. On teaching financial literacy and elementary and secondary school. *Bulletin of the State University of Humanities and Social Studies*, 2019, no. 2 (34), pp. 25–28 (in Russian). EDN: RNZKWE
 14. Razumova T. O., Teleshova I. G. Formation of economic and managerial competencies among graduates of educational programs in non-economic fields and specialties. In: *Rossiyskaya ekonomika: na puti strukturnoy transformatsii* [Samusenko S. A. (ed.) Russian Economy: Towards Structural Transformation. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2023, pp. 108–109 (in Russian). EDN: ABMWXP
 15. Zasenkov V. E., Hodyrev V. V. Features of teaching economics and management disciplines in the context of distance learning. In: *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v oblasti upravleniya, ekonomiki i torgovli* [Fundamental and Applied Research in Management, Economics and Trade. Proceedings of the All-Russian scientific, practical, and educational-methodological conference]. St. Petersburg, POLITEKH-PRESS, 2021, pt. 4, pp. 168–172 (in Russian). EDN: UESYZJ

16. Vasyukova M., Stepanova T. Features of formation of economic competences by students taught in noneconomic areas. *Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk State Agrarian University*, 2018, no. 2 (13), art. 27 (in Russian). EDN: OUSYKN
17. Kirilenko V. V., Sokolova V. V. Formation of competencies of economic culture and financial literacy in the training of medical personnel. *Innovatsionnye tekhnologii i voprosy obespecheniya bezopasnosti real'noy ekonomiki* [Innovative Technologies and Issues of Ensuring the Security of the Real Economy. Collection of materials of the VI All-Russian scientific and practical conference (St. Petersburg, March 29, 2024)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2024, pp. 84–93 (in Russian). EDN: IPGDNG
18. Novokreshchenov I. V., Krasnova O. V., Chumachenko N. E., Efremova N. A., Semikina N. A. *Monitoring finansovoy gramotnosti studentov medicinskogo vuza (rezul'taty oprosa za 2021–2024 gg.). Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2024624884 RF: № 2024624581: zayav. 23.10.2024: opubl. 02.11.2024* [Monitoring of financial literacy of medical university students (survey results for 2021–2024). Certificate of State registration of the database No. 2024624884 Russian Federation: No. 2024624581: statement 23.10.2024: publ. 02.11.2024] (in Russian). EDN: EBQNAG
19. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V., Shashkina A. A. Integral assessment of the development of financial competencies of Russian students. *Journal of Sociological Research*, 2024, vol. 9, no. 2, pp. 54–62 (in Russian). EDN: TITASQ
20. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V., Kiseleva A. V. Factors of formation of financial literacy of students of higher educational institutions of Russia. *Menedzhment v sotsial'nykh i ekonomicheskikh sistemakh* [Management in Social and Economic Systems. Proceedings of the XV International scientific and practical conference (Penza, November 23–24, 2023)]. Penza, Penza State Agrarian University Publ., 2023, pp. 362–366 (in Russian). EDN: VDIZZS
21. Aleksandrova O. A., Alikperova N. V., Vinogradova K. V., Kroshilin S. V., Lokosov E. V., Markov D. I., Medvedeva E. I., Nenakhova Yu. S., Ryumina E. V., Yarasheva A. V. *Finansovaya gramotnost' i finansovoe prosveshchenie naseleniya: atlas rossiyskikh praktik* [Financial literacy and financial education of the population: Atlas of Russian practices]. Moscow, Federal Research Sociological Center of the RAS Publ., 2021. 177 p. (in Russian). <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-355-3.2021>, EDN: AOBQSD
22. Vdovin S. M., Averina O. I., Gorbunova N. A., Moskalova E. G. Financial literacy in the context of the lifelong education. *Integration of Education*, 2018, vol. 22, no. 3 (92), pp. 441–459 (in Russian). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.092.022.201803.441-459>, EDN: XYPTTV

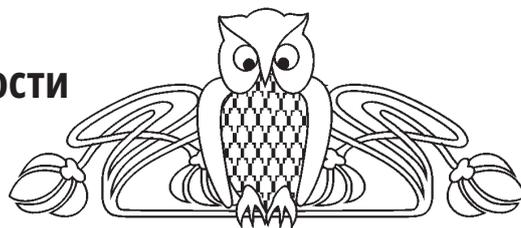
Поступила в редакцию 03.01.2026; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 10.01.2026
The article was submitted 03.01.2026; approved after reviewing 10.01.2026; accepted for publication 10.01.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 41–48
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 41–48
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-41-48>, EDN: CGQFIE

Научная статья
УДК 330.13+332+338.48

К вопросу о подходах к теории ценности туристско-рекреационных услуг на внутреннем рынке

А. Н. Неверов , Р. Г. Домов

Институт психолого-экономических исследований, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, д. 54/60

Неверов Александр Николаевич, доктор экономических наук, директор, neverov@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-5291>

Домов Роман Геннадьевич, стажер-исследователь, exp@ipei.ru, SPIN 3591-8827, AuthorID: 986799

Аннотация. Введение. Современная научно-экономическая литература обнаруживает существенный пробел в плане изучения существенной компоненты стоимости туристско-рекреационных услуг. Несмотря на возникновение целой серии публикаций в зарубежных ведущих журналах и издательствах, посвященных разработке экономической теории туризма (The Economics of Tourism), основу для исследования составляет в основном макроэкономический уровень. **Теоретический анализ.** Понятие туризма и рекреации указывает на то, что природу спроса на туристско-рекреационные услуги образуют два возможных запроса со стороны экономического агента: на восстановление собственного человеческого потенциала либо на накопление и развитие своего потенциала, т.е. личностное развитие. В первом случае речь идет о рекреационной стороне феномена, во второй – об одном из способов инвестирования в человеческий капитал. С позиции трудовой теории стоимости сущность потребности в туристско-рекреационной услуге определенного качества и содержания будут задаваться условием того, что затраты свободного времени человека на их потребление должны стремиться к максимальной компенсации потерь его физических и интеллектуальных ресурсов за предшествующий период профессиональной деятельности. **Результаты.** Приведенные в статье формальные модели позволяют выйти на понимание основы потребительской ценности туристско-рекреационной услуги как реализации определенного объема свободного времени в рамках применения ключевой для современной неоклассической теории ценности и теории межвременного выбора.

Ключевые слова: стоимость, ценность, полезность, туристско-рекреационные услуги, экономический феномен, поведенческое моделирование, экономическая теория, аксиология

Для цитирования: Неверов А. Н., Домов Р. Г. К вопросу о подходах к теории ценности туристско-рекреационных услуг на внутреннем рынке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 41–48. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-41-48>, EDN: CGQFIE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the approaches to the theory of tourism and recreational services value on the domestic market

A. N. Neverov , R. G. Domov

Institute of Psycho-Economic Research, 54/60 Sacco and Vanzetti St., Saratov 410056, Russia

Alexander N. Neverov, neverov@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-5291>

Roman G. Domov, exp@ipei.ru, SPIN 3591-8827, AuthorID: 986799

Abstract. Introduction. Contemporary scientific and economic literature reveals a significant gap in the study of the essential component of the tourism and recreational services cost. Despite the emergence of a number of publications in leading foreign journals and publishing houses devoted to the development of the economic theory of tourism (The Economics of Tourism), the basis for research is primarily the macroeconomic level. **Theoretical analysis.** The concept of tourism and recreation indicates that the nature of demand for tourism and recreational services is formed by two possible requests from an economic agent: a) either to restore one's own human potential; b) or to accumulate and develop one's potential, i.e., personal development. In the first case, we are talking about the recreational aspect of the phenomenon, while in the second, it is one of the ways of investing in human capital. From the perspective of the labor theory of value, the essence of the need for a tourism and recreational service of a certain quality and content will be determined by the condition that the expenditure of a person's free time on their consumption should strive to maximize compensation for the losses of their physical and intellectual resources during the previous period of professional activity. **Results.** The formal models presented in the main text of the article allow us to understand the basis

of the tourist and recreational service consumer value as the realization of a certain amount of free time within the framework of the application of the key modern neoclassical theory of value and the theory of intertemporal choice.

Keywords: cost, value, utility, tourism and recreational services, economic phenomenon, behavioral modelling, economic theory, axiology

For citation: Neverov A. N., Domov R. G. On the approaches to the theory of tourism and recreational services value on the domestic market. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 41–48 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-41-48>, EDN: CGQFIE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Стоимость туристско-рекреационных услуг тесно связана с внутренней сущностью данного феномена, определяющей саму его экономическую природу. В этой связи примечательно, что в современной отечественной научной литературе по туризму, как, впрочем, и в зарубежной экономической литературе, этот аспект практически не подвергается специальному изучению. Так, несмотря на возникновение целой серии публикаций в зарубежных ведущих журналах и издательствах, посвященных разработке экономической теории туризма (*The Economics of Tourism*), в 1990-х гг. [1–5], основу для исследования составляет в основном макроэкономический уровень, а не собственно теория ценности. В свою очередь, в российской научной практике большая часть исследований относится к разделу формирования знаний о туризме как секторе народного хозяйства и механизмам управления данным сектором, т.е. фактически тоже к макроуровню. Это создает двойную проблему для анализа и особенно моделирования рынка туристско-рекреационных услуг.

С одной стороны, возникает разрыв между теоретическими положениями экономической теории, в частности между положениями доминирующей в экономическом анализе неоклассической парадигмы. Этот аспект хорошо осознается западными исследователями. Например, в одном из наиболее авторитетных обобщающих исследований по этой теме итальянские ученые Дж. Кандела и П. Фиджини фиксируют расхождение на сегодняшний день между так называемой чистой экономической теорией (*pure economics*) и прикладными отраслями экономической науки (*applied economics*) применительно к изучению туризма как экономического феномена [6]. В результате положения неоклассической микроэкономики, такие как общая теория равновесия, теория поведения потребителей и т.д., становятся ограниченно применимыми к

анализу рынка туристско-рекреационных услуг. Одновременно с этим затрудняется и обратное влияние – феномен туристско-рекреационных услуг не укореняется в системе фундаментальных экономических знаний, что провоцирует дополнительные линии разлома между фундаментальной и прикладной экономической наукой.

С другой стороны, тот факт, что туристско-рекреационная услуга с позиций потребительской стоимости фактически пока не нашла своего места в экономической теории ценности, приводит к доминированию макроэкономического анализа. Между тем отсутствие сформулированных аксиологических оснований поведения потребителей и производителей на микроэкономическом уровне туристско-рекреационной системы лишает макроэкономические модели поведенческого уровня, т.е. делает их чрезмерно агрегированными.

Теоретический анализ

В связи с тем, что этот аспект выступает существенным для построения модели рынка туристско-рекреационных услуг, попробуем предложить собственную точку зрения на данный вопрос. При этом данная точка зрения не претендует на разработку комплексной теории ценности туристско-рекреационных услуг, поскольку подобная задача требует проведения значительно более сложного и объемного исследования и значительно выходит за возможности настоящей работы.

В зарубежной экономической теории туризма и рекреации в качестве основного содержания туристического продукта обычно выделяют так называемый пункт назначения (*destination*), или дестинацию. Под дестинацией понимают:

1) отдельный район, населенный пункт или четко определенную и географически ограниченную сельскую, природную или горную местность [7];

2) географическое пространство различного объема, в рамках которого преобладающим видом экономической деятельности как со стороны спроса (количество туристов в единицу времени), так и со стороны предложения (количество объектов туристической инфраструктуры и количество занятых в данном секторе) выступает оказание туристско-рекреационной услуги [8, р. xv].

Как видно из данных определений, фактически содержание туристско-рекреационной услуги выводится «задним числом», т.е. ex post, из наличия спроса и предложения в определенной местности. Подобный подход наилучшим образом иллюстрирует как расхождение между экономико-теоретическими и прикладными исследованиями, отмеченное выше, так и разрыв между микроэкономическим и макроэкономическим уровнем анализа в данном секторе экономической науки.

Следовательно, формирование экономико-теоретического взгляда на ценность, которая, собственно, и формирует стремление у потребителей выбрать ту или иную дестинацию, а продавцов отдельных компонентов туристско-рекреационной услуги сформировать необходимую инфраструктуру в ней, имеет серьезное значение для развития экономической теории туризма.

Большинством исследователей постулируется понимание туризма и его экономи-

ческой формы – туристско-рекреационной услуги – как одного из способов реализации человеком (потребителем) своего свободного времени. При этом под свободным временем понимается время, оставшееся после вычета из него времени на профессиональную деятельность и на «непреложные обязанности» (домашний труд, быт, воспитание детей, естественные физиологические потребности – еда, сон и пр.).

Представим это в форме бюджета времени:

$$T_t = \sum(t_w, t_h, t_f),$$

где T_t – совокупный бюджет времени экономического агента, t_w – часть бюджета времени, приходящаяся на профессиональную деятельность, в том числе работу по найму, t_h – часть бюджета времени агента, приходящаяся на непреложные обязанности, t_f – свободная часть бюджета времени агента.

Само понятие туризма и рекреации указывает на то, что природу спроса на туристско-рекреационные услуги образуют два возможных запроса со стороны экономического агента: а) на восстановление собственного человеческого потенциала; б) на накопление и развитие своего потенциала, т.е. личностное развитие. В первом случае речь идет о рекреационной стороне феномена, во втором – об одном из способов инвестирования в человеческий капитал. Представим это на схеме (рисунок).

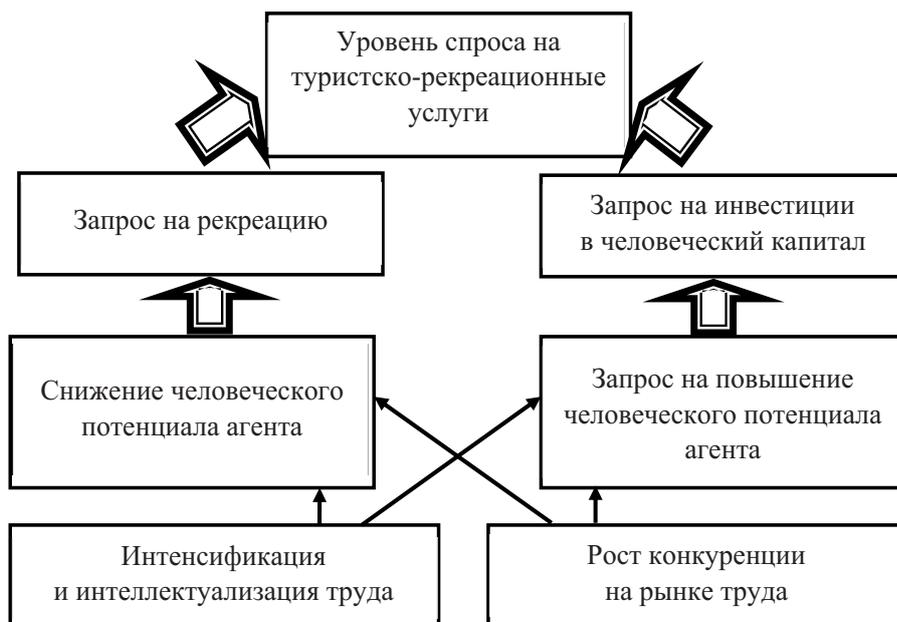

Схема формирования спроса на туристско-рекреационные услуги
Figure. Scheme of demand formation for tourism and recreational services

Как видно из данных, приведенных на рисунке, общим фундаментом формирования спроса на туристско-рекреационные услуги выступают изменения в сфере производства товаров и услуг, связанные с ростом фондовооруженности, капиталоемкости, в том числе роботизации процесса производства. Данные процессы, с одной стороны, повышают конкуренцию между продавцами рабочей силы, с другой – ведут к повышению сложности труда, с третьей стороны – повышают значимость человеческого капитала как фактора спроса на труд. Эти объективные процессы эволюции социально-экономических систем, детерминируют формирование двух сторон природы спроса, которые мы уже отмечали.

Ниже мы подробнее остановимся на теоретических моментах этих двух сторон, пока же обратим внимание на тот факт, что и для первого, и для второго случая необходимо наличие определенных потребностей агента, т.е. сформированной мотивации к потреблению туристско-рекреационной услуги.

Мы разделяем мнение В. В. Коваленко о том, что в самом общем виде мотивация к ее потреблению складывается из наличия трех факторов (условий) [9]:

- 1) появление потребности в туристско-рекреационной услуге определенного качества;
- 2) наличие у экономического агента свободного времени;
- 3) наличие материальных и финансовых возможностей, достаточность уровня жизни для платежеспособного спроса на нее.

Исходя из подобной структуры мотивации в потреблении туристско-рекреационных услуг, можно говорить о том, что для формирования экономического поведения, направленного на ее покупку со стороны потребителя, необходима комбинация из вышеперечисленных трех компонентов. При этом ни один из компонентов не может быть равен 0.

Действительно, если предположить, что запрос на услугу определенного качества есть, но отсутствует свободное время или финансовые возможности ее оплаты, то мотивация не сможет быть реализована в акте поиска контрагента и собственно в формате покупки услуги. Это же справедливо и для ситуации, в которой любое хотя бы одно из трех приведенных условий не выполняется (т.е. равно 0).

Это позволяет формализовать функцию мотивации:

$$M_u = f(A, Y_f, t_f),$$

где M_u – уровень мотивации к потреблению туристско-рекреационной услуги, A – потребность в услуге определенного качества и содержания, Y_f – уровень дохода, определяющий бюджетные ограничения агента, t_f – свободная часть бюджета времени агента.

Таким образом, свободное время t_f выступает общим параметром в обеих выявленных зависимостях формирования ценности туристско-рекреационной услуги. Уровень доходов и бюджетных ограничений является классическим параметром в теории поведения потребителей и применительно к предмету нашего исследования, думается, не содержит никаких существенных особенностей. Последнее позволяет при его использовании опираться на накопленный экономической наукой опыт его рассмотрения.

Самым сложным для формализации применительно к туристско-рекреационным услугам параметром выступает параметр A , который образуется из структуры личностных предпочтений. В связи с этим остановимся на нем подробнее.

С позиций двух наиболее распространенных сегодня в экономической науке теорий ценности – трудовой и субъективной – сущность потребности в туристско-рекреационных услугах с позиций их рассмотрения в качестве экономического блага получают диаметрально разное экономическое обоснование.

Если с позиций трудовой теории стоимости (ценности), в наиболее развитом виде представленной в работах К. Маркса, реальная полезность благ определяется затратами общественного труда, то и само значение рекреации заключается в способности относительно кратковременных поездок в места, отличающиеся по своим характеристикам от места постоянного проживания и/или профессиональной деятельности человека, оказывать восстанавливающее действие на трудовой потенциал человека. Достаточно близко к этому аспекту туристско-рекреационных услуг располагается проблема досуга как экономического феномена и туризма как одного из видов досуга.

Как отмечают авторы учебника по педагогике досуга А. Ф. Валовик и В. А. Валовик, «досуговая деятельность может носить соци-

ально полезный характер, характер социально нейтральный, быть замкнутой в системе узко-групповых ценностей и приобретать характер социально отрицательный, асоциальный» [10, с. 11]. Таким образом, с позиции трудовой теории стоимости сущность потребности в туристско-рекреационной услуге определенного качества и содержания будет задаваться условием того, что затраты свободного времени человека на потребление услуг должны стремиться к максимальной компенсации потерь его физических и интеллектуальных ресурсов за предшествующий период профессиональной деятельности.

Определенную модификацию содержания туристско-рекреационных услуг с экономико-теоретических позиций обеспечивает теория человеческого капитала и экономическая теория домохозяйств (Т. Шульц, Г. Беккер, С. Гросбард и др.), восходящая к факторной теории стоимости.

С позиций данной теории расходы на туристско-рекреационные услуги можно рассматривать как специфический вид инвестиций в человеческий капитал, наряду с традиционно выделяемыми в качестве таковых расходами на образование и здравоохранение. Особенно справедливо это для делового, политического и научного туризма.

Покупка туристско-рекреационных услуг в форме инвестиций в человеческий капитал может принимать как минимум две формы:

1) форму восстановительных инвестиций, т.е. затрат, связанных с восстановлением уровня человеческого капитала. В этой форме фактически стираются методологические различия между подходом с позиций трудовой теории стоимости и с позиций теории человеческого капитала, а основным содержанием услуги выступает рекреация;

2) форму накопления человеческого капитала, т.е. инвестиций в развитие профессиональных возможностей человека, его реального личностно-профессионального уровня компетенций. В данной форме туристско-рекреационная услуга становится одним из элементов повышения качества жизни, поскольку приводит к реальному росту уровня совокупного человеческого капитала общества.

Представляется, что второй подход более полно отражает современную ситуацию в туристско-рекреационном секторе, чем первый,

что, по-видимому, связано с ростом интеллектуализации и интенсификации труда, а также с процессом замещения труда человеческим капиталом [11, 12]. Однако, кроме увязки с инвестициями в собственный потенциал, в туристско-рекреационной услуге необходимо выделять и аспект чистого потребления – т.е. непосредственного удовлетворения потребностей человека. В данном случае речь, в первую очередь, идет о впечатлениях, а также о максимизации полезности от потребления собственно свободного времени.

Третий компонент не может быть объяснен с позиций трудовой теории стоимости и в рамках рекреации. Поэтому для его объяснения необходима опора на третий подход – субъективную теорию ценности.

С позиций субъективной теории ценности (полезности) содержание блага и уровень его полезности определяются субъективными предпочтениями агента и восходят к его системе потребностей. Позицию в современной российской науке о туризме и рекреации, основанную на данном подходе, хорошо иллюстрирует цитата из работы Т. В. Петровой: «Потребительскую ценность можно определить как превышение субъективно воспринимаемых потребителем выгод над субъективно воспринимаемыми издержками, связанными с покупкой и использованием продукта. Выгоды, которые получает клиент, связаны с потребностями, которые он или она намеревается удовлетворить, приобретая и используя продукт. Индивидуальные потребители в основном ищут выгоды, связанные с удовлетворением их экзистенциальных, социальных и психологических потребностей» [13, с. 101–102].

В рамках данного подхода экономическая сущность туристско-рекреационных услуг наиболее часто описывается через потребность в впечатлениях (экономика впечатлений) [14–21]. Так, О. В. Гончарова справедливо отмечает: «Ядро экономики впечатлений в современной цивилизации досуга основано на технологиях проектирования новых впечатлений, способствующих развитию личности путешествующего» [21, с. 292–293]. Возможно также увидеть связь сущности туристско-рекреационных услуг с одним из базовых для человека инстинктов – ориентировочного рефлекса. В этом значении туристско-рекреационная услуга обеспечивает реализацию познавательного интереса.

По мнению О. Е. Афанасьева, именно второй, т.е. познавательный, компонент до недавнего времени был определяющим при выборе направления для туризма [19]. В последние годы относительно более важным стал эмоциональный отклик, т.е. так называемое стремление к «накоплению воспоминаний» потребителем туристско-рекреационной услуги. Здесь важным выступает тот факт, что «туристский опыт способен накапливаться. Новые впечатления дополняют предшествующие, способствуя более глубокому пониманию окружающей среды. Накапливаемый на протяжении жизни туристский опыт в дальнейшем влияет на последующий выбор туристского направления» [21, с. 293]. Таким образом, полезность интересующего нас в настоящей работе вида услуг заключает в себе комбинацию двух составляющих: а) рациональной, заключенной в удовлетворении познавательного интереса; б) эмоциональной, заключенной в накоплении воспоминаний, т.е. в получении положительного эмоционального опыта.

По нашему мнению, сложность и многоаспектность туристско-рекреационной услуги определяют необходимость реализации синтетического подхода к ее рассмотрению. С одной стороны, субъективная полезность ее получения может быть связана с необходимостью восстановительных инвестиций (рекреации); с другой стороны, с инвестициями в собственное развитие; с третьей – в чистом потреблении, мотивом которого выступает максимизация полезности от свободного времени.

Это позволяет зафиксировать третью зависимость:

$$A = \sum(R_k, I_k, V_{tf}),$$

где A – потребность в услуге определенного качества и содержания, R_k – потребность в восстановительных инвестициях в человеческий капитал, I_k – потребность в инвестициях в развитие человеческого капитала, V_{tf} – стремление к полезности от свободной части бюджета времени агента.

Результаты

Приведенные формальные модели позволяют выйти на понимание основы потребительной ценности туристско-рекреационной услуги как реализации определенного объема свободного времени (т.е. выступающая функцией от по-

следнего) в рамках применения ключевой для современной неоклассической теории ценности и теории межвременного выбора. Так, нобелевский лауреат Ж. Дебре в своей классической работе по теории ценности постулирует, что «экономическое благо в некоторый определенный период времени и это же благо в более поздний период времени – это различные экономические объекты, и здесь указание на период времени, в который оно будет доступно, принципиально важно» [22, с. 62]. Существенной характеристикой также выступает местоположение блага: «Благо, находящееся в одном и том же месте, и это же самое благо, находящееся в другом месте, – это совершенно различные экономические объекты, и спецификация местоположения, в котором оно доступно, принципиально важно» [22, с. 62–63].

Вышеуказанные моменты позволяют зафиксировать, что основу потребительной ценности туристско-рекреационной услуги образует стремление к максимизации полезности экономического агента от имеющегося у него свободного времени.

Список литературы

1. *Stabler M. J., Papatheodorou A., Sinclair M. T.* The economics of tourism. 2nd ed. London ; New York : Routledge, 2010. 506 p.
2. *The economics of tourism / ed. by C. Tisdell.* Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2000. 1216 p.
3. *Bull A.* The economics of travel and tourism. Melbourne : Longman, 1995. 267 p.
4. *Dwyer L.* The Economics of Tourism. Book Review // *Tourism Management*. 1999. Vol. 20, iss. 3. P. 379–381. [https://doi.org/10.1016/S0261-5177\(98\)00108-3](https://doi.org/10.1016/S0261-5177(98)00108-3)
5. *Grassl W.* The Economics of Tourism. Book Review // *Annals of Tourism Research*, 1999. Vol. 26, iss. 1. P. 221–223. [https://doi.org/10.1016/S0160-7383\(98\)00055-3](https://doi.org/10.1016/S0160-7383(98)00055-3)
6. *Candela G. Figini P.* The economics of tourism destinations. Berlin ; Heidelberg : Springer-Verlag, 2012. 618 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-20874-4>
7. *Davidson R., Maitland R.* Tourism destinations. London : Hodder & Stoughton, 1997. 282 с.
8. *Papatheodorou A.* The cruise industry. An industrial organization perspective // *Cruise ship tourism / ed. by R. Dowling.* Wallingford, UK : CABI, 2006. P. 31–40. <https://doi.org/10.1079/9781845930486.0031>
9. *Коваленко В. В.* Туризм – социально-экономический феномен XX и XXI вв. // *Философия и методология экономики : сб. ст. по материалам ежегодной науч. конф. / под ред. Л. А. Тутова. М. : МАКС Пресс, 2015. С. 186–195.*

10. Воловик А. Ф., Воловик В. А. Педагогика досуга : учебник. М. : Флинта, 1998. 240 с.
11. Неверов А. Н. Капитал и диффузия субъектности. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. 268 с.
12. Неверов А. Н. Концепция ноосферной экономики. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. 324 с.
13. Петрова Т. В. Изучение потребительской ценности на рынке рекреационных услуг // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 3, ч. 1. С. 97–102. <https://doi.org/10.17513/vaael.1021>
14. Пайн Б. Дж., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений. Как превратить покупку в захватывающее действие. М. : Альпина Паблишер, 2018. 384 с.
15. Pine B. J., Gilmore J. *The Experience Economy*. Boston : Harvard Business School Press, 1999. 166 p.
16. Новичков Н. В. О некоторых аспектах развития туризма как части креативной экономики и экономики впечатлений // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 8 (46). С. 113–121.
17. Камшечко М. В., Дехтярь Г. М. Экономика впечатлений как новый глобальный тренд в развитии индустрии гостеприимства и туризма // Современное состояние и потенциал развития туризма в России : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 08–09 октября 2020 г.) / под общ. ред. Е. В. Кулагиной. Омск : Омский государственный технический университет, 2020. С. 116–121.
18. Черников И. А. Социокультурные противоречия и негативные модусы экономики впечатлений // Культура и образование. 2020. № 4 (39). С. 13–22. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2020-439-13-22>, EDN: QUTEKZ
19. Афанасьев О. Е. Экономика впечатлений как тренд в туристско-экскурсионной индустрии // Современные проблемы туризма и сервиса : сб. ст. науч. докл. по итогам Всерос. науч. конф. (Москва, 24 апреля 2018 г.) / под ред. Н. А. Платоновой, О. Е. Афанасьева. М. : РУСАЙНС, 2018. С. 6–11. EDN: YUMMQH
20. Ревунов Н. А. Экономика впечатлений // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 7. С. 129–132. <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.96.44.171>, EDN: AVDQWE
21. Гончарова О. В. Экономика впечатлений в туризме и перспективы туристской деятельности // Наука – сервису : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 10 октября 2018 г.) / под ред. И. В. Бушуевой, О. Е. Афанасьева. М. : РУСАЙНС, 2018. С. 291–300. EDN: VROYHQ
22. Дебре Ж. Теория ценности: Аксиоматический анализ экономического равновесия. М. : Дело, 2018. 222 с.
2. Tisdell C. (ed.) *The economics of tourism*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing, 2000. 1216 p.
3. Bull A. *The economics of travel and tourism*. Melbourne, Longman, 1995. 267 p.
4. Dwyer L. The Economics of Tourism. Book Review. *Tourism Management*, 1999, vol. 20, iss. 3, pp. 379–381. [https://doi.org/10.1016/S0261-5177\(98\)00108-3](https://doi.org/10.1016/S0261-5177(98)00108-3)
5. Grassl W. The Economics of Tourism. Book Review. *Annals of Tourism Research*, 1999, vol. 26, iss. 1, pp. 221–223. [https://doi.org/10.1016/S0160-7383\(98\)00055-3](https://doi.org/10.1016/S0160-7383(98)00055-3)
6. Candela G., Figini P. *The economics of tourism destinations*. Berlin, Heidelberg, Springer-Verlag, 2012. 618 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-20874-4>
7. Davidson R., Maitland R. *Tourism destinations*. London, Hodder & Stoughton. 1997. 282 p.
8. Papatheodorou A. The cruise industry: An industrial organization perspective. In: R. Dowling (ed.) *Cruise ship tourism*. Wallingford, UK, CABI, 2006, pp. 31–40. <https://doi.org/10.1079/9781845930486.0031>
9. Kovalenko V. V. Turizm – socio-economic phenomenon of the XX and XXI centuries. In: *Filosofiya i metodologiya ekonomiki* [Tutov L. A. (ed.) Philosophy and Methodology of Economics. Collection of articles based on the materials of the annual scientific conference]. Moscow, MAKS Press, 2015, pp. 186–195 (in Russian).
10. Volovik A. F., Volovik V. A. *Pedagogika dosuga* [Leisure pedagogy]. Moscow, Flinta, 1998. 240 p. (in Russian).
11. Neverov A. N. *Kapital i diffuziya sub"yektnosti* [Capital and the diffusion of subjectivity]. Saratov, ITS "Наука", 2009. 268 p. (in Russian).
12. Neverov A. N. *Kontseptsiya noosfernoy ekonomiki* [The concept of noospheric economy]. Saratov, ITS "Наука", 2009. 324 p. (in Russian).
13. Petrova T. V. The study of consumer value in the market of recreational services. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2020, no. 3, pt. 1, pp. 97–102 (in Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.1021>
14. Pine B. J., Gilmore J. H. *Ekonomika vpechatleniy. Kak prevratit' pokupku v zakhvatyvayushchee deystvie* [The economy of impressions. How to turn a purchase into an exciting action]. Moscow, Alpina Publisher, 2018. 384 p. (in Russian).
15. Pine B. J., Gilmore J. *The Experience Economy*. Boston, Harvard Business School Press, 1999. 166 p.
16. Novichkov N. V. On some aspects of tourism development as part of the creative and impression economy. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and Abroad], 2013, no. 8 (46), pp. 113–121 (in Russian).
17. Kamshechko M. V., Dekhtyar G. M. The economy of impressions as a new global trend in the development of the hospitality and tourism industry. *Sovremennoe sostoyanie i potentsial razvitiya turizma v Rossii* [Kulagina E. V. (ed.) The Current State and Development Potential of Tourism in Russia. Proceedings of the

References

1. Stabler M. J., Papatheodorou A., Sinclair M. T. *The economics of tourism*. 2nd ed. London, New York, Routledge, 2010. 506 p.

- XVII International scientific and practical conference (Omsk, October 08–09, 2020). Omsk, Omsk State Technical University Publ., 2020, pp. 116–121 (in Russian).
18. Chernikov I. A. Sociocultural contradictions and negative modes of the experience economy. *Kul'tura i obrazovanie* [Culture and Education], 2020, no. 4 (39), pp. 13–22 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2020-439-13-22>, EDN: QUTEKZ
19. Afanasyev O. E. The economy of impressions as a trend in the tourist and excursion industry. In: *Sovremennye problemy turizma i servisa* [Platonova N. A., Afanasyev O. E. (eds.) Modern Problems of Tourism and Service. Collection of articles of scientific reports on the results of the All-Russian scientific conference (Moscow, April 24, 2018)]. Moscow, RUSAINS, 2018, pp. 6–11 (in Russian). EDN: YUMMQH
20. Revunov N. A. Economics of impressions. *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva* [Issues of Sustainable Development of Society], 2020, no. 7, pp. 129–132 (in Russian). <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.96.44.171>, EDN: AVDQWE
21. Goncharova O. V. Economy of impressions in tourism and prospects of tourist activities. *Nauka – servisu* [Bushueva I. V., Afanasyev O. E. (eds.) Science for service. Proceedings of the XXIII International scientific and practical conference (Moscow, October 10, 2018)]. Moscow, RUSAINS, 2018, pp. 291–300 (in Russian). EDN: VROYHQ
22. Debreu G. *Theory of value. An axiomatic analysis of economic equilibrium*. New Haven, London, Yale University Press, 1959. 114 p. (Russ. ed.: Moscow, Delo, 2018. 222 p.).

Поступила в редакцию 29.12.2025; одобрена после рецензирования 06.01.2026; принята к публикации 10.01.2026
The article was submitted 29.12.2025; approved after reviewing 06.01.2026; accepted for publication 10.01.2026

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 49–58
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 49–58
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-49-58>
EDN: KARIQT

Научная статья
УДК 336.6

Влияние макроэкономических показателей на финансовую устойчивость предприятий

О. Ю. Гавель

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2

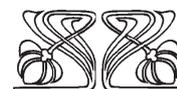
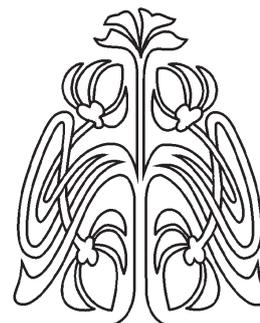
Гавель Ольга Юрьевна, PhD, кандидат биологических наук, доцент кафедры бизнес-аналитики, olga-gavel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9838-6770>

Аннотация. Введение. Исследование взаимосвязи макроэкономических показателей и финансовой устойчивости компаний является важной задачей для экономического прогнозирования и управления рисками. В работе предпринята попытка оценить характер этой связи на агрегированном отраслевом уровне, что позволяет минимизировать ошибки, связанные с нерепрезентативностью выборки отдельных предприятий. **Эмпирический анализ.** В основе исследования лежит анализ агрегированных данных по 2 230 121 российской нефинансовой организации за период с 2014 по 2023 г. Для оценки финансовой устойчивости рассчитаны динамические ряды шести классических моделей (Альтмана, Таффлера, Лиса, ИГЭА, Зайцевой, Савицкой) в целом по экономике и по ключевым отраслям. Для выявления статистических взаимосвязей динамики интегральных показателей моделей и макроэкономических индикаторов (курс доллара, ключевая ставка, инфляция, цена на нефть) применен корреляционно-регрессионный анализ. **Результаты.** Расчеты выявили наличие устойчивых корреляционных связей между макроэкономическими показателями и агрегированными оценками финансовой устойчивости. Наибольшая положительная корреляция для большинства отраслей наблюдается между динамикой моделей и курсом доллара. Установлены отраслевые особенности: наиболее сильные связи выявлены для ключевой ставки в строительном секторе, для инфляции – в торговле, а для цены на нефть – в электроэнергетике. Результаты, полученные с помощью разных моделей, демонстрируют значительную вариативность, что указывает на их различную чувствительность к макроэкономическим факторам. **Заключение.** Проведенное исследование демонстрирует перспективность агрегированного подхода для анализа влияния макроэкономической конъюнктуры на финансовое состояние предприятий. Наиболее согласованные результаты в российских условиях показали модели Альтмана, Таффлера и ИГЭА.

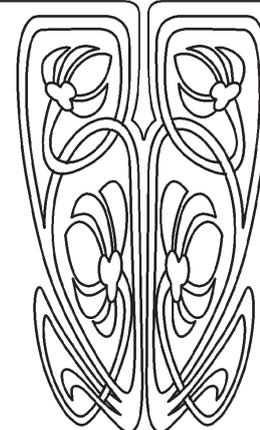
Ключевые слова: анализ, макроэкономические факторы, прогнозирование, расчетные модели, корреляционный анализ, факторы влияния, финансовая устойчивость компаний

Для цитирования: Гавель О. Ю. Влияние макроэкономических показателей на финансовую устойчивость предприятий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 49–58. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-49-58>, EDN: KARIQT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The influence of macroeconomic indicators on enterprises' financial solvency

O. Yu. Gavel

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia

Olga Yu. Gavel, olga-gavel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9838-6770>

Abstract. Introduction. Studying the relationship between macroeconomic indicators and the financial stability of companies is an important task for economic forecasting and risk management. This paper attempts to assess the nature of this relationship at an aggregated industry level, which helps to minimize errors associated with the non-representativeness of samples of individual enterprises. **Empirical analysis.** The research is based on an analysis of aggregated data from 2,230,121 Russian non-financial organizations for the period from 2014 to 2023. To assess financial stability, dynamic series of six classical models (Altman, Taffler, Lis, IGEA, Zaitseva, Savitskaya) were calculated for the economy as a whole and for key industries. Correlation analysis was used to identify statistical relationships between the dynamics of the models' integral indicators and macroeconomic indicators (USD exchange rate, key rate, inflation, oil price). **Results.** The calculations revealed stable correlational relationships between macroeconomic indicators and aggregated assessments of financial stability. The strongest positive correlation for most industries was observed between the dynamics of the models and the USD exchange rate. Industry-specific features were identified: the strongest correlations were found for the key rate in the construction sector, for inflation in trade, and for the oil price in the electric power industry. The results obtained using different models showed significant variability, indicating their differing sensitivity to macroeconomic factors. **Conclusion.** The conducted research demonstrates the promise of an aggregated approach for analyzing the impact of the macroeconomic environment on the financial condition of enterprises. The most consistent results in the Russian context were shown by the Altman, Taffler, and IGEA models.

Keywords: analysis, macroeconomic factors, forecasting, calculation models, correlation analysis, influencing factors, companies' financial stability

For citation: Gavel O. Yu. The influence of macroeconomic indicators on enterprises' financial solvency. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 49–58 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-49-58>, EDN: KARIQT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблеме разработки и применения прогностических моделей оценки финансовой несостоятельности компаний уделяется большое внимание в работах отечественных и зарубежных ученых. Динамичность рыночной конъюнктуры и существенное влияние отдельных событий на финансовую устойчивость рынков и их игроков предопределяет актуальность работы по созданию наиболее эффективных методов системного анализа и прогнозирования деятельности компаний и корпораций для минимизации возможных негативных последствий и ущерба [1, 2]. Исходя из актуальности проблемы, текущая работа направлена на исследование существующих моделей оценки финансовой устойчивости компаний и оценки влияния на них макроэкономических показателей.

Анализ финансовой состоятельности на первый взгляд относительно простая задача, поскольку часто ассоциируется с анализом данных лишь одной компании. Между тем она и достаточно сложна, поскольку требует опыта и сравнительного анализа множества событий в других организациях для выявления общих закономерностей, а также влияния внешней среды ведения бизнеса.

Прогнозирование экономических процессов имеет длительную историю. Каждому этапу его развития присущ соответствующий набор аналитических инструментов. Если изначально расчеты базировались на анализе деятельности относительно небольшого числа компаний, то со временем массивы доступных данных быстро росли, ручная обработка уступала место машинной. К настоящему моменту объем данных настолько расширился, что оптимизацию расчетных моделей, некогда успешных в прошлом, дополняют и уточняют в том числе с помощью автоматизированных систем, которые более тщательно и детально позволяют установить новые предпосылки возникновения предбанкротных состояний компаний на более ранних этапах.

В настоящее время имеется большое количество методов диагностики текущего финансового состояния предприятия и его устойчивости в ближайшей перспективе [3–7]. Использование для целей прогнозирования индикаторов, рассчитываемых на основе публичной финансовой отчетности, несмотря на ряд недостатков (невозможность учета характера зависимости компании и ее роли в группе компаний, а также наличия практики фиктивных банкротств), остается наиболее распространенным аналитическим подходом [8]. Помимо распростра-

ненных «простых» коэффициентов (например, ROE, ROA, ROS, FL и т.д.), существуют более сложные расчетные модели, к наиболее известным из которых следует отнести:

- показатель Аргенти (метод экспертной балльной оценки);
- коэффициент Альтмана;
- система анализа показателей Бивера;
- коэффициент Таффлера;
- модель Гордона – Спрингейта;
- формула Фулмера;
- формула Зайцевой;
- модель Сайфуллина – Кадыкова;
- модель Змиевского;
- модель ИГЭА (Беликова – Давыдовой);
- модель Савицкой.

Несмотря на значительное количество методик, их объединяет то, что общее направление анализа финансового состояния компаний можно представить как некоторую комбинацию показателей их финансовой отчетности [7]. Итоговая оценка при этом может представлять собой как единый интегральный показатель, так и некий произвольный массив балльных экспертных оценок в зависимости от выбранного метода. На основе системного анализа за значительный период времени как успешных, так и обанкротившихся компаний со временем количество таких методов естественным образом постепенно увеличивается, либо уточняется старый метод (изменение коэффициентов и т.д.), в том числе с учетом национальной специфики ведения бизнеса.

Стоит отметить, например, что модели ИГЭА и Савицкой были разработаны в 1990-е гг. и ориентированы именно на российскую специфику рыночных отношений [8]. Для коэффициента Альтмана существует как двухфакторный метод расчета, так и более поздний пятифакторный (для компаний с листингом акций на бирже). В свою очередь, пятифакторная модель Альтмана имеет модификацию и для компаний без учета рыночной стоимости на основе данных о величине учетного капитала [3]. Модель Сайфуллина – Кадыкова фактически представляет собой адаптированную для российских условий пятифакторную модель Альтмана ввиду их заметного сходства [9].

Таким образом, можно отметить как значительное сходство различных моделей, так и их эволюционное происхождение друг от друга в ряде случаев. Основными исходными данными для всех моделей являются примерно одни и те же величины:

- величина активов компании;
- их капиталы;
- обязательства.

Чуть реже в расчетных моделях учитываются выручка, прибыль, расходы (себестоимость продукции). Некоторым общим недостатком моделей является их статичность: каждый интегральный или балльный показатель оценивает финансовую устойчивость предприятия «в статике», т. е., как правило, на основании ежегодной, реже ежеквартальной отчетности просто потому, что чаще такие данные не публикуются.

Многие авторы также отмечают «бинарность» результата оценки без промежуточных состояний (в условных категориях «банкрот/не банкрот») [10], что накладывает некоторый отпечаток на достоверность прогнозирования. Хотя данное замечание нельзя назвать характерным для всех моделей, так как многие из них имеют большой диапазон интегральных числовых значений и вполне могут иметь расширенную трактовку вероятности банкротства. Соответственно, анализ динамики этих показателей во времени (за несколько лет) может дать достаточную информацию об изменении финансового состояния компании.

Эмпирический анализ

В целом набор инструментов финансового состояния достаточно велик и для некоторых задач может считаться избыточным ввиду значительного количества вариаций методов оценки. Удобство интегральных показателей в доступности их применения в корреляционно-регрессионном анализе факторов влияния на изменение финансовой устойчивости компаний. Поэтому для целей настоящего исследования использовались расчетные модели с итоговым числовым коэффициентом. Были выбраны по три модели зарубежного и отечественного происхождения:

- пятифакторная модель Альтмана;
- модель Таффлера
- модель Лиса;
- модель Зайцевой;
- модель Савицкой;
- модель ИГЭА (Беликова – Давыдовой).

Все перечисленные инструменты возможны к применению для оценки финансовой состоятельности компаний, предоставляющих отчетность по российским стандартам бухгалтерского учета (РСБУ).

Методологический подход в предлагаемом исследовании достаточно оригинален и встречается в отечественной практике только в работах Г. И. Ханина, который распространял построение расчетных моделей Альтмана на весь российский промышленный сектор [11, 12].

Поскольку в исследовании ставится задача влияния макроэкономических показателей на финансовую состоятельность предприятий, то использование в анализе одного предприятия или группы компаний будет нецелесообразным. Более рационален всеобъемлющий подход, когда модели финансовой состоятельности строятся не на основании информации об отдельных организациях, а по данным экономики в целом или по отдельным экономическим направлениям. Такой авторский прием позволит исключить многочисленные ошибки, связанные с небольшой выборкой, которой могут быть присущи уникальные местные, региональные факторы или иные специфические признаки, существенно влияющие на результаты исследования.

В отличие от работы Г. И. Ханина, настоящая работа основана не на точечном анализе за один год, а на динамике расчетных моделей за значительный промежуток времени. Так, в качестве временного диапазона рассматривается период с 2014 по 2023 г. – как доступный для анализа на сайте ЦБ России¹. Данные ЦБ базируются на годовой бухгалтерской отчетности 2 230 121 российской компании нефинансового сектора. Сложно представить более репрезентативную выборку (охват 74,9% всех российских предприятий).

Тогда как Г. И. Ханин пользовался только однократным расчетом коэффициента Альтмана, в текущей работе строится шесть различных моделей, повышающих точность оценки влияния факторов макроэкономики на финансовую состоятельность. Несмотря на существующие мнения (например, Н. П. Любушина [13] и О. Ю. Патласова [14]), что расчетные данные рассматриваемых моделей могут быть в ряде случаев противоречивыми и несопоставимыми как друг с другом, так и с действительностью, существует достаточно много исследований, подтверждающих работоспособность данных интегральных расчетов [15–17]. Для полноты анализа представлены как зарубежные, так и отечественные модели.

¹ Статистика нефинансового сектора // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/Non-financial_sector/ (дата обращения: 20.08.2025).

Корреляционно-регрессионный анализ проводится для нефинансовых организаций с учетом их отраслевой специфики, что позволит установить влияние динамики макроэкономических показателей на финансовую состоятельность компаний различных секторов. В качестве переменных выбраны следующие макроэкономические индикаторы:

- курс доллара США;
- величина ключевой ставки;
- ежегодная инфляция;
- стоимость нефти марки Brent на мировом рынке.

Хотя перечень макроэкономических показателей несколько ограничен, тем не менее, он емко отражает конъюнктуру как внутренней экономики, так и внешнеторговых операций, имеющих значительный вес для отечественной экономики.

Таким образом, суть исследования заключается в построении моделей финансовой устойчивости для экономики в целом и для отдельных ее отраслей за значительный промежуток времени и в проведении затем корреляционно-регрессионного анализа динамики величин этих моделей от макроэкономических факторов. Общий массив показателей и их сокращенные наименования представлены в табл. 1.

Исходя из общей логики процессов, можно предположить, что рост таких макроэкономических показателей, как курс доллара и стоимость нефти, должен благоприятно сказываться на отечественной экономике, поскольку снижение курса рубля повышает конкурентоспособность отечественных товаров на внутреннем рынке. Рост же стоимости нефти повышает приток валюты в страну, улучшает сальдо внешнеторгового баланса и финансовое состояние крупнейших компаний, входящих в производственные цепочки добычи, транспортировки и экспорта нефти и нефтепродуктов, а также природного газа, поскольку его цена, как правило, формируется в связке с мировыми ценами на нефть. Косвенно рост нефтяных котировок в основном повторяет рост мировых цен на другие ресурсы и металлы, которые также являются важными экспортными товарами. Напротив, рост ключевой ставки и инфляция должны ухудшать финансовые результаты компаний, отраслей и экономики в целом.

Корреляционный анализ позволит установить верность высказанных выше предпо-

Таблица 1 / Table 1

Используемые в работе переменные и их сокращенные наименования
Variables used in the work and their abbreviated names

Наименование показателя	Сокращенное наименование
<i>Расчетные модели оценки финансового состояния</i>	
Модель Альтмана	Зальт
Модель Таффлера	Зтаф
Модель Лиса	Злис
Модель Беликова – Давыдовой (ИГЭА)	Зигэа
Модель Зайцевой	Ззайц
Модель Савицкой	Зсав
<i>Макроэкономические показатели</i>	
Курс доллара, руб.	М1
Ключевая ставка, % годовых	М2
Инфляция, % год к году	М3
Стоимость нефти Brent, \$/баррель	М4

ложений. Результаты расчетов представляют собой таблицу с итоговыми коэффициентами корреляции для моделей зависимости расчетных коэффициентов Z (6 моделей) от макроэкономических показателей M (6 показателей).

Результаты

Массив исходных данных для расчета представляет собой таблицу (табл. 2) с расчетными интегральными величинами полученных мо-

делей (всего 6 строк) и макроэкономическими параметрами (4 строки).

Таблица 2 приведена справочно для понимания хода работы. Коэффициенты корреляции вычисляются поэтапно для каждой расчетной модели. Например, для модели Альтмана (Зальт) будет четыре последовательных расчета с показателями М1...М4. Результат представляет собой первую строку табл. 3, однако стоит остановиться и на данных табл. 2 перед анализом собственно корреляции.

Таблица 2 / Table 2

Расчетные значения интегральных значений моделей финансовой устойчивости и динамика макроэкономических показателей за период 2014–2023 гг. для нефинансовых организаций России
Estimated values of integral values of financial stability models and dynamics of macroeconomic indicators for the period 2014–2023 for non-financial organizations of Russia

Модель / Макроэкономический показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Зальт	1,66	2,27	2,45	2,39	2,43	2,54	2,38	2,68	2,69	2,70
Зтаф	0,36	0,42	0,50	0,42	0,53	0,55	0,44	0,74	0,55	0,62
Злис	0,044	0,044	0,043	0,043	0,045	0,044	0,042	0,046	0,048	0,047
Зигэа	3,1	3,3	3,2	3,1	3,2	3,2	3,2	3,3	3,3	3,4
Ззайц	0,52	0,54	0,53	0,52	0,53	0,53	0,53	0,54	0,53	0,54
Зсав	15,8	16,5	15,3	15,3	15,5	15,1	15,3	15,1	15,1	15,2
М1	38,0	61	66,9	58,3	62,5	64,7	71,9	73,6	67,5	84,7
М2	8,3	12,5	10,5	9,0	7,4	7,3	4,9	6,0	11,0	17,8
М3	7,8	15,6	7,1	3,7	2,9	4,5	3,4	6,7	13,8	8,4
М4	98,1	51,9	42,2	53,3	69,3	63,6	41,4	69,1	77,5	52,5

Примечание. Рассчитано на основании данных [12].
 Note. Calculated based on data from [12].

Интегральное значение модели Альтмана изменяется с 1,66 в 2014 г. до 2,70 в 2023 г. Пороговым значением является 2,60, выше которого вероятность банкротства считается минимальной. Как видно, в целом ситуация по экономике страны (кроме финансовых организаций) может считаться благоприятной, хотя до 2021 г. ее можно было оценить как пограничную в отношении приближенности к банкротству.

Модель Таффлера, построенная на основании данных 2014–2023 гг. для нефинансовых организаций российской экономики, в целом демонстрирует улучшение показателей, хотя они могут расцениваться как положительные на всем периоде исследования (вероятность банкротства нарастает при значении менее 0,3, тогда как минимальное значение 0,36 было отмечено в 2014 г.).

Значения для модели Лиса желательны более 0,037, однако, как видно из данных табл. 2, они не опускаются ниже 0,042 (2020 г.), что свидетельствует о благоприятном состоянии показателей финансовой устойчивости. Хотя расчетные величины изменяются во времени очень незначительно (0,042–0,048).

Модель Беликова – Давыдовой (ИГЭА) также не демонстрирует каких-либо качественных изменений во времени, ее значения на редкость стабильны и составляют узкий диапазон 3,1–3,4, тогда как минимальный риск банкротства для отдельных предприятий наблюдается при значении менее 0,42.

Значения модели Зайцевой должны быть не более 1,57. Значения же для этой модели так же, как и для модели ИГЭА, стабильны в пределах 0,52–0,54.

Модель Савицкой демонстрирует чуть большую вариабельность: от 15,1 до 16,5 при желательных значениях более 8,0.

В целом, исходя из постоянства расчетных величин моделей Лиса, ИГЭА и Зайцевой, их объективность в целом вызывает сомнения, так как даже существенные изменения финансовой отчетности не вызывают значимых коррекций итогового интегрального коэффициента. Модели Альтмана, Таффлера и Савицкой в силу видимой динамики кажутся более применимыми в российских условиях.

Непосредственно расчеты влияния макроэкономики на финансовую устойчивость нефинансовых организаций представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Коэффициенты корреляции влияния изменения макроэкономических показателей за период 2014–2023 гг. на динамику интегральных значений моделей финансовой устойчивости для нефинансовых организаций России
Correlation coefficients of the changes impact in macroeconomic indicators for the period 2014–2023 on the dynamics of financial stability models' integral values for non-financial organizations in Russia

№	Модель	M1	M2	M3	M4
1	Зальт	0,89	0,22	0,02	–0,46
2	Зтаф	0,71	0,08	–0,04	–0,03
3	Злис	0,39	0,47	0,41	0,42
4	Зигэа	0,68	0,50	0,52	–0,09
5	Ззайц	–0,38	0,40	0,37	–0,38
6	Зсав	–0,50	0,19	0,49	0,03

Примечание. Рассчитано на основании данных: Статистика нефинансового сектора // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/Non-financial_sector/ (дата обращения: 20.08.2025).

Note. Calculated based on the following data: Statistics of the non-financial sector // Bank of Russia. Available at: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/Non-financial_sector/ (accessed August 20, 2025).

Как видно из данных, представленных в табл. 3, макроэкономические показатели оказывают различное влияние на динамику моделей

финансовой устойчивости. Так, для моделей Альтмана коэффициент корреляции с курсом доллара (M1) наиболее высок – порядка 0,89.

Чуть меньше он для модели Таффлера (0,71) и ИГЭА (0,68). Значения менее 0,6 для задач исследования считаются незначимыми. Как ни странно, для моделей Зайцевой и Савицкой корреляция оказалась отрицательной, что в целом противоречит логике. Хотя общая величина коэффициентов корреляции в обоих случаях 0,50 и менее, означающая достаточно слабую связь показателей при столь небольшой выборке.

Степень влияния ключевой ставки (М2), инфляции (М3) и стоимости нефти (М4) можно оценить как невысокую – эти макроэкономические показатели не оказывают существенного влияния на финансовую устойчивость нефинансовых организаций страны в целом.

В табл. 4 рассматриваются корреляции финансовой устойчивости и макроэкономических показателей более подробно в разрезе отдельных отраслей. Для большей наглядности значения, удовлетворяющие требованию $>0,60$, выделены маркером.

Как видно из данных, представленных в табл. 4, динамика курса доллара (М1) оказывает наибольшее воздействие на показатели финансовой устойчивости предприятий большинства отраслей, если описывать их с помощью модели Альтмана: лишь для электроэнергетики коэффициент Альтмана оказался слабо применим в контексте влияния валютного курса. Однако при этом модели Лиса, ИГЭА и Савицкой

Таблица 4 / Table 4

Коэффициенты корреляции влияния изменения макроэкономических показателей за период 2014–2023 гг. на динамику интегральных значений моделей финансовой устойчивости для отдельных отраслей
Correlation coefficients of the changes impact in macroeconomic indicators for the period 2014–2023 on the dynamics of financial stability models' integral values for separate industries

Модель	М1	М2	М3	М4	Модель	М1	М2	М3	М4
<i>Сельское хозяйство</i>					<i>Добыча полезных ископаемых</i>				
Зальт	0,90	0,42	0,20	-0,52	Зальт	0,76	0,11	-0,02	-0,10
Зтаф	0,62	-0,02	0,20	-0,33	Зтаф	0,30	-0,26	-0,11	0,34
Злис	0,84	0,38	0,25	-0,19	Злис	0,28	-0,02	-0,08	0,48
Зигэа	0,38	0,01	0,35	-0,23	Зигэа	0,14	-0,17	-0,21	0,54
Ззайц	0,43	-0,35	0,03	0,43	Ззайц	-0,48	-0,02	-0,08	-0,48
Зсав	-0,62	-0,30	0,11	0,12	Зсав	-0,07	0,15	0,07	0,68
<i>Обрабатывающие производства</i>					<i>Электрэнергетика</i>				
Зальт	0,82	0,24	0,10	-0,12	Зальт	0,34	-0,28	-0,40	-0,60
Зтаф	0,72	-0,03	-0,02	-0,05	Зтаф	0,52	0,15	-0,53	-0,55
Злис	0,28	0,43	0,49	0,51	Злис	0,75	0,26	-0,17	-0,19
Зигэа	0,67	0,42	0,48	0,04	Зигэа	0,85	0,55	-0,10	-0,45
Ззайц	-0,51	0,05	0,19	-0,51	Ззайц	-0,07	0,38	0,09	-0,07
Зсав	-0,38	0,15	0,44	-0,05	Зсав	0,69	0,69	0,29	-0,16
<i>Строительство</i>					<i>Торговля</i>				
Зальт	0,73	0,61	0,18	-0,50	Зальт	0,87	0,32	0,20	-0,52
Зтаф	0,63	0,62	0,27	-0,06	Зтаф	0,58	0,15	0,21	0,14
Злис	0,25	0,88	0,30	-0,23	Злис	0,40	0,28	0,60	0,25
Зигэа	0,86	0,26	0,04	-0,51	Зигэа	-0,26	-0,21	0,33	-0,06
Ззайц	-0,36	-0,71	-0,48	-0,36	Ззайц	0,26	-0,34	0,09	0,26
Зсав	-0,07	-0,69	-0,45	-0,44	Зсав	-0,50	-0,30	0,15	-0,09

Примечание. Рассчитано на основании данных: Статистика нефинансового сектора // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/Non-financial_sector/ (дата обращения: 20.08.2025).

Note. Calculated based on the following data: Statistics of the non-financial sector // Bank of Russia. Available at: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/Non-financial_sector/ (accessed August 20, 2025).

оказались более удачными и зависимыми от курсовых колебаний. Это свидетельствует о том, что для разных отраслей целесообразно применение разных методик оценки. И если для большинства отраслей модель Альтмана в целом применима, то для электроэнергетики – нет. Здесь больше подходят другие методы оценки.

Влияние изменения ключевой ставки (M2) однозначно по расчетам любыми способами сказывается на строительной отрасли. Однако если зарубежные модели Альтмана, Таффлера и Лиса показывают прямую зависимость, то модели Зайцевой и Савицкой – обратную. Это говорит о существенной разнице в сути моделей. Стоит с осторожностью подходить к выбору метода оценки, поскольку можно получить диаметрально противоположные результаты.

Величина инфляции (M3) практически только для торгового сектора по методу Лиса положительно сказывается на финансовой устойчивости компаний данной отрасли. Скорее, это можно объяснить «механическим» приростом прибыли предприятий торговли вслед за инфляционными процессами. Хотя стоит напомнить о том, что значения интегрального коэффициента, полученные этим методом, очень незначительно изменяются во времени, и этим положительным результатом можно пренебречь. В целом, можно заключить, что инфляционные процессы в период 2014–2023 гг. слабо отражаются на финансовой устойчивости предприятий различных отраслей.

Стоимость нефти (M4) ожидаемо отрицательно сказывается на энергетическом секторе, поскольку цена энергоносителей носит определяющий характер для отрасли. Для всех моделей корреляция с M4 имеет отрицательное значение. Однако статистически значимым коэффициент корреляции (0,60) оценивается только по модели Альтмана и с некоторым допущением – по модели Таффлера (0,55).

По модели Савицкой для добычи полезных ископаемых стоимость энергоносителей положительно влияет на финансовую устойчивость (коэффициент корреляции 0,68). Примечательно, что модель Альтмана, построенная для этой отрасли, показывает отрицательную корреляцию. Ситуация аналогична влиянию M1 (курс доллара) на финансовую устойчивость предприятий добывающей отрасли, рассчитанной по разным методикам (Альтмана и Савицкой).

Заключение

Проведенное исследование было направлено на оценку взаимосвязи ключевых макроэкономических индикаторов и агрегированных показателей финансовой устойчивости российских предприятий нефинансового сектора. В рамках работы реализован оригинальный методологический подход, основанный на построении динамических рядов для шести классических моделей оценки финансового состояния по агрегированным данным по экономике в целом и в отраслевом разрезе за период 2014–2023 гг.

Основные результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

Предложенный агрегированный подход показал свою работоспособность для выявления устойчивых статистических связей на макроуровне. Анализ данных по репрезентативной выборке, охватывающей более 2,2 млн компаний, позволил минимизировать влияние идиосинкразических рисков отдельных предприятий и выявить общие для отраслей закономерности.

Корреляционный анализ подтвердил наличие статистически значимых связей между динамикой макроэкономической среды и агрегированными оценками финансовой устойчивости. Наиболее сильная и устойчивая положительная корреляция для большинства отраслей наблюдается с динамикой курса доллара США (M1), что согласуется с теоретическими ожиданиями о положительном влиянии ослабления национальной валюты на конкурентоспособность отечественного производителя.

Установлено, что сила и направленность корреляций варьируют в зависимости от отрасли:

- 1) наибольшая чувствительность строительного сектора к изменению ключевой ставки (M2) объясняется высокой зависимостью отрасли от доступности кредитных ресурсов;
- 2) выявленная положительная связь показателей торговли с уровнем инфляции (M3) может быть интерпретирована как следствие инфляционного роста номинальной выручки;
- 3) отрицательная корреляция в электроэнергетике со стоимостью нефти (M4) логично отражает рост затрат энергогенерирующих компаний при повышении цен на топливо.

Результаты, полученные с применением различных моделей, демонстрируют суще-

ственную вариативность, а в ряде случаев – и противоположную направленность связей (например, для строительной отрасли по показателю М2), свидетельствуя, таким образом, что выбор расчетного инструментария является критически важным. Наиболее согласованные и интерпретируемые результаты в условиях российской экономики продемонстрировали модели Альтмана, Таффлера и ИГЭА.

Следует отметить, что рамки данной работы ограничены корреляционным анализом. Для верификации причинно-следственных связей и количественной оценки воздействия макроэкономических факторов необходимы дальнейшие исследования с применением методов регрессионного анализа, построения эконометрических моделей и проверки временных рядов на стационарность. Перспективным направлением является также детализация анализа до уровня суботраслей и включение в модель дополнительных макроэкономических и отраслевых факторов. Таким образом, данная работа вносит вклад в развитие методологии анализа финансовой устойчивости, демонстрируя продуктивность агрегированного подхода и формируя основу для углубленных эконометрических исследований.

Список литературы

1. Беломытцева Е. Ю., Капашева Д. Н. Оценка финансовой устойчивости предприятия // Финансы и учетная политика. 2020. Вып. 5 (20). С. 5–9. EDN: URAZGJ
2. Малиновская О. А., Медведев В. М. Финансовая устойчивость предприятия как основной показатель его экономической безопасности: анализ и методы оценки // Вектор экономики. 2024. № 9 (99). URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2024/9/financeandcredit/Malinovskaya_Medvedev.pdf (дата обращения: 15.09.2025). EDN: EZMULY
3. Алексашкина Е. И., Василенок В. Л., Негреева В. В. Антикризисное управление на предприятии : учеб. пособие. СПб. : Университет ИТМО, 2015. 92 с.
4. Губина А. М., Котелянец О. С. Оценка вероятности банкротства по моделям Z-счета Альтмана, модели R-счета Сайфулина – Кадыкова, модели Бивера на примере ПАО «ТМК» и мероприятия по выходу предприятия из кризиса // Форум молодых ученых. 2017. № 7 (11). С. 174–178.
5. Сухова С. К. Сравнение результатов прогнозирования вероятности банкротства компаний, полученных с использованием пятифакторной модели и модели для развивающихся стран Альтмана, на примере металлургической отрасли российской Федерации // Social Sciences: Achievements and Prospects Journal. 2022. № 1 (14). С. 103–109. <https://doi.org/10.31219/osf.io/xsjw8>, EDN: QJQWBU
6. Хамзина Д. С., Пащенко С. Н. Методы оценки финансового состояния как инструмент эффективной финансовой политики предприятия // Экономика и социум. 2017. № 11 (42). С. 1242–1247.
7. Пихтарева А. В., Ярыгина Н. С. Модели оценки финансовой устойчивости компании // Наука – промышленности и сервису. 2011. № 6–2. С. 140–147. EDN: РЕНКТJ
8. Бердников В. В., Гавель О. Ю. Сравнительный анализ подходов прогнозирования вероятности банкротства коммерческих организаций // Наука и мир. 2014. № 8 (12). С. 92–96. EDN: SJALNX
9. Богданов И. А., Кравченко О. В., Карова Е. А. Зарубежные и отечественные модели оценки финансовых рисков компании // Вестник Международного института рынка. 2023. № 2. С. 29–38. EDN: DDXTTV
10. Мокеев В. В., Войтецкий Р. В. Прогнозирование банкротств предприятий с помощью экстремального градиентного бустинга // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Вычислительная математика и информатика. 2020. Т. 9, № 3. С. 77–90. <https://doi.org/10.14529/cmse200305>, EDN: XCLMHN
11. Ханин Г. И. Модель Альтмана для промышленности Российской Федерации в 2015 году в сопоставлении с данными Роснефти и группы Газпром: факты и гипотезы // Terra Economicus. 2019. Т. 17, № 2. С. 124–145. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-124-145>, EDN: JEKAZP
12. Ханин Г. И. Формула Альтмана без лукавых цифр (на примере нефтяной промышленности) // Банковское дело. 2018. № 3. С. 20–22. EDN: YRRDBV
13. Любушин Н. П., Бабичева Н. Э., Галушкина А. И., Козлова Л. В. Анализ методов и моделей оценки финансовой устойчивости организаций // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 1 (166). С. 3–11. EDN: KYINVD
14. Патласов О. Ю., Сергиенко О. В. Множественный дискриминантный анализ в моделях прогнозирования банкротства Альтмана: интерпретации и ограничения использования // Сибирская финансовая школа. 2007. № 1 (62). С. 76–80. EDN: JTYCAZ
15. Васильева Н. К., Шоль В. В., Распопа И. А., Ладыгина А. С. Анализ риска наступления банкротства с помощью интегральных показателей // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 7, № 6 (147). С. 168–177. <https://doi.org/10.36871/ek.ur.p.r.2024.06.07.023>, EDN: JONNDY
16. Галицкая Ю. Н., Терещенко О. О. Прогнозирование риска банкротства предприятия при помощи отечественных моделей с целью сохранения платежеспособности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 12–1 (58). С. 82–85. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11447>, EDN: GZFYZX

17. Павлинов Д. А., Савчина О. В. О применении модели Альтмана для оценки финансовой устойчивости российских авиакомпаний // Транспортное дело России. 2024. № 8. С. 7–11. EDN: NAWPYH

References

1. Belomyttseva E. Yu., Kapasheva D. N. Assessment of the financial stability of the enterprise. *Finansy i uchetskaya politika* [Finance and Accounting Policy], 2020, iss. 5 (20), pp. 5–9 (in Russian). EDN: URAZGJ
2. Malinovskaya O. A., Medvedev V. M. Financial stability of an enterprise as the main indicator of its economic security: Analysis and assessment methods. *Vector Economy*, 2024, no. 9 (99). Available at: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2024/9/finance-andcredit/Malinovskaya_Medvedev.pdf (accessed September 15, 2025) (in Russian). EDN: EZMULY
3. Aleksashkina E. I., Vasilenok V. L., Negreeva V. V. *Antikrizisnoe upravleniye na predpriyatii* [Anti-crisis management at the enterprise]. St. Petersburg, ITMO University Publ., 2015. 92 p. (in Russian).
4. Gubina A. M., Kotelyanets O. S. Estimation of the probability of bankruptcy by the Altman Z-account models, the model of the Safulin – Kadykov R-account, the model of the Biver on the example of the PAO “TMK” and events on the exit of the enterprise from the crisis. *Forum of Young Scientists*, 2017, no. 7 (11), pp. 174–178 (in Russian).
5. Sukhova S. K. Comparison of the Results of Forecasting the Probability of Bankruptcy of Companies Obtained Using the Five-Factor Model and the Altman Model for Developing Countries, Using the Example of the Metallurgical Industry of the Russian Federation. *Social Sciences: Achievements and Prospects Journal*, 2022, no. 1 (14), pp. 103–109 (in Russian). <https://doi.org/10.31219/osf.io/xsjw8>, EDN: QJQWBU
6. Khamzina D. S., Pashchenko S. N. Methods for assessing the financial condition as a tool for effective financial policy of an enterprise. *Economy and Society*, 2017, no. 11 (42), pp. 1242–1247 (in Russian).
7. Pikhtareva A. V., Yarygina N. S. Models for assessing the financial stability of a company. *Science – for Industry and Service*, 2011, no. 6–2, pp. 140–147 (in Russian). EDN: PEHKTI
8. Berdnikov V. V., Gavel O. Yu. Comparative analysis of approaches to forecasting the probability of bankruptcy of commercial organizations. *Science and World*, 2014, no. 8 (12), pp. 92–96 (in Russian). EDN: SJALNX
9. Bogdanov I. A., Kravchenko O. V., Karova E. A. Foreign and domestic models for assessing the financial risks of a company. *Bulletin of the International Market Institute*, 2023, no. 2, pp. 29–38 (in Russian). EDN: DDXTTV
10. Mokeev V. V., Voitetsky R. V. Forecasting enterprise bankruptcy by extreme gradient boosting. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Computational Mathematics and Software Engineering*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 77–90 (in Russian). <https://doi.org/10.14529/cmse200305>, EDN: XCLMHN
11. Khanin G. I. Altman model for the industry of the Russian Federation in 2015 compared to the data of Rosneft and Gazprom group: Facts and hypotheses. *Terra Economicus*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 124–145 (in Russian). <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-124-145>, EDN: JEKAZP
12. Khanin G. I. Altman’s formula without tricky numbers (using the oil industry as an example). *Banking*, 2018, no. 3, pp. 20–22 (in Russian). EDN: YRRDBV
13. Lyubushin N. P., Babicheva N. E., Galushkina A. I., Kozlova L. V. Analysis of methods and models for assessing the financial stability of organizations. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2010, no. 1 (166), pp. 3–11 (in Russian). EDN: KYINVD
14. Patlasov O. Yu., Sergienko O. V. Multiple discriminant analysis in Altman bankruptcy forecasting models: interpretations and limitations of use. *Siberian Financial School*, 2007, no. 1 (62), pp. 76–80 (in Russian). EDN: JTYCAZ
15. Vasilyeva N. K., Shol V. V., Raspopa I. A., Ladygina A. S. Analysis of the risk of bankruptcy using integral indicators. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economy and Management: Problems, Solutions], 2024, vol. 7, no. 6 (147), pp. 168–177 (in Russian). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.06.07.023>, EDN: JONNDY
16. Galitskaya Yu. N., Tereshchenko O. O. Forecasting the risk of bankruptcy of the enterprise with the help of domestic models in order to maintain solvency. *Economy and Business: Theory and Practice*, 2019, no. 12–1 (58), pp. 82–85 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11447>, EDN: GZFYZX
17. Pavlinov D. A., Savchina O. V. The application of the Altman model to assess the financial stability of the Russian airlines. *Transport Business of Russia*, 2024, no. 8, pp. 7–11 (in Russian). EDN: NAWPYH

Поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 05.12.2025
The article was submitted 24.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 05.12.2025

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 59–69

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 59–69
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-59-69>

EDN: PNVTRD

Научная статья
УДК 34.023

Правосубъектность роботов: дискуссии и перспективы

А. П. Анисимов

Донской государственный технический университет, Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Аннотация. *Введение.* В последние годы в России и за рубежом активно обсуждается вопрос о том, могут ли высокоразвитые роботы с элементами искусственного интеллекта признаваться субъектами права, т. е. обладать правами и обязанностями в юридическом смысле. *Теоретический анализ.* Было проведено исследование и представлена аргументация за и против признания роботов с искусственным интеллектом субъектами права. *Эмпирический анализ.* Выполнен аналитический обзор законодательства Российской Федерации, Европейского союза, США и Китая, регламентирующего правовое положение роботов с ИИ, выявлены сходства и различия их подходов. *Результаты.* Ни в одной стране мира роботы с ИИ не обладают правосубъектностью. Все примеры наделения их таким статусом либо носят символический характер, либо остаются предложениями и обсуждениями без законодательного закрепления. Доминирующая мировая практика исходит из того, что робот – это объект, механизм, принадлежащий человеку или организации, и в отношении него права и обязанности принадлежат его владельцам, разработчикам и пользователям. Как в теории, так и на уровне политических решений отмечается, что техническая и социальная зрелость ИИ недостаточна, чтобы считать его самостоятельным субъектом. Робот с ИИ не обладает сознанием, моральной ответственностью, а его уравнивание с человеком будет преждевременным и рискованным. Такая электронная правосубъектность может ослабить реальную ответственность людей, став способом ухода от ответственности корпораций, но все это может измениться в будущем.

Ключевые слова: робот, искусственный интеллект, субъект, цифровые технологии

Для цитирования: Анисимов А. П. Правосубъектность роботов: дискуссии и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 59–69. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-59-69>, EDN: PNVTRD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

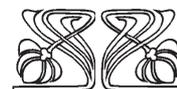
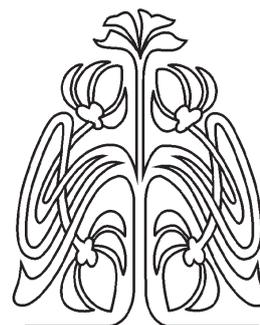
Article

Legal personality of robots: Discussions and prospects

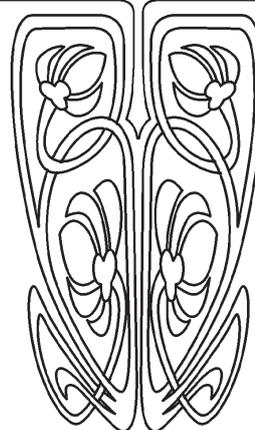
A. P. Anisimov

Don State Technical University, 1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don 344000, Russia
Aleksy P. Anisimov, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

© Анисимов А. П., 2026

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Abstract. Introduction. In recent years, the question of whether highly developed robots with artificial intelligence elements can be recognized as subjects of law, that is, have rights and obligations in the legal sense, has been actively discussed in Russia and abroad. **Theoretical analysis.** The study was conducted, and the arguments for and against recognizing robots with artificial intelligence as subjects of law were presented. **Empirical analysis.** The author carried out an analytical review of the legislation of the Russian Federation, the European Union, the USA and China regulating the legal status of robots with AI, and identified similarities and differences in their approaches. **Results.** In no country in the world AI robots have legal personality. All examples of granting them this status are either symbolic in nature, or remain proposals and discussions without legislative consolidation. The dominant world practice proceeds from the fact that a robot is an object, a mechanism belonging to a person or an organization, and in relation to it the rights and obligations belong to its owners, developers and users. Both in theory and at the level of political decisions, it is noted that the technical and social maturity of AI is insufficient to consider it an independent entity. An AI robot lacks knowledge and moral responsibility, and equating it with a human would be temporary and risky. Such an electronic legal personality may weaken the real responsibility of people, becoming a way of avoiding corporate responsibility, but all this may change in the future.

Keywords: robot, artificial intelligence, subject, digital technology

For citation: Anisimov A. P. Legal personality of robots: Discussions and prospects. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 59–69 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-59-69>, EDN: PNVTRD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В последние годы в России и за рубежом активно обсуждается вопрос о том, могут ли высокоразвитые роботы с элементами искусственного интеллекта признаваться субъектами права, т. е. обладать правами и обязанностями в юридическом смысле. Традиционно круг субъектов права ограничен физическими лицами (гражданами), государством и юридическими лицами, но динамичное развитие технологий ИИ ставит новые вызовы перед правовой системой. С одной стороны, робот не может быть субъектом права, поскольку он не является живым существом и не обладает сознанием и свободной волей. С другой стороны, право уже оперирует искусственными конструкциями: например, корпорации или государство наделяются правосубъектностью, хотя сами по себе не являются живыми людьми. Отдельно вопрос о правосубъектности давно обсуждается применительно к животным: должны ли некоторые животные (например, высокоразвитые обезьяны) получить особый правовой статус? В разных странах на этот вопрос дан различный ответ. Эту же динамику мы видим и применительно к роботам: факт присвоения гражданства Саудовской Аравии роботу Софии в 2017 г. широко обсуждался в СМИ как первый прецедент символического признания робота субъектом права¹. В том же 2017 г. Европейский парламент в своей резолюции также предлагал концепцию «электронной личности» для сложных автономных роботов. Эта динамика событий означает, что

¹ Робот-андроид София стала подданной Саудовской Аравии. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4680400> (дата обращения: 25.11.2025).

данная проблема уже вышла за рамки правовой теории и приобрела прикладное значение.

Теоретический анализ

Правосубъектность в юридической науке традиционно понимается как способность лица быть носителем прав и обязанностей, истцом и ответчиком в суде [1, с. 510]. Исторически понятие «лицо» возникло в Древнем Риме, причем римские юристы четко различали юридическое понятие лица и конкретную человеческую личность. Впоследствии под влиянием философии в Европе начало происходить сближение этих понятий, и субъектом права стал считаться человек. Однако право знает много случаев, когда нечеловеческие образования признавались лицами: юридические лица (корпорации, унитарные) давно рассматриваются как фиктивные субъекты, созданные для участия в гражданском обороте. В современном праве категория «юридическое лицо» не требует биологических признаков, являясь специальной правовой конструкцией, созданной законом для определения лиц, обладающих правами и обязанностями. Другими словами, субъект права – категория, созданная в результате правотворчества для достижения определенных целей.

В истории не все люди наделялись правами на равных основаниях – история знает примеры рабов, не считавшихся лицами, и крепостных крестьян с ограниченной правосубъектностью. Из этого следует вывод о том, что правовой статус субъекта никогда не был неизменной категорией, а является результатом политико-правовых решений. Если закон посчитает целесообразным, то он включит в круг субъектов права новые явления или существности.

Это хорошо видно на примере дискуссии о правосубъектности животных. Животные традиционно относились к категории объектов права (имущества). Во всех правовых системах на протяжении веков они рассматривались как вещи: домашние животные считались собственностью владельца, не обладая самостоятельными правами. И хотя современное законодательство отдельных европейских стран признает животных чувствующими существами и усиливает их защиту, полноценной правосубъектности животные пока не получили. Например, в большинстве юрисдикций животное не может быть истцом в суде; за нарушение обращения с ним несет ответственность человек, но сам пострадавший питомец не имеет права на возмещение вреда. Вместе с тем ряд ученых обсуждают концепцию «правового достоинства» животных: уже выдвигаются предложения о признании отдельных высокоразвитых животных (приматов, слонов) «нечеловеческими лицами» с особым статусом [2]. Но пока эти идеи мало востребованы, и животные по закону продолжают оставаться особыми объектами, а не субъектами права.

В свою очередь, роботы и системы искусственного интеллекта по своей природе не являются ни живыми организмами, ни социальными общностями, созданными людьми (как корпорации). Это искусственные технические устройства или программы. Базовая концепция классического права – рассматривать технику как имущество и орудия труда, находящиеся в собственности людей или организаций. Однако по мере усложнения возможностей ИИ возникает вопрос: не следует ли пересмотреть этот подход для автономных систем, способных действовать без прямого контроля человека? Ведь если некий алгоритм принимает решения и совершает поступки, приводящие к юридически значимым последствиям, как квалифицировать его роль в правоотношении: продолжать считать его простым инструментом в руках владельца либо придать ему роль самостоятельного участника правоотношения? Чтобы ответить на этот вопрос, надо взвесить цели и критерии правосубъектности. Закон наделяет субъектов правами и обязанностями для защиты, прежде всего, их интересов (самого субъекта и окружающих) и для вовлечения в зону правовой ответственности. Поэтому ключевыми моментами являются: 1) способность иметь интересы и нести

ответственность; 2) общественная потребность в признании данного интереса/ответственности юридически важными. Рассмотрим эти критерии применительно к роботам.

Аргументы против признания роботов субъектами права. Многие исследователи полагают, что наделение роботов правосубъектностью в настоящее время неоправданно и преждевременно как по фактическим причинам (недостаточный уровень развития ИИ), так и по нормативно-этическим основаниям. Их главные аргументы состоят в следующем.

1. *Отсутствие автономной воли и сознания.* Роботы в данный момент не обладают самосознанием, эмоциями, разумной волей в человеческом понимании [3, с. 88]. Их поведение полностью определяется программным кодом, заложенным разработчиками, и обучением на данных. Даже самые продвинутые роботы не обладают моралью и не могут нести юридическую ответственность, поэтому их нельзя сравнивать с людьми, которые осознают последствия своих действий. Как пишут российские авторы, поведение робота не является полностью самостоятельным, а его волеизъявление проблематично, что не позволяет считать его полноценным субъектом права [4].

2. *Наличие за каждым роботом контроля со стороны человека.* Практически во всех случаях действия ИИ опосредованно сводятся к деятельности людей (разработчиков, владельцев, операторов). Европейский парламент в одной из своих резолюций (2020) подчеркнул, что любые действия, совершаемые ИИ, являются прямым или косвенным результатом деятельности конкретных лиц, создавших, внедривших или настроивших систему ИИ. За ошибкой алгоритма всегда есть ошибка человека – программиста, производителя, пользователя. Соответственно, привлекать к ответственности нужно этих людей или организации, а не пытаться сделать ответчиком машину [5].

3. *Нарушение этических правил и ценностей.* С этической точки зрения многие эксперты также возражают против уравнивания роботов и людей. В 2017 г. после предложения о предоставлении роботам особого статуса сотни ученых, инженеров и юристов подписали открытое письмо в Еврокомиссию с критикой этой идеи [6, с. 83]. В письме указывалось, что рекомендации Европарламента основываются на искаженном научной фантастикой восприятии

роботов и являются неуместными с этической и юридической точек зрения. Они опасались, что размывание границы между человеком и ИИ может снизить ценность правового статуса человека, ведь его права исторически связаны с присущим людям достоинством и сознанием. Идею «электронных лиц» прямо назвали опасной, так как она ведет к прекращению ответственности людей и неоправданному присвоению прав машинными объектами.

4. *Появление угрозы по злоупотреблению правом.* Предоставление правосубъектности влечет не только обязанности, но и права. Признанный субъектом права робот теоретически может потребовать соблюдения своих прав, например на свободу выражения мнения. Абсурдность ситуации очевидна, однако тут можно задаться вопросом: если за корпорациями суды признают некоторые конституционные права, то что помешает творчески распространить эти права на ИИ? В экстремальном варианте высокоразвитый алгоритм мог бы претендовать на право не быть отключенным (аналог права на жизнь) или на неприкосновенность «частной жизни» своих данных. Пока это чисто футурологические фантазии, однако они подчеркивают юридическую непредсказуемость последствий признания роботов с ИИ субъектами права.

Развивая тему злоупотреблений, следует заметить, что идея электронного лица может быть недобросовестно использована человеком (организацией) для ухода от юридической ответственности. Например, компания-разработчик может формально переложить вину за ошибки ИИ на сам ИИ, если последний станет субъектом права. Возникает риск, что люди (создатели и пользователи) укроются за «личностью» робота с ИИ, оставив потерпевших без реального возмещения. Поэтому без надлежащих ограничений присвоение роботу с ИИ собственной правосубъектности повлечет наделение его правами без реальной ответственности, превратив в «цифрового козла отпущения» без активов, морали и способности понести (осмыслить) наказание.

5. *Отсутствие у ИИ собственных интересов, требующих защиты* [7, с. 127]. В отличие от животных, которые способны страдать и потому заслуживают гуманного обращения, робот лишен чувств. У него нет собственных потребностей (кроме определенных разработчиком) или целей вне заложенных в программе.

Поэтому нет и того внутреннего блага, которое нуждалось бы в правовой охране ради самого робота. Все интересы, связанные с работой ИИ, на самом деле являются интересами людей – разработчиков (в прибыли, репутации), пользователей (в удобстве, безопасности) или общества (в эффективности, защите от угроз). Поэтому охрану этих интересов можно обеспечить опосредованно, не признавая за роботом самостоятельного правового статуса. Иными словами, мы не придаем правосубъектность кухонному комбайну или автомобилю (хотя они могут причинить вред при неправильном использовании), и за их безопасность отвечает производитель (при использовании – владелец). Искусственный интеллект пока что более сложная технология, но, по сути, тот же подход может быть применен и к нему.

Таким образом, критики идеи «робота-субъекта права» настаивают, что существующие нормы и принципы позволяют решать все возникающие проблемы без революционных нововведений. Нужно совершенствовать законодательство об ответственности за применение ИИ, страхование рисков, сертификацию и контроль алгоритмов, но не создавать фиктивных «электронных лиц», которые только запутают правовую систему и ослабят стимулы к безопасному использованию техники. Этот консервативный подход настаивает: роботы – это лишь инструменты для людей, и отвечают за них люди.

Аргументы в пользу правосубъектности роботов. Несмотря на преобладание скептической позиции, отдельные юристы и специалисты в сфере робототехники выдвигают аргументы в поддержку возможности (или даже необходимости) признания роботов субъектами права при определенных обстоятельствах. Эти аргументы, как правило, носят прагматичный характер – речь идет не о «правах роботов ради роботов», а о том, как лучше урегулировать их ответственность и оборот в новых условиях цифровой экономики. Рассмотрим ключевые доводы сторонников более радикального подхода.

1. *Эффективное распределение ответственности и возмещение вреда.* Главный практический резон – изменить механизм ответственности за действия автономных систем [8, с. 104–105]. Если сложный ИИ действует более-менее самостоятельно, возникают пробелы в традиционных моделях ответственности.

Например, автономный беспилотник совершил действие, приведшее к ущербу, – насколько справедливо всю ответственность возлагать на его владельца, который мог не предвидеть такого исхода? Или на разработчика, чья программа благодаря самообучению изменила свое поведение? Некоторые авторы предлагают признать продвинутых роботов специальным субъектом права (электронным лицом) [9, с. 33] с возложением на него в том числе обязанности возместить вред. Естественно, сам робот не заработает денег для компенсации, поэтому идея состоит в создании страхового фонда (обязательного страхования) для такого робота с ИИ. Это напоминает режим ответственности юридических лиц: корпорация отвечает только своим имуществом, и наличие статуса юридического лица служит инструментом обеспечения выплат пострадавшим. Аналогично, у робота «электронного лица» может быть страховой депозит или фонд, из которого удовлетворяются требования в случае причинения им вреда. Признание ограниченной правосубъектности упростит привлечение к ответственности без выяснения сложных цепочек вины – пострадавший просто предъявит иск роботу как отдельному субъекту права, а тот в денежной форме возместит убытки (за счет страховых средств). Предполагается, что все это повысит прозрачность отношений с участием роботов и обеспечит лучший баланс интересов.

2. *Возможность участия робота в имущественном обороте.* Если допустить, что в недалеком будущем появятся роботы с ИИ, способные самостоятельно осуществлять хозяйственные операции (например, автономные торговые агенты, заключающие сделки на бирже, или интеллектуальные управляющие имуществом), то может возникнуть потребность наделить их некоторой дееспособностью. Уже сейчас существуют так называемые смарт-контракты – самоисполняющиеся алгоритмические соглашения, действующие без прямого участия людей. Возникает вопрос: кто является стороной такого контракта? Сейчас контрагентами выступают люди, но что мы будем делать при появлении полностью автономных сделок? Один из подходов – придать программам-агентам статус субъектов права, чтобы они могли формально заключать договоры, владеть имуществом и т.д., не выходя за рамки правового поля. Тут можно провести аналогию

с корпоративным правом: юридическое лицо выступает субъектом сделок, но «мыслят и действуют» за него люди-управляющие. Если же ИИ способен действовать без управляющего, то его можно легализовать в виде новой организационно-правовой формы или особой разновидности субъектов права. Наличие таких дискуссий говорит о стремлении бизнеса шире использовать цифровые технологии. Признание ограниченной правосубъектности ИИ снимает ряд препятствий для инноваций, позволив ИИ легально выходить на рынок от своего имени.

3. *Сходство робота и юридического лица.* Как и у последнего, у робота есть ряд таких же характерных признаков. Так, робот может иметь регистрацию (в Ростехнадзоре) и учетный номер; обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; обладать имущественной базой, поскольку робот априори представляет собой материальную ценность; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения или доработки программы, а также утилизации как крайней мере ответственности). Из этого следует, что, на первый взгляд, робот с ИИ обладает отдельными элементами субъекта права при осуществлении им производственно-хозяйственной деятельности [10, с. 88]. Робот не может испытывать эмоций в случае привлечения его к уголовной ответственности, но и юридические лица их не испытывают (во многих странах мира возможно их привлечение к уголовной ответственности) [11].

4. *Гибкость правовых понятий и экологические прецеденты.* Ученые отмечают, что гражданско-правовые понятия достаточно гибки и эластичны, поэтому выбор конкретной модели правосубъектности и распределения ответственности всегда зависит от практических потребностей общества. История знает случаи расширения круга субъектов: помимо корпораций, в отдельных юрисдикциях природные объекты (реки, экосистемы) или Природа в целом признавались субъектами права, чтобы обеспечить их судебную защиту [12]. Так, река Whanganui в Новой Зеландии получила статус юридического лица в целях защиты интересов экосистемы, с судебными представителями-людьми². Этот пример показывает, что критерием признания

² Река Уонгануи в Новой Зеландии получила статус юридического лица. URL: <https://www.5-tv.ru/news/116560/> (дата обращения: 20.11.2025).

субъектом является целесообразность: в тех случаях, когда традиционных средств недостаточно для охраны интересов граждан, общества и государства, законодатель может создавать правовые фикции. И если цифровая экономика выдвинет запрос на особый статус для ИИ, государство и право могут пойти навстречу. Это новое явление можно обозначить как «квази-субъект права» (в том числе и применительно к роботам), как промежуточную категорию, наделенную лишь отдельными элементами правосубъектности. Такой компромиссный подход позволил бы постепенно интегрировать ИИ в право, не приравнивая его полностью к людям, но и не оставляя за рамками закона.

5. *Подготовка к появлению более развитого ИИ.* Футурологический, но небезынтересный довод состоит в том, что право должно быть готово к потенциальному появлению искусственного интеллекта, сопоставимого с человеческим по уровню разумности. Если когда-то создадут самосознающие машины, способные испытывать эмоции и иметь самостоятельные цели, то с этической точки зрения им может потребоваться признание базовых прав (на существование). Безусловно, регулирование существующих роботов с ИИ, не обладающих никакой субъектностью, должно исходить из прагматичных соображений, но закрепление в праве возможности признания субъектности нечеловеческих разумных существ может пригодиться в будущем.

Таким образом, сторонники правосубъектности роботов фокусируются на утилитарных выгодах и необходимости адаптации права к технологическому прогрессу. Их позиция не подразумевает наделения роботов всеми правами человека, но предлагает новые правовые конструкции для конкретных задач: ответственности за вред, участия в коммерческом обороте, управления ресурсами, возможно, и реализации ограниченных «прав ИИ» (например, авторских прав на созданные им произведения). При этом даже самые активные сторонники такой идеи признают: эти меры нужны не сегодня, а в отдаленной перспективе, когда уровень автономности и значимости роботов достигнут критической точки, делающей старые взгляды неэффективными³.

³ Give robots 'personhood' status, EU committee argues. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/jan/12/give-robots-personhood-status-eu-committee-argues#:~:text=The%20proposed%20legal%20status%20for,%E2%80%9D> (дата обращения: 20.11.2025).

Эмпирический анализ

Ввиду глобального характера развития ИИ дискуссия о правосубъектности роботов ведется во многих странах. Однако конкретные решения и мнения могут различаться в зависимости от правовой культуры и традиций. Рассмотрим вопрос о регулировании правосубъектности роботов в нескольких наиболее интересных юрисдикциях: России, Евросоюзе, США и Китае.

Россия. В российской правовой науке проблема правового статуса роботов стала активно обсуждаться в последние пять–семь лет. Специального законодательства о робототехнике или ИИ в России пока не принято – эти отношения регулируются общими нормами гражданского права. Несколько раз возникали инициативы и исследования, предлагающие подготовить закон о робототехнике [13, с. 28], который ввел бы понятие автономных устройств, однако о присвоении им полноценной правосубъектности речи не шло – скорее, предполагалось уточнить правовой режим робота с ИИ как объекта права.

Позиция большинства российских ученых сводится к тому, что в существующих условиях наделить робота правосубъектностью невозможно и нецелесообразно. Такой вывод обосновывается тем, что современные технологии ИИ еще не достигли требуемого уровня развития: нынешние роботы не могут выступать полностью автономными субъектами в силу ограниченности их ИИ и зависимости от данных. Роботы не способны к полностью самостоятельному поведению и свободному волеизъявлению, поэтому говорить об их равноправии с людьми преждевременно. Вместе с тем российские авторы не отрицают, что со временем ситуация может измениться. Подчеркивается, что право должно мониторить технологический прогресс, и в нужный момент – когда роботы достигнут достаточной автономности и вовлеченности в оборот – может возникнуть необходимость инициировать вопрос о присвоении роботу статуса субъекта [14]. Уже предлагаются понятия «квазисубъект» или «электронный агент», идет доктринальное обсуждение идеи о постепенном расширении элементов правосубъектности роботов.

Российское законодательство пока исходит из традиционной конструкции: робот является

имуществом, а ответственность за ущерб, причиненный источником повышенной опасности (например, роботом на базе ИИ), лежит на его владельце либо на ином субъекте, определяемом законом (ст. 1079 ГК РФ)⁴. Интересно, что высшие судебные инстанции также не предлагают особых разъяснений по этому поводу, вероятно, ожидая развития практики.

Отдельно стоит упомянуть отношение к животным в российском праве как возможную параллель. В 2018 г. был принят федеральный закон⁵, признающий животных существами, способными испытывать эмоции и страдания, однако при этом животные прямо не называются субъектами права. Они занимают промежуточное положение: не вещи в полном смысле слова (на них распространяются особые правила обращения), но и не носители субъективных прав. Возможно, аналогичный путь – создание специальной категории объектов с повышенной защитой – мог бы быть применен и к роботам, если общество сочтет нужным предотвратить, скажем, бесконтрольное уничтожение ценных роботов с продвинутыми системами ИИ. Пока подобных норм нет, и сама логика развития законодательства в РФ предполагает, что прямое уравнивание робота с субъектом права маловероятно в ближайшем будущем. Скорее, возникнет особый режим ответственности либо регистрационный учет наиболее сложных роботов (как предлагается в других странах).

Европейский союз. Европейский союз известен своим проактивным подходом к правовому регулированию новых технологий, и тема робототехники не стала исключением. Первоначально 16 февраля 2017 г. Европарламент принял резолюцию с просьбой к Еврокомиссии подготовить проект директивы о гражданско-правовых нормах в области робототехники. В ней содержался призыв рассмотреть возможность создания специфического правового статуса для самых продвинутых автономных роботов – статуса «электронного лица». Эта инициатива сопровождалась и рядом других

предложений: создать Европейское агентство по робототехнике, ввести регистрацию особо сложных роботов, а также этический кодекс для разработчиков, предусмотреть обязательное страхование ответственности производителей робототехники [15]. С одной стороны, эти новаторские идеи дали понимание, что роботизация затрагивает все больше сфер жизни и требует комплекса регулирующих мер. С другой стороны, идея «электронной правосубъектности» стала объектом дискуссий, поскольку предоставление прав роботам могло бы отвлечь внимание от ответственности их создателей и даже предполагать признание у машин неких «человеческих» прав. В последующие годы позиция ЕС заметно изменилась. В 2019 г. Европарламент принял новую резолюцию, посвященную промышленной политике в сфере ИИ и робототехники – в ней уже не было упоминаний о каком-либо специальном статусе для ИИ.

Курс сместился в сторону поэтапного, секторального регулирования – обсуждались вопросы этики, стандарты безопасности, правоприменение существующих норм, но не создание «электронных лиц». В октябре 2020 г. Европарламент утвердил резолюцию с рекомендациями по режиму гражданско-правовой ответственности за ИИ, где прямо указал, что системы ИИ не обладают правосубъектностью и не имеют «человеческого сознания», а потому нет необходимости наделять их юридической личностью. В этом документе законодатели ЕС подчеркнули, что любое причинение вреда с участием ИИ является следствием действий людей, а реформы института ответственности должны исходить из принципа: субъектом ответственности остается человек или организация, управляющая ИИ. В апреле 2021 г. Еврокомиссия представила проект регламента ЕС об искусственном интеллекте – первого всеобъемлющего акта по регулированию ИИ. В окончательном тексте, который был принят Европейским парламентом 13 марта 2024 г. и одобрен Советом ЕС 21 мая 2024 г., нет положений о правосубъектности ИИ. Закон фокусируется на оценке рисков систем ИИ, устанавливает обязанности для поставщиков и пользователей высокорискового ИИ (например, систем распознавания лиц, автопилотов и т.д.), вводит надзорные органы.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая : федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Это означает, что ЕС выбрал путь регулирования поведения людей и компаний, связанных с ИИ, но не наделяя ИИ правами и обязанностями. Прежние идеи об электронных лицах при этом прямо упоминались в ходе обсуждений как нежелательные. Вместо этого в тексте регламента ИИ определяется как технология, продукт или сервис, отвечающий определенным требованиям. При этом примечательно, что в правовых системах стран-членов ЕС также нет примеров специального правового статуса для ИИ. Некоторые государства (Германия, Франция) внесли изменения в законодательство об автономных автомобилях, робототехнике, но везде сохранен принцип ответственности владельца/производителя. Отсюда следует вывод, что Евросоюз в ближайшей перспективе не планирует признавать роботов субъектами права, считая достаточным комплекс традиционных мер: лицензирование, страхование, стандартизация и усиление ответственности компаний.

США. В правовой системе США вопрос о правах и обязанностях роботов с ИИ решается преимущественно через существующие правовые конструкции, без введения новых субъектов. В США нет федерального законодательства, провозглашающего особый статус ИИ, равно как нет и судебных прецедентов, признающих за роботами правосубъектность. Однако богатая практика ответственности и защиты прав в сфере технологий уже сейчас сталкивается с вызовами ИИ, и юристы стали активно обсуждать возможные решения. Действующее право США исходит из того, что робот с ИИ не является субъектом права. Это проявляется в различных отраслях: например, в праве интеллектуальной собственности автором или изобретателем может быть только человек. Бюро авторского права США считает, что произведения, полностью созданные ИИ без участия человека, не охраняются авторским правом. Робот не может быть носителем права интеллектуальной собственности, поскольку он не является субъектом права. В сфере гражданско-правовой ответственности в США (если автономный робот причинил вред), американские суды будут искать ответственного среди людей или компаний: это может быть производитель (если был дефект продукта), программист (если им была допущена ошибка кода), владелец или оператор (если неправильно эксплуатировал). И даже если вину человека будет сложно вы-

явить (если нейросеть самостоятельно приняла решение), закон склонен возлагать риск на тех, кто эксплуатирует ИИ и получает от него выгоду. Споры о том, нужен ли новый субъект, пока носят чисто доктринальный характер. При этом стоит заметить, что все попытки законодательно признать ИИ субъектом права терпят неудачу из-за междисциплинарных проблем и отсутствия прецедентов. Практики же (юристы компаний) более озабочены прикладными вопросами: как обеспечить ответственность и минимизировать риски.

Поэтому пока американское право идет по пути восполнения локальных пробелов в праве: судебная практика постепенно адаптирует существующие нормы к новым ситуациям (через творческое толкование договоров, условий использования ИИ, деликтных исков и т.д.). На законодательном уровне обсуждаются требования к прозрачности алгоритмов, регламенты использования систем ИИ, ответственность за вред автономных транспортных средств, но признаков готовности сделать робота субъектом права нет.

Китай. Данная страна является одним из мировых лидеров в разработке и внедрении роботов с ИИ, стремясь создать сбалансированную нормативную базу для инноваций и контроля рисков. В отличие от ЕС, китайский подход отличается большей осторожностью в вопросе правового статуса ИИ: в Китае не выдвигалось инициатив по признанию роботов самостоятельными субъектами права и преобладает точка зрения, что ИИ – это инструмент в руках человека, а не потенциальный носитель прав. В Китае полагают, что интеллектуальные роботы не обладают реальной и юридической личностью и не могут быть включены в существующие определения физических или юридических лиц в гражданском праве. Гражданское законодательство опирается на классические категории: субъектами правоотношений могут быть граждане, организации и государство, а роботы рассматриваются как объекты (имущество), так как у них отсутствуют биологические и социальные признаки, присущие носителям прав. Практическое решение, предлагаемое китайскими юристами, заключается в том, что за вред, причиненный роботом, должен отвечать производитель или оператор на тех же основаниях, как если бы ущерб причинил любой другой технически сложный продукт.

Интересно, что китайское правительство активно развивает «мягкое» регулирование ИИ: кодексы этики, отраслевые стандарты, экспериментальные зоны. В 2022–2023 гг. Китай принял несколько документов по регулированию алгоритмов ИИ (например, правила по управлению услугами генеративного ИИ, использованию данных и др.), устанавливающих требования к прозрачности, недопущению злоупотреблений, лицензированию [16]. Однако в них не ставится вопрос о правосубъектности роботов – они понимаются как объекты прав, а обязанности отданы платформам или разработчикам. Китай смотрит на ИИ прагматично: это, прежде всего, инструмент развития экономики и государственного управления. Соответственно, права ИИ не находятся на повестке дня, напротив, официальный дискурс подчеркивает подконтрольность ИИ человеку и необходимость сохранения над ним полного контроля. Примечательно, что китайский суд признал изображения, сгенерированные ИИ, объектом авторского права, однако указал, что это право принадлежит тому, кто контролирует алгоритм, т. е. человеку⁶. Соответственно ИИ – это не субъект, а объект (инструмент) в руках людей.

Таким образом, китайская модель характеризуется сочетанием инновационности и консерватизма: с одной стороны, Китай много внедряет ИИ и даже опережает другие страны по ряду законодательных мер, с другой – он строго придерживается классической концепции субъекта права, не выражая готовности экспериментировать с юридическими фикциями для роботов.

Результаты

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ни в одной стране мира роботы с ИИ не обладают правосубъектностью. Все примеры наделяния их таким статусом либо носят символический характер (как гражданство робота Софии в Саудовской Аравии), либо остаются предложениями и обсуждениями без законодательного закрепления. Доминирующая мировая практика исходит из того, что робот – это объект (ме-

ханизм), права и обязанности в отношении которого принадлежат его владельцам, разработчикам и пользователям. Даже в ЕС, где изначально говорилось об «электронной личности», от этого впоследствии отказались, так как аргументы против наделяния роботов правосубъектностью перевешивают доводы сторонников такого решения. Как в теории, так и на уровне политических решений отмечается, что техническая и социальная зрелость ИИ пока недостаточна, чтобы считать его самостоятельным субъектом права. Робот не обладает сознанием, моральной ответственностью и подлинной автономией, поэтому его уравнивание с человеком выглядит преждевременным и рискованным. Такая электронная правосубъектность может ослабить реальную ответственность людей, став способом ухода от ответственности корпораций. Потребности защищать права роботов с ИИ нет еще и потому, что у них отсутствуют собственные интересы, требующие правовой охраны (в отличие, например, от животных). Право сегодня вполне способно охватить проблематику ИИ существующими нормами, от законов по защите прав потребителей до уголовных норм о киберпреступлениях.

Аргументы в пользу признания роботов субъектами права, скорее, ориентированы на будущее. Их нельзя полностью отвергать, поскольку с усложнением ИИ некоторые из этих доводов могут стать более весомыми. В частности, в вопросах гражданско-правовой ответственности за непредсказуемое поведение автономных систем возможно появление пробелов в праве, когда ни одна из традиционных сторон (производитель, программист, владелец) прямо не виновата, но вред причинен. На этот случай прорабатываются решения по обязательному страхованию, что можно рассматривать как элемент «квазиправосубъектности». Еще один существенный аргумент – участие роботов в коммерческом обороте. Уже сейчас ИИ торгует на биржах, управляет инвестициями, заключает сделки. Пока юридически эти действия оформляются через людей (брокеров, доверителей). Но в случае появления ИИ, действующего быстрее и эффективнее без постоянного представителя, бизнес может потребовать юридической формализации их действий. Не исключен и качественный скачок в развитии ИИ, к которому право должно быть готово.

⁶ Суд в Китае признал, что изображения ИИ имеют авторские права. URL: <https://dzen.ru/a/Z-JnXCx021f6Ht> (дата обращения: 25.11.2025).

Национальные подходы весьма похожи в части отказа от радикальных решений: Россия, ЕС, США, Китай (при всех их различиях) не приняли законы о роботах-субъектах [17, с. 102]. Везде обсуждаются альтернативы: сохранение статус-кво (робот – вещь, а ответственность на человеке) либо введение специальных правил ответственности/страхования. Со своей стороны, хотелось бы заметить, что в настоящий момент нет оснований признавать роботов с ИИ (или отдельно сам ИИ) субъектами права. Текущее развитие технологий не оправдывает столь радикального шага, а потенциальный вред (размывание ответственности и правовая неопределенность) перевешивает гипотетические выгоды. Однако необходимо совершенствовать законодательство об ответственности (введение презумпции вины производителей, обязательное страхование роботов-источников повышенной опасности), не меняя основы теории правосубъектности. Вместо попытки «очеловечить» робота нормативно разумнее усовершенствовать механизмы привлечения к ответственности человека, причастного к его созданию и эксплуатации.

Такой подход будет соответствовать принципу социальной справедливости: лицо, извлекающее выгоду из технологии, должно нести все риски. И хотя нельзя исключать, что в будущем ситуация изменится, все равно решение о возможном придании роботу особого правового статуса должно приниматься лишь при наличии веских социальных и экономических оснований и после всестороннего анализа последствий. Однако даже в этом случае, скорее всего, речь будет идти о весьма ограниченном правовом статусе робота-субъекта. Возможен и компромиссный вариант – квазиправосубъектность (хотя это и не самый удачный термин), при которой роботы получают право участвовать в обороте или управлять страховым фондом, но останутся под надзором уполномоченных людей или организаций (аналог опекуна или управляющего). В любом случае еще долго роботы будут оставаться особым объектом права в глазах закона, а не субъектом, обладающим правами и обязанностями. Такой подход подтверждается и здравым смыслом, и опытом различных стран. Вместо признания «прав ИИ» законодателю следует сконцентрироваться на разработке четких правил ответственности, прозрачности и контроля в сфере искусственно-

го интеллекта – это обеспечит баланс интересов всех участников (разработчиков, пользователей, общества) без создания юридических фикций, опережающих развитие данной технологии.

Список литературы

1. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства : учебник. М. : Норма, 2000. 552 с.
2. *Капитонова Е. А., Романовский Г. Б.* Конституционная правосубъектность личности в контексте этики животных // Государство и право. 2023. № 1. С. 23–33. <https://doi.org/10.31857/S102694520018305-6>
3. *Ишеков К. А., Проницева Е. А.* Искусственный интеллект в структуре гражданско-правовых отношений // International Law Journal. 2025. Т. 8, № 5. С. 86–93.
4. *Бегиев И. Р.* Проблема определения правосубъектности роботов // EX JURE. 2021. № 3. С. 7–16. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-3-7-16>, EDN: HGIMSU
5. *Simonart V.* Artificial intelligence and legal personality. URL: <https://liedekerke.com/en/insights/artificial-intelligence-and-legal-personality#:~:text=focusses%20on%20a%20piecemeal%20approach,that%20it%20is%20not%20necessary> (дата обращения: 26.11.2025).
6. *Соменков С. А.* Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 75–85. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085>, EDN: ZBOCAP
7. *Никитин Т. Ф.* К вопросу об определении правосубъектности искусственного интеллекта в Российской Федерации, Федеративной Республике Германия и Нидерландах // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Второй международной научно-практической конференции / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург : Уральский гос. юрид. ун-т, 2020. С. 124–130. EDN: KHQPGQ
8. *Марченко А. Ю.* Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 208 с.
9. *Михалева Е. С., Шубина Е. А.* Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 26–35. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035>
10. *Лантев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>
11. *Федоров А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц в Республике Исландия // Российский следователь. 2023. № 11. С. 62–68.
12. *Requena K. K. D., Lopez D. L. D., Cordova H. Y. R., Cabrera E. C. J.* El Reconocimiento Del Agua Como

- Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion // *Revista Catalana de Dret Ambiental*. 2024. Vol. 15, iss. 1. P. 1–34.
13. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 4. С. 24–48. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48>
 14. Журавлева А. В., Куликова Ю. А. Искусственный интеллект как субъект права // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2025. № 3. С. 88–94. <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-3>
 15. Shestak V. A., Ilicheva Z. I. On possibility of perception of modern Spanish law concepts of legal personality for artificial intelligence: A view from Russia // *Baikal Research Journal*. 2019. Vol. 10, № 3. P. 13–13. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(3\).13](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(3).13), EDN: LTLJXL
 16. Тонких Е. Опыт Китая в регулировании ИИ: между Сциллой и Харибдой. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-regulirovanii-ii-mezhdu-stsilloy-i-kharibдой/> (дата обращения: 20.11.2025).
 17. Никифоров С. В. Международная правосубъектность искусственного интеллекта как социально-политического феномена киберпространства // *Социально-политические науки*. 2020. Т. 10, № 1. С. 100–105.
 7. Nikitin T. F. To the question of determining the legal personality of artificial intelligence in the Russian Federation, Federal Republic of Germany and the Netherlands. *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii* [Bakhteev D. V. (ed.) Technologies of the 21 Century in Jurisprudence. Materials of the Second international scientific and practical conference]. Yekaterinburg, Ural State Law University Publ., 2020, pp. 124–130 (in Russian). EDN: KHQPGQ
 8. Marchenko A. Yu. *Legal analysis of the latest EU legislation on the use of artificial intelligence technologies*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2022. 208 p. (in Russian).
 9. Mikhaleva E. S., Shubina E. A. Challenges and prospects of legal regulation of robotics. *Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 12 (109), pp. 26–35 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035>
 10. Laptev V. A. Artificial intelligence and liability for its work. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*, 2019, no. 2, pp. 79–102 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>
 11. Fedorov A. V. Criminal liability of legal entities in the Republic of Iceland. *Rossiyskiy sledovatel`* [Russian Investigator], 2023, no. 11, pp. 62–68 (in Russian).
 12. Requena K. K. D., Lopez D. L. D., Cordova H. Y. R., Cabrera E. C. J. The Recognition of Water as a Subject of Law in Peru: An Evolving Perspective. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, 2024, vol. 15, iss. 1, pp. 1–34.
 13. Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. Could be a robot a subject of law (in search of legal Forms for digital economy regulation)? *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*, 2018, no. 4, pp. 24–48 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48>
 14. Zhuravleva A. V., Kulikova Yu. A. Artificial intelligence as a legal entity. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2025, no. 3, pp. 88–94 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-3>
 15. Shestak V. A., Ilicheva Z. I. On possibility of perception of modern Spanish law concepts of legal personality for artificial intelligence: A view from Russia. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 13–13. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(3\).13](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(3).13), EDN: LTLJXL
 16. Tonkikh E. *Opyt Kitaya v regulirovanii II: mezhdustsilloy i Kharibдой* (China's experience in AI regulation: Between Scylla and Charybdis). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-regulirovanii-ii-mezhdustsilloy-i-kharibдой/> (accessed November 20, 2025) (in Russian).
 17. Nikiforov S. V. International personality of artificial intelligence as a cyberspace socio-political phenomenon. *Sociopolitical Sciences*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 100–105 (in Russian).

References

1. Nersesyants V. S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and the state]. Moscow, Norma, 2000. 552 p. (in Russian).
2. Kapitonova E. A., Romanovsky G. B. Constitutional legal personality of a person in the context of animal ethics. *State and Law*, 2023, no. 1, pp. 23–33 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520018305-6>
3. Ishekov K. A., Pronicheva E. A. Artificial intelligence in the structure of civil law relations. *International Law Journal*, 2025, vol. 8, iss. 5, pp. 86–93 (in Russian).
4. Begishev I. R. The problem of determining the legal personality of robots. *EX JURE*, 2021, no. 3, pp. 7–16 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-3-7-16>, EDN: HGIMSU
5. Simonart V. *Artificial intelligence and legal personality*. Available at: <https://liedekerke.com/en/insights/artificial-intelligence-and-legal-personality#:~:text=focusses%20on%20a%20piecemeal%20approach,that%20it%20is%20not%20necessary> (accessed November 26, 2025).
6. Somenkov S. A. Artificial intelligence: From object to subject? *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 2 (54), pp. 75–85 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085>, EDN: ZBOCAP

Поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 05.12.2025
The article was submitted 27.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 05.12.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 70–78

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 70–78

<https://eup.sgu.ru>

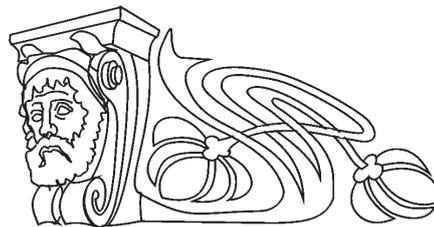
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-70-78>, EDN: QAYHWW

Научная статья

УДК 343.98

Место цифровых навыков и привычек в системе криминалистики

А. М. Сосновикова

¹Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Россия, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

²Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб», Россия, 620034, г. Екатеринбург, ул. Бебеля, д. 126

Сосновикова Анна Михайловна, ¹младший научный сотрудник лаборатории цифровых технологий в криминалистике; ²младший научный сотрудник, at@crimlib.info, <https://orcid.org/0000-0002-1631-9265>

Аннотация. Введение. В условиях стремительного роста числа совершаемых ежегодно компьютерных преступлений особую важность приобретают вопросы разработки рекомендаций по их раскрытию и расследованию, а также исследованию специфической следовой информации. Отдельного внимания заслуживают цифровые навыки и привычки, до разработки рекомендаций по работе с которыми требуется определить их место в системе криминалистической науки. Именно достижению указанной цели посвящена настоящая статья. **Теоретический анализ.** Рассмотрены позиции различных учёных по вопросу позиционирования учения о навыках и привычках в системе криминалистики. Выделены предложения его описания как частной криминалистической теории в рамках общей теории криминалистики, рассмотрения в рамках учения о человеке, выделения на уровне общей теории и обособления в виде самостоятельной отрасли криминалистической техники. **Эмпирический анализ.** Установлено, что навыки и привычки носят интегральный и универсальный характер, неотъемлемы от человека, поэтому должны изучаться в рамках учения о человеке. Однако последнее пока не обрело консенсуального статуса в науке, поэтому рассматривать навыки и привычки в его рамках – вопрос перспективы развития криминалистики, тогда как сейчас оптимально ограничиться отраслью криминалистической техники. Необходимо учитывать, что для цифровых навыков и привычек это верно только при рассмотрении их общих положений, специфика различных навыковых свойств гармонично является частью цифровой криминалистики, что не вызывает дискуссий. **Результаты.** Сегодня знания о цифровых навыках и привычках, правила выявления сведений о них, фиксации, изъятия, хранения и обработки этих сведений должны признаваться системообразующими для субъектов криминалистической деятельности и усваиваться в процессе профессионального образования. Их изучение должно происходить в рамках раздела криминалистической техники, пока не сформируется окончательно учение о человеке, куда войдёт и учение о навыках и привычках (в том числе цифровых).

Ключевые слова: навыки человека, привычки человека, система криминалистики, криминалистическое учение, компьютерные преступления, цифровой профиль

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>).

Для цитирования: Сосновикова А. М. Место цифровых навыков и привычек в системе криминалистики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 70–78. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-70-78>, EDN: QAYHWW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The position of digital skills and habits in the criminalistic system

A. M. Sosnovikova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 21 Komsomolskaya St., Ekaterinburg 620137, Russia

Criminalistics Development Support Centre "CrimLib", 126 Bebelya St., Ekaterinburg 620034, Russia

Anna M. Sosnovikova, at@crimlib.info, <https://orcid.org/0000-0002-1631-9265>

Abstract. Introduction. In the context of the rapid growth in the number of computer crimes committed annually, the issues of developing recommendations for their detection and investigation, as well as the study of specific trace information are of particular importance. Digital skills and habits deserve special attention. Before developing recommendations for working with them, it is necessary to determine their position in the system of criminalistics. This article is devoted to achieving this goal. **Theoretical analysis.** The opinions of various scientists on the issue of positioning the doctrine of skills and habits in the system of forensic science were considered. The author highlighted suggestions for its description as an individual forensic theory within the general theory of forensic science; consideration within the

framework of the doctrine of man; allocation at the level of general theory and isolation as an independent branch of forensic technology. **Empirical analysis.** It is established that skills and habits are integral and universal in nature, inseparable from man, therefore, they should be studied within the framework of the doctrine of man. However, the latter has not yet acquired a consensus status in science, so considering skills and habits within its framework is a question of the prospects for the development of forensic science, while now it is optimal to limit ourselves to the branch of forensic technology. It is necessary to take into account that for digital skills and habits this is true only when considering their general provisions, the specificity of various skill properties is harmoniously part of digital forensics, which does not cause discussions. **Results.** Today, knowledge of digital skills and habits, rules for identifying information about them, recording, removing, storing and processing this information should be recognized as system-forming for subjects of forensic activity and should be assimilated in the process of professional education. They should be studied within the framework of the forensic technology section until the doctrine of man, which will include the doctrine of skills and habits (including digital ones), is finally formed.

Keywords: human skills, human habits, system of criminalistics, criminalistics doctrine, computer crimes, digital profile

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-78-10011, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10011/>).

For citation: Sosnovikova A. M. The position of digital skills and habits in the criminalistic system. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 70–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-70-78>, EDN: QAYHWW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современное развитие общества сопровождается тенденцией к постоянному росту числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных устройств: так, согласно официальным статистическим данным ГИАЦ МВД России, в 2022 г. таковых было выявлено 522 тыс.¹, в 2023 – 677 тыс.², в 2024 – 765 тыс.³ Это закономерно приводит к формированию адекватной реакции государства, направленной на повышение эффективности борьбы с такого рода противоправными деяниями. В качестве наиболее ярких примеров таковой можно назвать изменения, внесённые в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2024 г., когда перечни обстоятельств, отягчающих наказание, и квалифицирующих признаков отдельных «традиционных» составов были дополнены указанием на деяние, «совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”)»⁴; а также принятое в 2022 г. Постановление Пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации, посвящённое вопросам судебной практики по киберпреступлениям⁵.

Однако для действительного достижения целей правосудия видится недостаточным лишь совершенствовать нормативную базу, требуется также модернизировать непосредственную деятельность лиц, осуществляющих выявление, раскрытие и расследование преступлений. В связи с этим существенное значение приобретают актуальные криминалистические рекомендации в части работы с новыми техническими средствами, выполняющими роль как носителей следовой информации, так и инструментов её обработки; тактических особенностей сбора и использования информации о преступнике и событии преступления; методики раскрытия и расследования новых видов преступлений и т. д. Видится особенно важным изучать «цифровое» поведение преступников, которое выражается в специфических привычках и навыках (особенностях использования программных продуктов; характеристике взаимодействия с устройствами-манипуляторами, особенно клавиатурой; индивидуальном стиле интернет-коммуникации; способе оформления электронной текстовой документации и пр.).

Вместе с тем безусловной сегодня является проблема не только и не столько разработки современных криминалистических рекомендаций (так как по данному направлению

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года : стат. сб. М. : ГИАЦ МВД России, 2023. С. 30.

² Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года : стат. сб. М. : ГИАЦ МВД России, 2024. С. 28.

³ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года : стат. сб. М. : ГИАЦ МВД России, 2025. С. 28.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (ч. 1), ст. 4914.

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ведётся весьма активная работа подавляющего большинства ведущих учёных отрасли – А. А. Бессонова, В. Б. Вехова, Д. В. Воронкова, С. В. Зуева, В. А. Мещерякова, Е. Р. Россинской, А. Б. Смушкина, А. И. Усова и многих других), сколько их интеграции в практическую деятельность сотрудников правоохранительных органов [1, с. 88], для чего весьма важно на первоначальном этапе разрешить теоретический вопрос о месте тех или иных концепций в системе науки – отталкиваясь от этого и учитывая принцип системности научного знания, станет возможным определить конкретное значение новых практико-ориентированных предложений; фундаментальность информации и её обязательное либо факультативное значение для оценки сформированности компетенций будущего или действующего сотрудника; чётко обозначить целевую аудиторию новых построений и решить иные подобные задачи для достижения действительной применимости научных разработок на практике.

В настоящей работе перед нами стояла цель продемонстрировать, каким образом вопросы изучения цифровых привычек и навыков могут быть вписаны в систему криминалистической науки.

Для её достижения в качестве основных были использованы системный метод, метод сравнительного анализа (при сопоставлении позиций различных авторов), а также метод аналогии (для трансляции достижений в рамках общего учения о навыках и привычках на конкретный описываемый в работе феномен).

Теоретический анализ

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что «цифровые» навыки и привычки имеют непосредственную генетическую связь с навыками и привычками в целом и характеризуются универсальностью, автоматизированностью, относительной стабильностью, воспроизводимостью, отображаемостью и индивидуальностью [2, с. 94; 3, с. 9–10], что обеспечивает сложность их сознательного изменения, в отличие, например, от демографических сведений, указываемых пользователем на различных ресурсах⁶. Именно изучение навыков и привы-

⁶ Оговоримся, что вопросы соответствия цифровых навыков и привычек общим родовым категориям по указанным признакам рассматривались нами в одной из предшествующих работ [4, с. 85–87], в связи с чем и по причине ограниченного объёма настоящего исследования мы не будем останавливаться на данном вопросе.

чек как неотъемлемых характеристик личности позволяет преодолеть сфальсифицированные сведения и точно установить субъекта, который действовал за компьютерным устройством в момент совершения преступления с его помощью.

В этой связи под цифровыми навыками и привычками мы понимаем те уникальные свойства личности, которые отражают определённую степень совершенства реализации действий в цифровом пространстве и с цифровыми устройствами, достигшую уровня автоматизма.

Например, при создании и распространении вредоносного программного обеспечения злоумышленник может использовать подпись доверенного производителя программных средств, применять дополнительные средства анонимизации, производить распространение с компьютера, принадлежащего законопослушному гражданину, получая несанкционированный доступ к его устройству, но при этом непредумышленно сохраняет свой почерк программиста; печатает с характерным для него клавиатурным почерком; использует специфическую среду и индивидуальное форматирование кода; направляет программу на определённые сайты и т. д. – таким образом, несмотря на всё шифрование, устойчивые цифровые навыки и привычки лица сохраняются и воспроизводятся, на основании чего становится возможной последующая идентификация преступника.

Вместе с тем сегодня деятельность людей в цифровом пространстве весьма разнообразна, в связи с чем и проявляющиеся при её реализации навыки и привычки носят дифференцированный характер. На сегодняшний день видится возможным рассматривать все цифровые навыки и привычки в рамках следующих классификационных групп:

- 1) использование программных средств;
- 2) особенности интернет-коммуникации;
- 3) оформление текстовых документов и организация работы с ними;
- 4) клавиатурный почерк [4, с. 87–89].

Важно отметить, что о цифровых навыках и привычках в криминалистике заговорили не так давно, тогда как родовой феномен изучается в ней с момента её зарождения, пусть и в не системном представлении [5, с. 44–46]. Более того, несмотря на сравнительно длительный период присутствия в общественной жизни цифровых устройств, практика изучения навыков и привычек, проявляющихся при их использовании, в уголовном процессе почти не реализована.

Так, относительно развита сегодня сфера изучения программного кода для идентификации создавшего вирусное программное обеспечение хакера [6], тогда как остальные перспективные направления рассматриваются лишь на теоретическом уровне [7, с. 187; 8], а правоприменители используют замещающие подходы к решению возникающих проблем (например, в части идентификации исполнителя напечатанного текста, для чего можно исследовать клавиатурный почерк). Как показали результаты проведённого нами опроса, следователи проводят дополнительные допросы, назначают автороведческую экспертизу (хотя автор и исполнитель могут быть разными лицами) или презюмируют, что исполнителем является владелец компьютерного устройства⁷.

Считаем, что это связано с недостаточно развитым каналом взаимодействия криминалистической науки и практики, а также отсутствием апробированных методических рекомендаций, созданных на основе научных работ и адаптированных для простого воспроизведения практическим сотрудниками. Однако для того, чтобы подобные практико-ориентированные рекомендации были успешно имплементированы в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, они должны быть основаны на фундаментальных положениях науки, для чего, как было указано во введении настоящей работы, видится важным охарактеризовать место цифровых навыков и привычек в системе науки.

Оговоримся, что в общем виде криминалистика не оспаривает неотъемлемость навыков и привычек от человека, их значимость для идентификации, однако точное место учения о данных феноменах в системе науки на сегодняшний день до сих пор не определено, что несколько затрудняет разработку прикладных рекомендаций по их изучению и использованию информации о тех или иных навыковых свойствах в доказывании. Рассмотрим доминирующие позиции, которые сформированы на сегодняшний день по данному вопросу.

Р. С. Белкин ещё в начале века, когда шло становление учения о навыках и привычках, указывал на некоторое его обособление в каче-

стве частной криминалистической теории посредством выделения из теории идентификации [9, с. 15]. Данная точка зрения видится чрезмерно радикальной, ведь «любая частная теория, являясь подсистемой общей системы науки, отражает лишь определенную сторону общей теории науки, имея свой предмет, объект, цель, задачи. Когда эти элементы не определены, соответственно, можно считать несформированной и частную теорию в виде системного знания в определенной области» [10, с. 125]. Однако для учения о навыках и привычках видится весьма проблематичным формулирование упомянутых системных компонентов, которые отличались бы собственной спецификой и не составляли часть более крупных частей криминалистики.

Так, например, в первой системной работе, посвящённой данной теме, Г. А. Самойлов определял, что изучение навыков (тогда привычки отдельно ещё не выделялись) должно представляться в виде общей криминалистической теории навыков. Вместе с тем в качестве её основных положений автором рассматриваются только «понятие модели навыка и определяется её роль в индивидуализации навыка; раскрываются особенности процесса отображения и материальной фиксации навыков» [3, с. 5]. Несмотря на безусловно значимую работу, проведённую Г. А. Самойловым, по систематизации разрозненных знаний о навыках, комплексная система знаний, характерная для криминалистической теории, не выстроена; кроме того, автор ограничивает изыскания лишь материально фиксированными отображениями навыков, что полностью ограничивает теоретические положения рамками криминалистической техники – т. е. говорить об общем характере учения не представляется возможным.

Разделяемая большинством исследователей позиция обнаруживается у Е. И. Фойгель, которая считает целесообразным сегодня сформировать самостоятельное криминалистическое учение о человеке (в начале 2000-х Р. С. Белкин высказывал сомнения в необходимости этого, однако и не отрицал возможности появления такой потребности в будущем [9, с. 9]), куда должно войти и учение о навыках и привычках [11]. Аналогичной точки зрения придерживается Д. В. Исютин-Федотков, который в монографии по соответствующей теме, рассматривая структуру личности с позиций криминалистических исследований, выделяет три группы свойств (биологические, социальные и психо-

⁷ Из 62 опрошенных нами субъектов криминалистической деятельности, которые сталкивались с необходимостью определить исполнителя напечатанного текста, 53,2% проводят дополнительные допросы; 29,0% назначают автороведческую экспертизу; 32,3% обращаются к описанной презумпции (оставшиеся 12,2% затруднились с ответом на данный вопрос).

логические) и, в частности, к биологическим относит «функциональные: привычки и манеры поведения, навыки, почерк» и т. п., а к психологическим – подструктуру опыта: «навыки и привычки, приобретённые личным опытом, посредством обучения» [12, с. 22–23]. Из этого можно сделать вывод, что автор включает исследование навыков и привычек в более крупное учение о личности.

Однако необходимо отметить, что Д. В. Исютин-Федотков допускает некоторое смешение биологических и психологических свойств личности, что не соответствует правилам деления, одним из видов которого является классификация, а также осложняет определение предметности, поскольку традиционно биологические свойства личности изучаются криминалистической техникой, тогда как психологические – тактикой [13, с. 49]. Считаю более верной позицию Е. И. Фойгель, которая выделяет отдельно, помимо биологических, психологических и некоторых других уровней изучения человека в криминалистике, «культурный уровень, в рамках которого предлагается рассматривать результаты деятельности человека, отражающие биологические, психические и социальные его свойства. Прежде всего, это **навыки и привычки**. Основные задачи культурного уровня – выявление и использование идентификационных и диагностических возможностей исследования навыков и привычек человека в сфере уголовного судопроизводства» [11, с. 217] (выделено нами. – А. С.). Близкие по своей сути идеи обнаруживаются и в работах других авторов [14, с. 345; 15, с. 25; 16, с. 97, 132].

В свою очередь, В. Н. Чулахов, развивая идеи Г. А. Самойлова, защищал позицию, согласно которой «криминалистическое учение о навыках и привычках человека следует относить по степени общности к теоретическим концепциям не частного, а общего уровня» [2, с. 74], однако в более поздние исследовательские периоды стал говорить о целесообразности его выделения в самостоятельную отрасль в рамках раздела криминалистической техники [17, с. 33]. Последняя позиция представляется нам более обоснованной и взвешенной.

Таким образом, сегодня наиболее проработаны две точки зрения: учение о навыках и привычках является составной частью криминалистического учения о личности либо выступает в

качестве отрасли криминалистической техники. Считаю необходимым подробнее рассмотреть возможные аргументы за каждую позицию.

Эмпирический анализ

С позиции отнесения учения о навыках и привычках к учению о человеке, заслуживающему место среди частных теорий общей теории криминалистики, необходимо подчеркнуть, что навыки и привычки являются неотъемлемыми от человека (деятельность которого прямо входит в объект криминалистики), проявляются во всех сферах его жизнедеятельности, носят интегральный характер и должны учитываться при разработке любых криминалистических рекомендаций. Вот как это описывает В. Н. Чулахов: «...навыки и привычки изучаются как объекты, отражаемые материально и идеально, вносящие определенные изменения в окружающую обстановку и оставляющие опосредованную информацию об обладателе и его действиях в следах на месте преступления. <...> Навыки и привычки изучаются как свойства личности, позволяющие использовать их в тактике и методике расследования преступлений» [2, с. 65]. Мы в полной мере разделяем данную позицию и считаем, что изучение любого компонента личности, оставленного человеком следа не может производиться абстрактно, отвлечённо, изолированно, но должно при любых обстоятельствах восприниматься сквозь призму конкретной следственной ситуации, реализуемого тактического комплекса, специфики расследуемого события, в связи с чем научные работы также должны охватывать технические, тактические, методические и экспертные аспекты проявления конкретного навыка человека.

В части цифровых навыков и привычек можно говорить о том, что криминалистическую тактику будут интересовать вопросы предъявления сведений о них в качестве доказательств в процессе вербальных следственных действий; производства следственного эксперимента с целью выяснить, например, могло ли конкретное лицо напечатать тот или иной текст так, чтобы проявились конкретные признаки клавиатурного почерка. В рамках криминалистической методики перспективным представляется использование знания о цифровых навыках и привычках в качестве составного элемента

криминалистических характеристик (в части описания признаков личности преступника) и включение их в рекомендации по раскрытию и расследованию компьютерных преступлений.

Однако статус самого учения о человеке на сегодняшний день не является стабильным. Не обозначены с достаточной научной строгостью его предметное поле и методологическая основа, что ограничивает возможности по практико-ориентированным научно обоснованным разработкам отдельных тем в его пределах.

В пользу же позиционирования учения о навыках и привычках внутри криминалистической техники свидетельствуют следующие обстоятельства.

Во-первых, несмотря на интегральный характер рассматриваемых феноменов их исследование, главным образом, сосредоточивается на работе с материальными следами-отображениями, что традиционно располагается в предметной области криминалистической техники. Это особенно характерно для цифровых навыков и привычек, которые не могут быть выявлены вне взаимодействия с электронными носителями информации.

В данном случае наглядной будет следующая аналогия: исследование следов пальцев рук человека сохраняет своё место в рамках криминалистической техники, несмотря на то, что в работах по дактилоскопии нередко указываются тактические рекомендации по изъятию данного вида следов при проведении различных следственных действий [18, с. 74–81]. В рамках методических рекомендаций по расследованию отдельных групп и видов преступлений рассматриваются вопросы перспективных мест, где могут быть обнаружены следы пальцев рук преступника, а также указываются составы, при расследовании которых, в принципе, обнаружение, сбор и исследование данных следов является необходимым [19, с. 143, 148]. Однако перечисленные обстоятельства не привели к восприятию практикой и широким научным сообществом идей отдельных исследователей, считающих, что необходимо сформировать самостоятельную частную криминалистическую теорию, посвящённую работе со следами пальцев рук человека, либо выделить дактилоскопию в раздел криминалистики [20, с. 12].

Во-вторых, рассмотрение навыков и привычек (в том числе цифровых) в рамках

криминалистической техники позволяет сосредоточиться на разработке технических средств выявления, фиксации и последующей обработки полученных данных. Для этого уже существует разработанная методологическая основа криминалистической техники.

Таким образом, с учётом неокончательной сформированности учения о человеке сегодня пока надлежит рассматривать навыки и привычки в рамках криминалистической техники.

Вместе с тем в настоящее время весьма распространённым становится стремление учёных предложить новую частную криминалистическую теорию [21, с. 194], поэтому не исключено, что статус криминалистического учения о навыках и привычках человека будет со временем меняться. Однако, даже принимая во внимание такую динамичность, исторически характерную для системы криминалистики [22, с. 217–218; 23–24], место учения о цифровых навыках и привычках целесообразно определить внутри криминалистического учения о навыках и привычках, вне зависимости от того, существует оно в рамках общей теории криминалистики либо раздела криминалистической техники, полностью самостоятельно либо является составной частью учения о человеке, так как в любом случае сохраняется неразрывная связь данного учения с иными разделами науки, поскольку все они «взаимосвязаны и взаимообусловлены» [25, с. 33], что напрямую проистекает из системного устройства криминалистики.

Отметим также, что цифровые привычки и навыки за рамками общих положений, которые коррелируют с учением о навыках и привычках, в своей специфике должны рассматриваться в цифровой криминалистике, равно как, например, навык письма располагается в криминалистическом почерковедении. По аспектам конкретных исследований дискуссия отсутствует, поэтому данный вопрос в настоящей работе не освещался.

Результаты

Подводя итог всему сказанному выше и возвращаясь к поднятому в начале работы вопросу, можно сделать вывод, что различные аспекты, связанные с цифровыми навыками и привычками, сегодня должны повсеместно изучаться в рамках дисциплин криминалистического

цикла (общей криминалистики или отдельных специальных курсов), поскольку каждый будущий следователь должен знать, какие именно навыки и привычки в какой сфере цифровой активности пользователя могут проявиться; как и откуда получить максимально точные и полные сведения о них; как информация о них может приобрести доказательственное значение; в отношении каких цифровых навыков и привычек необходимо назначать судебную экспертизу, какой квалификацией при этом должен обладать эксперт и какие вопросы надлежит ставить ему для разрешения; в рамках каких следственных действий можно получить или проверить информацию о цифровых навыках и привычках лица; для каких преступлений и на каких стадиях реализации способа возможно их появление в качестве следовой информации и т. д.

Всё это приобретает ещё большую актуальность в связи с тем, что информационные технологии могут применяться при совершении не только преступлений, размещённых законодателем в отдельной 28-й главе Уголовного кодекса Российской Федерации (Преступления в сфере компьютерной информации), но и любых иных, даже при отсутствии соответствующего квалифицирующего признака (с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)), а также использоваться для подготовки или последующего сокрытия общественно-опасного деяния.

В свою очередь, чёткое определение места цифровых навыков и привычек в системе науки и устоявшихся в ней учений позволяет избежать дублирования информации и искусственного увеличения объёма практико-ориентированных рекомендаций (что весьма нежелательно для них, так как при высокой служебной нагрузке субъекты криминалистической деятельности не способны уделять значительное внимание и время изучению объёмных методических рекомендаций) и, описывая основные положения по данному феномену в разделе криминалистической техники, затем уделять внимание лишь специфике, характерной для иных структурных компонентов науки. Однако такое ограничение исследований навыков и привычек разделом криминалистической техники видится опти-

мальным до тех пор, пока не будет сформировано учение о человеке, которое должно, по нашему мнению, расположиться среди частных теорий общей теории криминалистики. Это связано с тем, что навыки и привычки – неотъемлемая характеристика человека, обособление теоретических построений по вопросам отдельных свойств личности от учения о навыках и привычках и, более того, их позиционирование в разных разделах науки будет приводить к необоснованному дублированию и неоптимальной организации науки.

Список литературы

1. Крюкова Е. С. Закономерности объективной действительности, изучаемые криминалистикой, и особенности использования сведений о них в расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 250 с.
2. Чулахов В. Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 371 с.
3. Самойлов Г. А. Основы криминалистического учения о навыках : учеб. пособие / под ред. Р. С. Белкина. М. : [б.и.], 1968. 120 с.
4. Цветкова А. Д. Цифровые привычки и навыки: система признаков и их криминалистическое значение // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № S9 (121). С. 83–90. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.121.9s.083-090>, EDN: INRERM
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
6. Tanriverdi H. Was der Code russischer Elite-Hacker verrät // Süddeutsche Zeitung. 2017, 15 February. URL: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/it-sicherheit-was-der-code-russischer-elite-hacker-verraet-1.3379915> (дата обращения: 01.07.2025).
7. Хмыз А. И. Получение розыскной информации в ходе исследования электронных документов и их материальных отображений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–4 (62). С. 184–189. EDN: UZENED
8. Галяшина Е. И. Семиотика эмодиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2 (90). С. 41–48. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.90.2.041-048>, EDN: PCFFYR
9. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие : в 3 т. 3-е изд., доп. М. : Юнити, 2001. Т. 2. 314 с.
10. Светличный А. А. Соотношение понятий «частная криминалистическая теория» и «криминалисти-

- ческое учение»: терминологические аспекты // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 120–128. <https://doi.org/10.24412/2071-6184-2023-2-120-128>
11. Фойгель Е. И. Современный структурно-методологический подход к криминалистическому учению о человеке // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3, № 3 (8). С. 212–218. EDN: ZDMENR
 12. Исютин-Федотков Д. В. Основы криминалистического изучения личности. М. : Проспект, 2018. 288 с.
 13. Фойгель Е. И. Основной положения криминалистического учения о человеке и человеческой деятельности // Академический юридический журнал. 2016. № 2 (64). С. 49–53. EDN: WHQJWX
 14. Дяблова Ю. Л. Структура личности в криминалистике // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXI междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 26–27 мая 2016 г.) : в 2 т. Иркутск : Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2016. Т. 1. С. 340–345.
 15. Малыгина Н. И. Система криминалистического учения об участниках криминального события // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 2 (6). С. 22–26. EDN: WMDUOX
 16. Поврезнюк Г. И. Теория и практика криминалистического установления личности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 433 с.
 17. Чулахов В. Н. О системе криминалистической техники как раздела криминалистики // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 31–37. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2020-2-208-31-37>, EDN: VNBMYM
 18. Морозова А. Л. Криминалистическое исследование потожировых следов рук человека с целью установления их давности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 120 с.
 19. Криминалистика : в 3 ч. Ч. 3 : учебник для вузов / отв. ред. Л. Я. Драпкин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 392 с. (Высшее образование).
 20. Пономарев В. В. Методические и организационные основы исследования папиллярных узоров при их фрагментарном отображении в следах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.
 21. Малыгина Н. И. Криминалистические учения и теории: проблемы формирования и определения места в системе криминалистики // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 193–199. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-2-193-199>, EDN: TQHEMZ
 22. Можяева И. П. Развитие представлений о системе криминалистики // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 217–220. EDN: OXDSPV
 23. Головин А. Ю. Историко-правовые аспекты развития системы криминалистики // Юристы-Правоведы. 2002. № 2 (5). С. 76–78. EDN: XROQWD
 24. Терзиев Н. В. К вопросу о системе науки советской криминалистики // Правоведение. 1961. № 2. С. 152–156.
 25. Головин А. Ю. Система криминалистики: вопросы теории // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 15–16 марта 2019 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2019. С. 32–37. EDN: IFQWUT

References

1. Kryukova E. S. *Patterns of objective reality studied by forensic science and features of using information about them in crime investigation*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2020. 250 p. (in Russian).
2. Chulakhov V. N. *Forensic science doctrine of human skills and habits*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2005. 371 p. (in Russian).
3. Samoilov G. A. *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o navykakh* [Fundamentals of forensic science teaching on skills]. Moscow, 1968. 120 p. (in Russian).
4. Tsvetkova A. D. Digital habits and skills: A system of signs and their forensic significance. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. S9 (121), pp. 83–90 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.121.9s.083-090>, EDN: INRERM
5. Gross H. *Handbuch Fur Untersuchungsrichter ALS System Der Kriminalistik*. Teil 2. Hardcover, De Gruyter, 1914. 578 p. (Russ. ed.: Moscow, LeksEst, 2002. 1088 p.).
6. Tanriverdi H. Was der Code russischer Elite-Hacker verrät. *Süddeutsche Zeitung*. 2017, 15 February. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/it-sicherheit-was-der-code-russischer-elite-hacker-verraet-1.3379915> (accessed July 1, 2025).
7. Khmyz A. I. Getting detection information as a part of the study of electronic documents and their material mappings. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study Art. Issues of the Theory and Practice*, 2015, no. 12–4 (62), pp. 184–189 (in Russian). EDN: UZENED
8. Galyashina E. I. The semiotics of emoticons and animated pictures in the aspect of forensic linguistic expertise. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 2 (90), pp. 41–48 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.90.2.041-048>, EDN: PCFFYR
9. Belkin R. S. *Course of criminalistics*. Moscow, Yuniti, 2001. Vol. 2. 314 p. (in Russian).
10. Svetlichny A. A. Relationship of the concepts “particular criminalistic theory” and “criminalistic doctrine”: Terminological aspects. *Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2023, no. 2, pp. 120–128 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-6184-2023-2-120-128>
11. Foygel E. I. Modern structural and methodological approach to the criminalistic doctrine about person.

- Russian Journal of Legal Studies (Moscow)*, 2016, vol. 3, no. 3 (8), pp. 212–218 (in Russian). EDN: ZDMENR
12. Isutin-Fedotkov D. V. *Osnovy kriminalisticheskogo izucheniya lichnosti* [Fundamentals of forensic study of personality]. Moscow, Prospekt, 2018. 288 p. (in Russian).
 13. Foygel E. I. Basic provisions of the forensic doctrine on man and human activity. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* [Academic Law Journal], 2016, no. 2 (64), pp. 49–53 (in Russian). EDN: WHQJWX
 14. Dyablova Yu. L. Personality structure in forensic science. *Deiatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviakh* [Activities of Law Enforcement Agencies in Modern Conditions: Proceedings of the XXI International scientific and practical conference (Irkutsk, May 26–27, 2016)]. Irkutsk, 2016, vol. 1, pp. 340–345 (in Russian).
 15. Malykhina N. I. System of the criminological study on the actors of a crime. *Criminal Procedure, Criminalistics and Judicial Examination Problems*, 2015, no. 2 (6), pp. 22–26 (in Russian). EDN: WMDUOX
 16. Povreznyuk G. I. *Theory and practice of forensic identification*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2005. 433 p. (in Russian).
 17. Chulakhov V. N. On the system of forensic technology as a section of forensic science. *The Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 2, pp. 31–37 (in Russian). <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2020-2-208-31-37>, EDN: VHBM YM
 18. Morozova A. L. *Forensic Study of Human Sweat and Fat Traces of Hands in Order to Establish Their Age*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2000. 120 p. (in Russian).
 19. *Kriminalistika. Chast' 3* [Drapkin L. Ya. (ed.) Forensic Science. Pt. 3. 2nd ed., rev. and enl.]. Moscow, Yurait, 2020. 392 p. (in Russian).
 20. Ponomarev V. V. *Methodological and organizational foundations of the study of papillary patterns with their fragmentary display in traces*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2009. 28 c. (in Russian).
 21. Malykhina N. I. Forensic doctrines and theories: Problems of formation and determination of place in the system of forensic science. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2021, no. 2, pp. 193–199 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-2-193-199>, EDN: TQHEMZ
 22. Mozhaeva I. P. Trends in the development of criminalistics. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2012, no. 2, pp. 217–220 (in Russian). EDN: OXDSPV
 23. Golovin A. Yu. Historical and legal aspects of the development of the forensic science system. *Jurist-Pravoved*, 2002, no. 2 (5), pp. 76–78 (in Russian). EDN: XROQWD
 24. Terziev N. V. On the issue of the system of Soviet forensic science. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1961, no. 2, pp. 152–156 (in Russian).
 25. Golovin A. Yu. The system of forensic science: Theoretical issues. *Aktual'nye problemy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy* [Actual Problems of Forensic Science and Forensic Examination: Proceedings of the International scientific and practical conference (Irkutsk, March 15–16, 2019)]. Irkutsk, 2019, pp. 32–37 (in Russian). EDN: IFQWUT

Поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 17.11.2025
The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 17.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 79–88
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 79–88
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-79-88>, EDN: RQSOFF

Научная статья
УДК 342.5

Роль экспертных органов в осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере рекламы (на примере обеспечения единых принципов и ценностей патриотизма и служения Отечеству)

М. Д. Борисова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Борисова Мария Дмитриевна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, mariya_official777@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0184-7831>, AuthorID: 1176596

Аннотация. Введение. Любовь к Родине и защита Отечества исторически находятся у истоков формирования и развития российской государственности. Данные коренные традиционные устои были сформированы в том числе в процессе защиты государства от внешних угроз и в условиях обороны своих исторических территорий. В то же время нормативно-правовое регулирование рассматриваемых общественных отношений, в частности в сфере рекламы, нуждается в совершенствовании с учетом заданной Конституцией Российской Федерации патриотической траектории. **Теоретический анализ.** Анализ научной литературы, посвященной вопросам правовой природы рекламы, и основ законодательного регулирования в данной области позволяет сделать вывод, что реклама формирует у потребителей определенное мнение относительно объекта рекламирования, основанное на личном самостоятельном восприятии содержащейся в ней информации. В этой связи при рассмотрении дел о нарушении законодательства о рекламе используются в числе прочего оценочные категории, что требует активного вовлечения в данный процесс экспертных органов. **Эмпирический анализ.** Исследована практика применения антимонопольными органами за период с 2017 по 2025 г. отдельных положений Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» и выявлены случаи пресечения нарушений законодательства Российской Федерации о рекламе, подрывающих устои института армии и авторитет вооруженных сил и дискредитирующих российские законы. **Результаты.** Сформулированы обоснованные предложения по наполнению законодательства о рекламе новеллами, связанными с необходимостью обеспечения развития патриотических ценностей в Российской Федерации. В этой связи обоснована необходимость осуществления определенных нормативных корректировок в отношении порядка формирования экспертных советов антимонопольных органов.

Ключевые слова: патриотизм, защита Отечества, государственная национальная политика, национальная безопасность, реклама, экспертный совет

Для цитирования: Борисова М. Д. Роль экспертных органов в осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере рекламы (на примере обеспечения единых принципов и ценностей патриотизма и служения Отечеству) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 79–88. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-79-88>, EDN: RQSOFF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of expert bodies in the implementation of state control (supervision) in the field of advertising (the case study of ensuring uniform principles and values of patriotism and service to the Fatherland)

M. D. Borisova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria D. Borisova, mariya_official777@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0184-7831>, AuthorID: 1176596

Abstract. Introduction. Love for the Motherland and defense of the Fatherland have historically been at the origins of the formation and development of the Russian statehood. These fundamental principles were formed, among other things, through the process of protecting the state from external threats and defending its historical territories. At the same time, the legal framework governing these social relations, particularly in the field of advertising, requires improvement, taking into account the positive trend established by the Constitution of the Russian Federation. **Theoretical analysis.** The analysis of scientific literature on specific advertising issues and Russian Federation advertising legislation (hereinafter referred to as advertising legislation) suggests that advertising shapes a general public's opinion regarding the

advertised object, based on each individual's personal independent perception of the information in the advertisement. Therefore, when considering cases of advertising law violations, evaluative categories are used, among other things, and expert panels are held. **Empirical analysis.** This study examined the application of Federal Law No. FZ-38 "On Advertising" by antitrust authorities from 13 March 2006 to 2025, identifying instances of suppressing violations of Russian advertising legislation that undermine the institution of the army and the authority of the armed forces, thereby discrediting the law. **Results.** Reasonable proposals have been formulated to amend advertising legislation with provisions that relate to the need to ensure proper patriotism in the Russian Federation. In this regard, the need for certain adjustments to the procedure for forming expert councils of antimonopoly authorities has been substantiated. This is aimed at improving the legal regulation of the implementation of the state national policy of the Russian Federation, consistent with the unified principles and values of the Russian state.

Keywords: patriotism, defense of the Fatherland, state national policy, national safety, advertising, expert council

For citation: Borisova M. D. The role of expert bodies in the implementation of state control (supervision) in the field of advertising (the case study of ensuring uniform principles and values of patriotism and service to the Fatherland). *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 79–88 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-79-88>, EDN: RQSOFF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Патриотизм и служение Отечеству являются едиными принципами и ценностями Российского государства, воплощающего собой уникальное единение народов, их культурного многообразия и духовной общности¹. Правовое обеспечение неукоснительного соблюдения данных основополагающих начал государственной национальной политики Российской Федерации должно стать основой укрепления единства многонационального народа России.

В преамбуле Конституции Российской Федерации (далее – Конституция)² выражена воля народа в отношении сохранения исторически сложившегося государственного единства, уважения к памяти предков, передавших нам любовь к Отечеству, осознания ответственности за свою Родину [1, с. 68]. Таким образом, исторический контекст подготовки и принятия Конституции во многом обусловил ценностные ориентиры развития государства. В частности, защита Отечества определена ст. 59 Конституции в качестве долга и обязанности граждан Российской Федерации [2, с. 113].

Данный подход не является новым для Российского государства. Развитие отечественной государственности традиционно основывается на учете исторического и культурного наследия. Так, известный русский философ И. А. Ильин утверждал, что люди связуются в единую на-

цию и создают единую Родину именно в силу подобия их духовного уклада, а этот духовный уклад вырабатывается постепенно, исторически из эмпирической данности – внутренней, скрытой в самом человеке (раса, кровь, темперамент, душевные способности и способности), и внешней (природа, климат, соседи). В результате возникает единый национально-духовный уклад, который и связует людей в патриотическое единство. Духовное единство народа вырабатывается исторически, в борьбе с природой, в создании единой духовной культуры и в самообороне от вторгающихся нарушителей [3, с. 189, 195].

Приведенная точка зрения И. А. Ильина представляется убедительной и заслуживающей внимания. При этом, думается, особое значение для обеспечения становления и развития российской государственности на основе учета многовекового историко-культурного опыта, преемственности исторических традиций народов России и в конечном счете обеспечения национальной безопасности Российской Федерации имеет формально определенное закрепление в нормативных правовых актах необходимости соблюдения данных принципов, а также правовых механизмов их реализации и защиты.

Правовые нормы должны быть обязательно объективированы, выражены вовне, содержаться в тех или иных формах, которые являются способом их существования, формами жизни. Без этого нормы права не смогут выполнить свои задачи по регулированию общественных отношений [4, с. 139]. Соответственно, формы права представляют собой выражение вовне установленных государством юридических правил поведения. Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7477.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2025).

отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»³ Конституция была дополнена нормами, составляющими основу конституционного патриотизма.

Комиссия, занимавшаяся разработкой поправок, осуществила в том числе сбор категорий, сформировавших сущность «российской патриотической идеи», и подготовила на их основе конституционные поправки [5, с. 35]. Таким образом, ключевые шаги в намеченном направлении были сделаны. В Конституции заложены векторы правового обеспечения национальной безопасности государства на основе преемственности поколений, сохранения исторической правды, почитания подвига защитников Отечества, воспитания будущих поколений в духе любви к Родине.

Для уяснения формально-определенных понятий «патриотизм» и «Отечество» [6] следует обратиться к Модельному закону «О патриотическом воспитании», принятому на 42-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ (далее – Модельный закон)⁴, согласно которому патриотизм – это любовь к Родине, своему народу, стремление своими действиями служить их интересам, защищать от врагов; Отечество – родная для человека, социальной или национальной общности людей страна, принадлежность к которой они воспринимают как необходимое условие своего благополучия. Отметим, что Модельный закон рекомендован для использования в национальном законодательстве государств-участников Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ.

Следует также в качестве примера привести мнение профессора Е. В. Бердниковой, которая, говоря о патриотизме с доктринальных позиций, резюмирует, что данная духовно-нравственная ценность характеризует внутреннее эмоциональное состояние индивида – любовь к Родине как неполитической, внеинституциональной проекции понимания государства [7, с. 73].

³ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

⁴ О модельном законе «О патриотическом воспитании» : постановление № 42-6 Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ (принято в г. Санкт-Петербурге 16.04.2015) // Информационный бюллетень. Межпарламентская ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2015. № 63 (ч. 2).

В настоящей работе рассмотрим отдельные аспекты взаимосвязи рекламы и обеспечения проведения государственной политики Российской Федерации, отвечающей вышеуказанным базовым коренным устоям.

Теоретический анализ

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. 31.07.2025) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)⁵ (далее – Закон о рекламе), реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

В научной литературе выделяют такие цели рекламы [8, 9], как формирование или поддержание интереса к физическому, юридическому лицу, товарам, идеям и начинаниям и способствование реализации товаров, идей и начинаний [10, с. 91], информирование потребителей и формирование у них реалистичных ожиданий [11], демонстрация отличительных свойств товаров и информирование потребителей о работах и услугах [12], продвижение товаров на рынке, выделение товаров отдельных хозяйствующих субъектов из ряда однородных товаров, ведение конкурентной борьбы [13, с. 290].

На наш взгляд, все перечисленные цели рекламы являются возможными и допустимыми. При этом анализ данных целей и легального определения рекламы позволяет сделать вывод, что реклама в любом случае формирует у неограниченного контингента определенное мнение относительно объекта рекламирования, а также указанное мнение формируется таким образом, чтобы побудить потребителя к вступлению в правоотношение на основе возникшего (возросшего) интереса [14].

Целями законодательства Российской Федерации о рекламе (далее – законодательство о рекламе) в числе прочего являются обеспечение реализации права потребителей на получение добросовестной и достоверной рекламы,

⁵ О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12, ст. 1232.

предупреждение нарушения законодательства о рекламе, а также пресечение фактов ненадлежащей рекламы.

Для обеспечения достижения рассматриваемых целей законодательством о рекламе установлены общие требования к рекламе. В частности, но не ограничиваясь, реклама должна быть добросовестной и достоверной. Кроме того, она не должна побуждать к совершению противоправных действий. Не допускается реклама, искажающая смысл информации и вводящая в заблуждение потребителей рекламы.

Закон о рекламе не содержит легальных определений добросовестной и достоверной рекламы, а также рекламы, искажающей смысл информации и вводящей в заблуждение. Содержание данных понятий раскрывается через закрепление отдельных форм недостоверной рекламы, недобросовестной рекламы, а также указание на то, что рекламой, вводящей потребителей в заблуждение, является реклама, в которой отсутствует часть существенной информации и при этом искажается смысл информации и вводятся в заблуждение потребители рекламы.

При этом подлежит учету правовая позиция высшей судебной инстанции⁶, согласно которой оценка рекламы должна осуществляться с позиции обычного потребителя. Аналогичной правовой позиции придерживается ФАС России⁷.

С учетом изложенного при рассмотрении дел, возбужденных по признакам нарушения законодательства о рекламе и при разрешении вопроса о соответствии рекламы законодательству Российской Федерации (далее – законодательство), в определенной степени используются оценочные категории.

Оценка рекламы осуществляется каждым человеком в отдельности на основе собственных убеждений, взглядов, чувств, волнений, выражающих отношение потребителя к той или иной информации, содержащейся в рекламе.

Особенно отчетливо это проявляется при рассмотрении дел по признакам нарушений, содержащихся в рекламе, затрагивающей информацию об институтах армии и вооруженных сил.

⁶ О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.2012 № 58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении руководств по соблюдению обязательных требований в сфере рекламы: приказ ФАС России от 28.12.2023 № 1079/23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В этой связи для обеспечения всестороннего полного и объективного выяснения всех обстоятельств соответствующего дела, в частности для осуществления оценки воздействия рекламы на потребителей, оценки содержания рекламы и принятия решений о соответствии рекламы законодательству, антимонопольный орган, принимая все предусмотренные законодательством меры, в числе прочего использует результаты деятельности консультативно-совещательных органов.

Целью настоящей работы является выявление и анализ некоторых проблемных вопросов деятельности консультативно-совещательных органов при разрешении вопроса о соответствии рекламы законодательству на примере рекламы, содержащей информацию об институтах армии и вооруженных сил, а также формирование предложений по их разрешению.

Задачами настоящей работы являются:

1) анализ законодательства и правоприменительной практики в сфере осуществления государственной национальной политики Российской Федерации и законодательства о рекламе;

2) выявление некоторых проблемных вопросов осуществления деятельности консультативно-совещательных органов при разрешении вопроса о соответствии рекламы законодательству на примере рекламы, содержащей информацию об институтах армии и вооруженных сил;

3) поиск решения обозначенных в настоящей работе проблем.

Эмпирический анализ

Анализ практики применения антимонопольными органами Закона о рекламе в период с 2017 по 2025 г. выявил случаи пресечения нарушений законодательства о рекламе, подрывающих устои института армии и авторитет вооруженных сил, дискредитирующих закон⁸.

⁸ Решение от 22.03.2017 Саратовского УФАС России по делу № 16-16р о нарушении законодательства о рекламе. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/saratovskoe-ufas-rossii/16-16r/> (дата обращения: 18.09.2025); Решение от 18.10.2023 Омского УФАС России по делу № 055/05/5-1010/2023 о нарушении законодательства о рекламе. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/omskoe-ufas-rossii/3f5f826c-c497-4b7d-b99d-fdf3be6085cd/?query=055/05/5-1010/2023> (дата обращения: 28.09.2025); Решение от 16.09.2025 Омского УФАС России по делу по делу № 055/05/5-993/2025 о нарушении законодательства о рекламе. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/omskoe-ufas-rossii/417f981d-d95d-4cc7-a5d2-60d5c40311fe/> (дата обращения: 28.09.2025).

Обратимся к конкретному делу, рассмотренному Управлением Федеральной антимонопольной службы по Саратовской области (далее – Саратовское УФАС России).

Решением от 22.03.2017 Саратовского УФАС России о нарушении законодательства о рекламе по делу № 16-16р (далее соответственно – Решение, дело) реклама следующего содержания: «Пришла повестка в армию? Звони, и мы поможем тебе законно получить военный билет. 20-55-20. Единая служба помощи призывникам», а также реклама «Вашего сына призывают в армию? Уже вручили повестку на отправку в войска? Выход есть! Решение о призыве можно отменить. Запишитесь прямо сейчас на бесплатную консультацию юриста. Телефон: 20-55-20. Единая служба помощи призывникам armyhelp.ru» признаны ненадлежащими.

В целях всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела антимонопольным органом было проведено заседание Экспертного совета Саратовского УФАС России по применению законодательства о рекламе (далее – Экспертный совет Саратовского УФАС России).

По смыслу п. 6.7 Положения о Федеральной антимонопольной службе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 № 331⁹ и п. 7.23 Положения о территориальном органе Федеральной антимонопольной службы, утвержденного приказом ФАС России от 23.07.2015 № 649/15¹⁰, Федеральная антимонопольная служба и ее территориальные органы в целях реализации полномочий в установленной сфере деятельности имеют право создавать совещательные и экспертные органы в установленной сфере деятельности.

Как следует из взаимосвязанных п. 1.1 и 1.3 Положения об Экспертном совете по вопросам законодательства о рекламе при Федеральной антимонопольной службе, утвержденного приказом ФАС России от 15.11.2023 № 834/23 (далее соответственно – Положение об Экспертном совете, Экспертный совет)¹¹, Экспертный со-

вет образуется в целях рассмотрения вопросов, связанных с применением законодательства о рекламе, антимонопольного законодательства в сфере рекламы, а также выработки предложений по совершенствованию правового регулирования в данных сферах. Экспертный совет представляет собой консультативно-совещательный орган при Федеральной антимонопольной службе, решения которого имеют рекомендательный характер и подлежат оценке антимонопольным органом, в том числе при принятии решений по делам о нарушении законодательства о рекламе.

Стоит отметить, что экспертные советы при территориальных органах ФАС России создаются и действуют на основании положений об экспертных советах, утвержденных соответствующими территориальными органами и, как правило, содержащих аналогичные положения.

Так, приказом Саратовского УФАС России от 15.11.2022 № 147¹² утверждено положение об Экспертном совете Саратовского УФАС России.

Предметом рассмотрения заседания Экспертного совета Саратовского УФАС России явились рекламные ролики ООО «Служба помощи призывникам», содержащие признаки нарушения ч. 7 ст. 5 и п. 1 ч. 4 ст. 5 Закона о рекламе.

Члены Экспертного совета территориального органа ФАС России согласились во мнении, что у потребителей рассматриваемой рекламы на подсознательном уровне появляется представление: «если не хочешь идти в армию, то приходи в Единую службу помощи призывникам и тебе в этом помогут», а также появляется убеждение о возможности легального освобождения от военной службы.

Отдельно Экспертным советом Саратовского УФАС России было указано на содержание в рекламе утверждения о гарантированности отмены решения призывной комиссии, в то время как такое решение может быть отменено только в судебном порядке. Об этом сведения отсутствовали.

Наряду с этим консультативно-совещательным органом Саратовского УФАС России методом фокус-групп было проведено исследование со студентами Саратовского государ-

⁹ Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе : постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3259.

¹⁰ Об утверждении Положения о территориальном органе Федеральной антимонопольной службы : приказ ФАС России от 23.07.2015 № 649/15. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2025).

¹¹ Об утверждении Положения об Экспертном совете по вопросам законодательства о рекламе при Федеральной антимонопольной службе : приказ ФАС России от 15.11.2023 № 834/23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Об утверждении Положения об Экспертном совете по применению законодательства о рекламе и защите от недобросовестной конкуренции при Управлении Федеральной антимонопольной службы по Саратовской области : приказ Саратовского УФАС России от 15.11.2022 № 147. URL: <https://saratov.fas.gov.ru/page/17589> (дата обращения: 21.09.2025).

ственного технического университета имени Гагарина Ю. А. в возрасте от 19 до 22 лет, перед которыми ставились вопросы о правомерности рекламной информации.

Участники исследования консолидированно высказались о наличии в рекламе «обещания, которое могут не выполнить». Кроме того, респондентами однозначно сформулирован вывод, согласно которому рассматриваемая реклама подрывает устои института армии и авторитет вооруженных сил, дискредитирует закон.

С учетом всех обстоятельств дела, а также результатов деятельности консультативно-совещательного органа Саратовского УФАС России Комиссия Саратовского УФАС России по рассмотрению дел по признакам нарушения законодательства о рекламе установила, что реклама содержит не соответствующие действительности сведения, поскольку в соответствии со ст. 31 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 04.11.2025) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2025) (в редакции, действовавшей на момент совершения рассматриваемого нарушения) (далее – Закон о воинской обязанности)¹³ граждане, подлежащие призыву на военную службу, обязаны получать повестки военного комиссариата под расписку, а также обязаны явиться в указанные в повестке военного комиссариата время и место. Таким образом, антимонопольным органом было установлено, что рассматриваемая реклама вводит потребителей в заблуждение в отношении способа получения повестки. Кроме того, указанная реклама вводит в заблуждение потребителей, ввиду того, что выдача военного билета до прохождения военной службы возможна только при наличии предусмотренных Законом о воинской обязанности оснований. Также в Решении отмечено, что оформление и выдача военного билета отнесены к исключительной компетенции военного комиссариата. Соответственно, участие каких-либо юридических лиц в данной процедуре не предусмотрено законодательством.

Кроме того, в Решении сделан обоснованный вывод о побуждении гражданина к совершению противоправных действий посредством

данной рекламы, в частности – к неявке по повестке в военный комиссариат, уклонению от призыва на военную службу, получению военного билета с нарушением установленного законом порядка.

При рассмотрении дела антимонопольным органом также установлено, что данная реклама не содержит существенной информации о рекламируемой услуге, что вводит в заблуждение потребителей, поскольку искажает смысл информации. Так, реклама не содержит информации о том, какая услуга предоставляется, кто является исполнителем услуги, каким образом планируется оказание «помощи» в получении военного билета. При этом реклама содержит предварительный прогноз и гарантирует положительное разрешение вопроса обратившегося лица. В то же время, как следует из Закона о воинской обязанности, решение относительно законности призыва объективно и независимо принимается в судебном порядке или призывной комиссией субъекта Российской Федерации.

ООО «Служба помощи призывникам» было признано нарушившим ч. 7 ст. 5 и п. 1 ч. 4 ст. 5 Закона о рекламе, и ему было выдано обязательное для исполнения предписание о прекращении нарушения законодательства о рекламе. Кроме того, компания и ее руководство были привлечены к административной ответственности. В отношении указанных лиц были вынесены постановления о назначении административных наказаний, предусмотренных ст. 14.3 Кодекса Российской Федерации о административных правонарушениях¹⁴.

Данное дело было рассмотрено антимонопольным органом в 2017 г., однако сохраняет свою актуальность и в настоящее время. На сегодняшний день подобные нарушения Закона о рекламе ощущаются особо остро.

В текущих условиях подрыв института защиты Отечества и умаление выполнения конституционного долга и обязанности гражданина Российской Федерации – службы в рядах российской армии – представляются особо болезненным, противоправным, общественно опасным деянием, причиняющим вред интересам государства, общества и граждан. На наш взгляд, пресечение подобных правонарушений

¹³ О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. 04.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13, ст. 1475.

¹⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 07.01.2002. № 1 (ч. I), ст. 1.

должно стать одной из первоочередных и приоритетных задач антимонопольных органов.

В этом контексте представляется обоснованным и заслуживающим внимания вывод комиссии Управления Федеральной антимонопольной службы по Омской области (далее – Омское УФАС России), сформулированный в решении от 18.10.2023 о нарушении законодательства Российской Федерации о рекламе по делу № 055/05/5-1010/2023 (далее – Решение Омского УФАС России)¹⁵, согласно которому с учетом того, что в настоящее время Российская Федерация находится в эпицентре радикальных геополитических и региональных изменений экономического, социально-политического и военного характера, реклама общества с ограниченной ответственностью (далее – Общество) противоречит общественным интересам, принципам морали, подрывает усилия, направленные на патриотическое воспитание граждан Российской Федерации, поскольку означает, что при обращении к рекламодателю за услугой граждан может избежать призыва на военную службу, т. е. уклониться от предусмотренной ст. 59 Конституции Российской Федерации обязанности.

Решением Омского УФАС России признана ненадлежащей, нарушающей п. 1 ч. 4 и ч. 7 ст. 5 Закона о рекламе, реклама Общества, расположенная на фасаде жилого дома, включающая хорошо читаемую на большом расстоянии информацию, выполненную заглавными буквами на контрастном фоне: «ПОМОЩЬ В ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ АРМИИ НА ЗАКОННЫХ ОСНОВАНИЯХ» (выполнено белым цветом на красном фоне), «ПРИЗЫВАНЕТ» (выполнено белым цветом на красном фоне) и «НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН» (выполнено красным цветом на черном фоне). Наряду с этим рассматриваемая реклама содержала фактически нечитаемую информацию, в том числе с близкого расстояния, поскольку представляла собой мелкий текст серого цвета, расплывшийся на белом фоне внизу рекламной конструкции и закрытый от обзора козырьком входа в магазин: «...В отношении перечня лиц, указанного в ст. 23 ФЗ № 53-ФЗ “О воинской обязанности и

¹⁵ Решение от 18.10.2023 Омского УФАС России по делу № 055/05/5-1010/2023 о нарушении законодательства Российской Федерации о рекламе. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/omskoe-ufas-rossii/3f5f826c-c497-4b7d-b99d-fdf3be6085cd/?query=055/05/5-1010/2023> (дата обращения: 01.10.2025).

военной службе”, призыв на срочную службу не осуществляется. Помощь оказывается путем предоставления юридических услуг».

Данная реклама явилась предметом рассмотрения заседания Экспертного совета по рекламе при Омском УФАС России¹⁶. Это было обусловлено, как ранее отмечалось, персональным восприятием содержания рекламной информации каждым человеком самостоятельно, основанном на собственном познании и интерпретации текста, отдельных слов, изображений, их сочетания, а также иной информации, содержащейся в рекламе.

Большинство экспертов сошлись во мнении, что реклама может вызывать у потенциального потребителя мнимое впечатление, что рекламодатель может обеспечить освобождение от призыва на военную службу. При этом одним из экспертов высказана позиция, согласно которой «фактически представленная реклама призывает граждан вместо исполнения своего гражданского долга заниматься поиском оснований его избежать. И, следовательно, это может рассматриваться как реклама услуг по легализации противоправных действий».

С учетом изложенного представляется обоснованным вывод экспертов, что рассматриваемая реклама формирует у потребителей негативное отношение к несению воинской обязанности и, соответственно, отрицание призыва на военную службу

В данном деле также имели значение форма и способ размещения рекламы. Поскольку мелкий «поясняющий» текст был размещен таким образом, что фактически не поддавался прочтению, у потребителей отсутствовала возможность получить сведения, составляющие существенную информацию о предоставляемой услуге.

В этой связи Комиссией Омского УФАС России в числе прочего были установлены нарушения ч. 7 ст. 5 Закона о рекламе. Кроме того, антимонопольным органом отдельно принципиально отмечено, что существенной информацией об услуге, которую данная реклама не содержала, в том числе являлась информация о последствиях такого «освобождения» от военной службы (например, при трудоустройстве в правоохранительные органы).

¹⁶ Протокол № 2 от 28.08.2023 заочного заседания Экспертного совета по рекламе при Омском УФАС России. URL: <https://omsk.fas.gov.ru/protocol/24068> (дата обращения: 28.09.2025).

Основной направленностью рассматриваемой рекламы являлось привлечение внимания потребителей к услуге легального освобождения от несения воинской обязанности.

Таким образом, данная реклама, включающая в числе прочего слова «ПРИЗЫВАНЕТ» и «НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН», направлена на побуждение потребителей к освобождению от службы в армии, а равно и к неисполнению гражданами Российской Федерации воинской обязанности, установленной Конституцией.

С учетом изложенного реклама Общества была признана ненадлежащей, содержащей нарушения п. 1 ч. 4 и ч. 7 ст. 5 Закона о рекламе. Обществу было выдано обязательное для исполнения предписание о прекращении нарушения законодательства о рекламе.

На рассмотренных в настоящей работе примерах правоприменительной практики территориальных органов ФАС России наглядно продемонстрирована особая роль консультативно-совещательных органов в осуществлении эффективного правового регулирования общественных отношений в сфере рекламы.

В то же время в правоприменительной практике антимонопольных органов встречаются случаи неоднозначных выводов экспертных советов¹⁷.

Так, в 2023 г. проведено заседание Экспертного совета Саратовского УФАС России¹⁸ с целью рассмотрения рекламы мужского клуба «Приват», в которой предлагался бесплатный вход в стриптиз-клуб участникам специальной военной операции, на предмет соответствия Закону о рекламе.

Перед членами Экспертного совета Саратовского УФАС России был поставлен вопрос: имеет ли место использование в рассматриваемой рекламе оскорбительных образов, сравнений и выражений? В голосовании приняли участие 11 членов Экспертного совета, 8 из которых пришли к выводу, что рассматриваемая реклама является неэтичной, оскорбительной. Однако трое членов (что составляет 27% от общего числа, принявших участие в голосовании чле-

¹⁷ Протокол № 3 от 26.12.2023 очного заседания Экспертного совета по применению законодательства о рекламе и защите от недобросовестной конкуренции при Саратовском УФАС России. URL: <https://saratov.fas.gov.ru/page/17589> (дата обращения: 22.09.2025).

¹⁸ Протокол № 2 от 15.06.2023 заочного голосования Экспертного совета по применению законодательства о рекламе и защите от недобросовестной конкуренции при Саратовском УФАС России. URL: <https://saratov.fas.gov.ru/page/17589> (дата обращения: 22.09.2025).

нов Экспертного совета) решили, что реклама не содержит оскорбительных образов. Иными словами, практически «каждый третий».

При этом в средствах массовой информации содержатся негативные оценки рассматриваемой рекламы¹⁹. В частности, депутат Саратовской областной думы отметил, что подобная реклама может говорить «о возможной дискредитации СВО и чести военного мундира. Попытка популяризаторов греха подмазаться к благородному делу защиты Родины представляет собой попытку улучшить свой неочевидный имидж за счёт людей в форме, уважаемых массами».

Также выводы членов Экспертного совета по применению законодательства о рекламе при Чувашском УФАС России относительно этичности и соответствия нормам морали размещения изображения девушки в нижнем белье в месте, где проходят в том числе несовершеннолетние, вызывают некоторые сомнения в их правомерности²⁰.

Согласно п. 3.2 Положения об Экспертном совете, его членами могут быть представители Федеральной антимонопольной службы, других федеральных органов исполнительной власти, представители ассоциаций и общественных объединений, научных организаций, эксперты и специалисты в отдельных областях знаний. Аналогичные нормы содержатся в положениях об экспертных советах территориальных органов²¹.

Результаты

Таким образом, законодательство не предъявляет к членам экспертных советов особых требований. Для получения статуса члена рас-

¹⁹ Саратовский депутат усмотрел в рекламе стриптиз-клуба возможности для дискредитации армии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5967702> (дата обращения: 22.09.2025).

²⁰ Экспертный совет Чувашского УФАС России рассмотрел рекламу нижнего белья. URL: <https://chuvashia.fas.gov.ru/news/17903> (дата обращения: 21.09.2025).

²¹ Пункт 3.1 Положения об Экспертном совете по применению законодательства о рекламе при Чувашском УФАС России. URL: <https://chuvashia.fas.gov.ru/advice/11655> (дата обращения: 21.09.2025) ; Пункт 3.1 Положения об Экспертном совете по рекламе при Омском УФАС России. URL: <https://omsk.fas.gov.ru/advice/8628> (дата обращения: 28.09.2025) ; Пункт 3.1 Положения об Экспертном совете по применению законодательства о рекламе при Самарском УФАС России. URL: <https://samara.fas.gov.ru/advice/12035> (дата обращения: 28.09.2025).

смаатриваемого консультативно-совещательного органа достаточно являться специалистом в той или иной области знаний. При этом Положение об Экспертном совете и аналогичные положения территориальных органов ФАС России не содержат норм, раскрывающих порядок подтверждения наличия таких компетенций.

Как ранее было отмечено, вопросы соответствия рекламы законодательству о рекламе имеют субъективно-оценочный характер, основанный на личном восприятии информации каждым человеком в отдельности. При этом согласно правовой позиции ФАС России, изложенной в Руководстве по отдельным вопросам применения обязательных общих требований, предъявляемых к рекламе, утвержденном приказом ФАС России от 28.12.2023 № 1079/23, очевидно, что восприятие одной и той же информации разными людьми может отличаться в зависимости от личностных характеристик субъекта (возраста, образования, воспитания, семейных устоев, места проживания и пр.).

В целях совершенствования правового регулирования проведения государственной национальной политики Российской Федерации, отвечающей единым принципам и ценностям Российского государства, а также с учетом заданной Конституцией РФ тенденции наполнения законодательства Российской Федерации положениями, составляющими сущность «российской патриотической идеи», представляется обоснованным конкретизировать порядок формирования составов экспертных советов, дополнив его нормами, позволяющими сделать определенные выводы о патриотическом воспитании кандидатов к включению в состав данных консультативно-совещательных органов и предусмотреть обязательность учета данных выводов при определении персональных составов указанных советов.

Так, представляется целесообразным проведение собеседований с такими кандидатами, установление фактов вхождения их ранее в составы экспертных советов, установление, какие перед ними ранее ставились вопросы и какие ими были сделаны выводы. При проведении собеседований представляется оправданным предлагать кандидатам ответить на вопросы, которые ранее уже являлись предметом рассмотрения заседаний экспертных советов, легли в основу соответствующих решений антимонопольных органов, прошедших судебную проверку и признанных законными и обоснованными.

В таком случае соответствующие изменения необходимо внести в положения об экспертных советах. На наш взгляд, такие изменения имеют особую направленность и важное значение, в связи с чем данный вопрос будет исследоваться нами в дальнейшем.

Список литературы

1. Конституционное право : учебник / отв. ред. В. И. Фадеев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 592 с.
2. Абаева Е. А. Конституционное право Российской Федерации в схемах и таблицах : учеб. пособие / под ред. Г. Н. Комковой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2025. 292 с.
3. Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. : Русская книга, 1996. 400 с.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2008. 540 с.
5. Вавилин М. В. К вопросу определения патриотизма как правовой категории // Юрист. 2024. № 1. С. 33–38. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2024-1-33-38>
6. Петюкова О. Н. Преемственность в сохранении исторической памяти как основа обеспечения государственного суверенитета России // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 4. С. 32–47. <https://doi.org/10.61205/S160565900034120-6>, EDN: RADTQB
7. Бердникова Е. В. Гражданственность в системе традиционных духовно-нравственных ценностей: конституционно-правовое измерение // Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации / под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 71–82. EDN: DUSPWY
8. Право в сфере Интернета : сб. ст. Вып. 14 / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018. 528 с. EDN: XZLMBF
9. Голубкина К. В. Правовое регулирование рекламной деятельности в России: анализ действующего законодательства // Право и экономика. 2024. № 5 (435). С. 49–54. EDN: QJDQEZ
10. Траунинг Э. Л. Некоторые проблемы общей теории рекламных правоотношений. М. : Лекс-Книга, 2004. 173 с.
11. Ястремский И. А. Пластическая хирургия: реалии и перспективы законодательного регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 6. С. 3–6. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2025-5-3-6>
12. Самигулина А. В. Актуальные вопросы правового регулирования наружной рекламы // Вестник арбитражной практики. 2017. № 3 (71). С. 39–48. EDN: ZCHQZT
13. Конкурентное право России : учебник / под ред. С. А. Пузыревского. М. : Проспект, 2021. 638 с.
14. Бадалов Д. С., Василенкова И. И., Карташов Н. Н., Котов С. Ф., Никитина Т. Е. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе». М. : Статут, 2012. 462 с.

References

1. *Konstitutsionnoe pravo* [Fadeev V. I. (ed.) Constitutional law]. Moscow, Prospekt, 2017. 592 p. (in Russian).
2. Abaeva E. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii v skhemakh i tablitsakh* [Constitutional law of the Russian Federation in diagrams and tables. Ed. by G. N. Komkova]. Moscow, Prospekt, 2025. 292 p. (in Russian).
3. Ilyin I. A. *Sobranie sochineniy. T. 1* [Collection of works. Vol. 1]. Moscow, Russkaya kniga, 1996. 400 p. (in Russian).
4. Matuzov N. I., Malko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Jurist, 2008. 540 p. (in Russian).
5. Vavilin M. V. K On the Definition of Patriotism as a Legal Category. *Jurist* [Lawyer], 2024, no. 1, pp. 33–38 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2024-1-33-38>
6. Petyukova O. N. Continuity in the preservation of historical memory as the basis for ensuring the state sovereignty of Russia. *Journal of Russian Law*, 2025, vol. 29, no. 4, pp. 32–47 (in Russian). <https://doi.org/10.61205/S160565900034120-6>, EDN: RADTQB
7. Berdnikova E. V. The civic consciousness in the system of traditional spiritual and moral values: Constitutional and legal dimension. In: *Gumanitarnyy potentsial Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Chebotarev G. N. (ed.) Humanitarian potential of the Constitution of the Russian Federation]. Tyumen, Tyumen State University-Press, 2024, pp. 71–82 (in Russian). EDN: DUSPWY
8. *Pravo v sfere Interneta. Vyp. 14* [Rozhkova M. A. (ed.) Internet Law. Iss. 14]. Moscow, Statut, 2018. 528 p. (in Russian). EDN: XZLMBF
9. Golubkina K. V. Legal regulation of advertising activities in Russia: Analysis of current legislation. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2024, no. 5 (435), pp. 49–54 (in Russian). EDN: QJDQEZ
10. Strauning E. L. *Nekotorye problemy obshchey teorii reklamnykh pravootnosheniy* [Some problems of the general theory of advertising legal relations]. Moscow, Leks-Kniga, 2004. 173 p. (in Russian).
11. Yastremskiy I. A. Plastic surgery: Realities and prospects of legislative regulation. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2025, no. 6, pp. 3–6 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2025-5-3-6>
12. Samigulina A. V. Pressing questions of legal regulation of the outdoor advertisement. *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2017, no. 3, pp. 39–48 (in Russian). EDN: ZCHQZT
13. *Konkurentnoe pravo Rossii* [Puzyrevskiy S. A. (ed.) Competition Law of Russia]. Moscow, Prospekt, 2021. 638 p. (in Russian).
14. Badalov D. S., Vasilenkova I. I., Kartashov N. N., Kotov S. F., Nikitina T. E. *Postateinyy kommentariy k Federal'nomu zakonu «O reklame»* [Article-by-article commentary on the Federal Law “On Advertising”]. Moscow, Statut, 2012. 462 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 05.12.2025
The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 05.12.2025

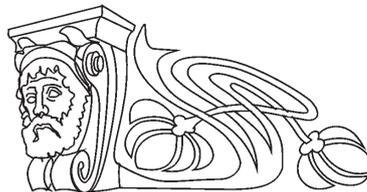

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 89–98
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 89–98
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-89-98>, EDN: UTXBHB

Научная статья
УДК 342(470)(072.8)

Деятельность органов государственной власти в механизме защиты прав военнослужащих в Российской Федерации в условиях специальной военной операции

К. А. Головки

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Головки Кирилл Александрович, аспирант кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева, golovkotrud@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8627-2660>

Аннотация. Введение. В зависимости от функционального назначения деятельности органов государственной власти Российской Федерации можно выделить системообразующие институты защиты прав военнослужащих России, участвующих в специальной военной операции. Особенностью деятельности органов государственной власти в рассматриваемой сфере является их тесное взаимодействие в реализации общих задач, а также необходимости формирования нормативно-правовой базы, отвечающей реализации задач по защите государственного суверенитета России и обеспечения специального правового статуса военнослужащих в Российской Федерации. Целью исследования является обобщение практики деятельности органов государственной власти Российской Федерации по вопросам защиты прав военнослужащих в условиях специальной военной операции, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений. **Теоретический анализ.** На сегодняшний день отсутствуют комплексные научные исследования в сфере защиты лиц, участвующих в специальной военной операции. Исследования ученых посвящены отдельным вопросам защиты прав военнослужащих Российской Федерации, участвующих в специальной военной операции. Автором предлагается систематизировать меры государственной поддержки военнослужащих, реализующих задачи в особых условиях. **Эмпирический анализ.** Анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует о необходимости совершенствования статуса военнослужащего в России, участвующего в специальной военной операции. Деятельность органов Прокуратуры РФ, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации способствовала формированию нормативно-правовой базы, отвечающей потребностям обеспечения статуса военнослужащих Российской Федерации, участвующих в специальной военной операции. **Результаты.** Проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о необходимости продолжения работы по совершенствованию законодательства в сфере обеспечения специального правового статуса военнослужащего Российской Федерации. Внесение дополнений в базовые федеральные законы («О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», «О воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащих»), регламентирующие статус военнослужащего в Российской Федерации, будет способствовать формированию системы компенсационной поддержки рассматриваемых специальных субъектов права, участвующих в боевых действиях, защищая суверенитет России, ее независимость и целостность.

Ключевые слова: статус военнослужащего Российской Федерации, защита прав военнослужащего, совершенствование законодательства, деятельность органов государственной власти по защите прав военнослужащих

Для цитирования: Головки К. А. Деятельность органов государственной власти в механизме защиты прав военнослужащих в Российской Федерации в условиях специальной военной операции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 89–98. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-89-98>, EDN: UTXBHB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Activities of state authorities in the mechanism of protection of the rights of military personnel in the Russian Federation in the context of the Special Military Operation

K. A. Golovko

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Kirill A. Golovko, golovkotrud@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8627-2660>

Abstract. Introduction. Depending on the functional purpose of the activities of the state authorities of the Russian Federation, it is possible to identify the system-forming institutions for the protection of the rights of military personnel of the Russian Federation participating in the Special Military Operation. The special feature of the activities of the public authorities in this area is their close cooperation in the implementation of

common tasks, as well as the need to form a regulatory framework that meets the objectives of protecting Russia's state sovereignty and ensuring the special legal status of military personnel in the Russian Federation. The purpose of the study is to summarize the practice of the state authorities of the Russian Federation in protection of the rights of military personnel in the Special Military Operation, as well as to formulate proposals for improving legislation in the field of public relations under consideration. **Theoretical analysis.** To date, there are no comprehensive scientific studies on the protection of individuals involved in special military operations. Research conducted by scientists focuses on specific issues related to the protection of the rights of Russian military personnel involved in the Special Military Operation. The author proposes a systematization of measures for state support of military personnel who are carrying out tasks in special conditions. **Empirical analysis.** The analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation indicates the need to improve the status of a serviceman in Russia participating in the Special Military Operation. The activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation contributed to the formation of the regulatory framework that meets the needs of ensuring the status of Russian military personnel participating in the Special Military Operation. **Results.** The conducted research allows us to formulate a conclusion that there is a need to continue improving legislation in the field of ensuring the special legal status of a serviceman of the Russian Federation. Amendments to the basic federal laws ("On mobilization training and mobilization in the Russian Federation", "On military duty and military service", "On the status of military personnel") regulating the status of military personnel in the Russian Federation will contribute to the formation of the system of compensatory support for the special subjects of law involved in hostilities, protecting the sovereignty of the Russian Federation, its independence and integrity.

Keywords: status of a serviceman of the Russian Federation, protection of the rights of a serviceman, improvement of legislation, the activities of state authorities to protect the rights of military personnel

For citation: Golovko K. A. Activities of state authorities in the mechanism of protection of the rights of military personnel in the Russian Federation in the context of the Special Military Operation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 89–98 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-89-98>, EDN: UTXBHB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Начиная с 2022 г. отдельным направлением работы органов государственной власти всех уровней стала защита прав военнослужащих Российской Федерации, участвующих в специальной военной операции¹. Механизм данной защиты способствует реализации закрепленных прав и свобод российских военнослужащих в реальные блага и включает в себя набор конституционно-правовых, организационных и правозащитных инструментов. Особенностью защиты рассматриваемой категории субъектов, начиная с указанного периода, было не только реализация и восстановление их прав, но и совершенствование нормативных основ их правового статуса. На сегодняшний день сформировалась обширная база актов федерального, регионального значения, включающих в себя решения законодательных, исполнительных и судебных органов власти в сфере предоставления дополнительных гарантий военнослужащим Российской Федерации и членам их семей и механизма их защиты. Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о необходимости продолжить работу по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений и

обеспечить реализацию прав лиц, участвующих в специальной военной операции и защищающих суверенитет Российского государства.

Система органов государственной власти, участвующих в защите прав рассматриваемых субъектов права, очень обширна. В 1992 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ была создана Межведомственная комиссия по социальным вопросам военнослужащих и членов их семей, действующая до сих пор. Организация работы указанной комиссии возложена на Министерство социальной защиты населения Российской Федерации². До настоящего времени функции по социальной защите военнослужащих выполняют министерства (комитеты) по социальной защите населения, входящие в систему органов публичной власти Российской Федерации как федерального, так и регионального уровней. Деятельность данных органов исполнительной власти способствует реализации социальных прав военнослужащих в России.

«Воинская обязанность и военная служба испокон веков в любом государстве при любой форме правления и любом политическом режиме стояли на первом месте в числе наиболее важных и значимых для государства обязанно-

¹ Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 39, ст. 6590.

² О Межведомственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих и членов их семей : постановление Правительства РФ от 20.11.1992 № 889 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 22, ст. 1911.

стей. Российское государство всегда, за исключением незначительного периода его истории, стремилось создать максимально комфортные условия для несения этой нелегкой и опасной службы» [1, с. 332]. В условиях специальной военной операции органы государственной власти Российской Федерации всех уровней начали предусматривать дополнительные формы работы, способствующие реализации и защите прав военнослужащих. В соответствии с Указом Президента РФ создана Межведомственная комиссия Совета безопасности России по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащими, проходящими службу по контракту³. При главе государства действует комиссия по делам ветеранов, состав которой обновлен в 2023 г.⁴

С целью улучшения работы в рассматриваемой сфере общественных отношений в аппарате Уполномоченного по правам человека РФ создана специальная рабочая группа «по мониторингу соблюдения прав граждан в период проведения частичной мобилизации в Российской Федерации»⁵. Установлено взаимодействие с иными органами государственной власти, в первую очередь с Министерством обороны России, Главной военной прокуратурой. Осуществляется взаимодействие с общественными организациями. К формам такого взаимодействия можно отнести обмен информацией, направление запросов, проведение совместных проверок, а также совместных приемов граждан.

При главах субъектов Российской Федерации начиная с 2022–2023 гг. функционируют горячие линии по делам участников специ-

альной военной операции и членов их семей. Высшими должностными лицами субъектов Федерации проводятся приемы граждан по данным вопросам⁶.

Специальная военная операция и события, предшествующие ей, сформировали обстоятельства, требующие защиты Отечества, суверенитета и независимости России. Помимо регулярной армии Российской Федерации, в специальной военной операции на территории Украины, а также приграничных с ней территориях участвуют категории военнослужащих России, имеющие специфические особенности своего правового статуса. Это мобилизованные граждане, граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, и лица, подписавшие контракт с Вооруженными силами РФ. Эти категории военнослужащих, объединенные общей задачей защиты России, имеют разный внутренний мотив несения военной службы, а также отличительные особенности оснований ее осуществления и вытекающих из них особенностей их правового статуса и защиты. Данное обстоятельство подтверждается совокупностью нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней, конкретизирующих гарантии разных категорий военнослужащих Российской Федерации, участвующих в специальной военной операции.

В подтверждение приведем пример размера единовременной денежной выплаты. На федеральном уровне такая выплата устанавливается военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных силах Российской Федерации⁷. На уровне субъектов Федерации устанавливаются дополнительные выплаты. К примеру, в Саратовской области: единовременная денежная выплата в размере 50 тыс. руб. гражданам России, проживающим в Саратовской области, призванным на военную службу по мобилизации либо заключившим контракт о добровольном

³ О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту : указ Президента РФ от 20.09.2024 № 814 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 39, ст. 5798.

⁴ О Комиссии при Президенте Российской Федерации по делам ветеранов : указ Президента РФ от 21.08.2012 № 1200 (ред. от 16.01.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 35, ст. 4775 ; 2025. № 3, ст. 117.

⁵ О создании рабочей группы по мониторингу соблюдения прав граждан в период проведения мобилизации в Российской Федерации : распоряжение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 29.09.2022 № 127 // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d> (дата обращения: 10.09.2025).

⁶ В Татарстане открыли горячую линию по вопросам защиты прав бойцов СВО и членов их семей. URL: <https://tatarstan.er.ru/activity/news/v-tatarstane-otkryli-goryachuyu-liniyu-po-voprosam-zashity-prav-bojcov-svo-i-chlenov-ih-semej> (дата обращения: 03.09.2025).

⁷ О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.07.2024 № 644 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 32, ст. 4846.

содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные силы Российской Федерации⁸; денежная выплата для граждан, заключивших в период с 1 января 2023 г. по 31 декабря 2024 г. контракт о прохождении военной службы через военный комиссариат Саратовской области и пункт отбора на военную службу по контракту, а также призванных на военную службу по мобилизации и заключивших в период с 1 января 2023 г. по 31 декабря 2024 г. контракт о прохождении военной службы с Министерством обороны Российской Федерации, в последующем пролонгированный до 31 января 2025 г.⁹; единовременная денежная выплата для граждан, заключивших с 1 июля 2022 г. по 31 декабря 2022 г. с Министерством обороны Российской Федерации контракт о прохождении военной службы на срок не менее трех месяцев¹⁰; дополнительная денежная выплата при заключении контракта в период с 1 августа 2024 г.¹¹

На момент 2022 г. законодательство Российской Федерации с точки зрения установления дополнительных гарантий и защиты прав военнослужащих, принявших участие в специальной военной операции, было несовер-

⁸ О предоставлении меры социальной поддержки в форме единовременной денежной выплаты лицам, призванным на военную службу по мобилизации либо заключившим контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации : постановление Правительства Саратовской области от 24.10.2022 № 1033-П // Новости Саратовской губернии. 25.10.2022. URL: <https://sarnovosti.ru/archive/00047> (дата обращения: 10.09.2025).

⁹ О предоставлении в 2023 году единовременной денежной выплаты гражданам, проживающим в Саратовской области, поступившим на военную службу по контракту : постановление Правительства Саратовской области от 07.03.2023 № 162-П» (ред. от 04.03.2025). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁰ О предоставлении единовременной денежной выплаты гражданам, проживающим в Саратовской области, поступившим на военную службу по контракту для участия в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : постановление Правительства Саратовской области от 18.07.2022 № 621-П // Новости Саратовской губернии. 26.07.2022. URL: <https://sarnovosti.ru/archive/00030> (дата обращения: 10.09.2025).

¹¹ О дополнительной единовременной денежной выплате гражданам, поступившим на военную службу по контракту в период с 1 августа по 30 сентября 2024 года включительно для участия в специальной военной операции : постановление Правительства Саратовской области от 31.07.2024 № 638-П // Новости Саратовской губернии. 31.07.2024. URL: <https://sarnovosti.ru/archive/31-07> (дата обращения: 10.09.2025).

шенно. Это объяснялось объективными причинами отсутствия ранее всей совокупности возникших общественных отношений. Сегодня возрос уровень ответственности государства за судьбы военнослужащих, участвующих в специальной военной операции. Нормативно-правовое регулирование рассматриваемых отношений свидетельствует о выделении дополнительных гарантий военнослужащим России (в рамках СВО): в зависимости от рода войск и органов государственной власти, служба в которых приравнивается к военной (Вооруженные силы Российской Федерации, войска национальной гвардии, служба внешней разведки, органы федеральной службы безопасности, воинские подразделения федеральной противопожарной службы и создаваемые на военное время специальные формирования, переведенные в федеральный орган исполнительной власти или федеральный государственный орган, в котором предусмотрена военная служба); в зависимости от способа поступления на военную службу (кадровые офицеры, мобилизованные, проходящие военную службу по призыву, по контракту, добровольцы). Необходимо предпринимать шаги по систематизации законодательства Российской Федерации в рассматриваемой сфере, что будет способствовать эффективной защите прав военнослужащих Российской Федерации.

Теоретический анализ

В условиях растущей напряженности в международных отношениях следует актуализировать вопрос укрепления национальной безопасности, а также повышения уровня государственной поддержки граждан, ее обеспечивающих и имеющих специальный правовой статус – военнослужащих Российской Федерации. На сегодняшний день отсутствуют комплексные научные исследования механизма защиты лиц, участвующих в СВО [2, с. 9]. Отмечаются работы, посвященные отдельным аспектам социального обеспечения военнослужащих, участвующих в специальной военной операции [3, 4].

Суверенитет России, территориальная целостность и обеспечение прав и свобод человека и гражданина являются базовыми конституционными основами Российского

государства. Защита Отечества в соответствии со ст. 59 Конституции РФ – долг и обязанность каждого гражданина Российской Федерации, т. е. требование как правового, так и морально-этического характера¹². Данный конституционный императив предусматривает необходимость несения военной службы и исполнения воинской обязанности. Это непосредственная и личная форма участия гражданина в обороне России, внутренне сопряженная с риском для жизни и здоровья. Военная служба способствует обеспечению публичных интересов обороны и национальной безопасности государства и защиты личности. Военнослужащий Российской Федерации – это субъект права, обладающий специальным правовым статусом. Эффективная реализация стратегической цели обеспечения государственной независимости России обусловлена выполнением ряда условий, одним из которых является дальнейшее совершенствование и развитие статуса военнослужащих в Российской Федерации и членов их семей, создание эффективной системы гарантий реализации их прав.

Реализуя функции по защите ключевых конституционных основ Российского государства, военнослужащий наделяется дополнительными мерами поддержки и защиты. Специальная военная операция способствовала формированию общественных отношений, требующих нормативно-правового закрепления дополнительных гарантий военнослужащих Российской Федерации, становлению ее системы, обеспечивающей авторитет военной службы, компенсацию особенностей ее несения и защиту членов семей рассматриваемого субъекта права. Мобилизация 2022 г. носит частичный характер, отсюда и меры социальной поддержки мобилизованных, которые в большей степени направлены на поддержку граждан России, участвующих в специальной военной операции, и членов их семей [5–7]. Председатель Государственной Думы отметил, что для поддержки участников специальной военной операции

¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2023).

было принято 124 закона¹³. В юридической науке уделяется внимание вопросам социальной защиты участников специальной военной операции и членов их семей: направлениям государственной политики в области социальной защиты [8]; страхования жизни и здоровья военнослужащих [9]; проблемам пенсионного обеспечения [10].

В настоящее время в российском законодательстве продолжается поиск оптимальной системы гарантий и защиты прав военнослужащих Российской Федерации.

Эмпирический анализ

Последние три года вопросы защиты прав военнослужащих в Российской Федерации стали предметом деятельности как органов исполнительной и судебной власти Российской Федерации, так и правоохранительных и надзорных органов.

Надзор за защитой прав военнослужащих Российской Федерации, участвующих в СВО, находится на особом контроле органов Прокуратуры РФ. Генеральный прокурор отметил, что органы прокуратуры Российской Федерации «ориентированы на всестороннюю правовую поддержку и защиту прав военнослужащих – участников СВО и членов их семей»¹⁴. Основная тематика обращений по вопросам защиты военнослужащих России, участников специальной военной операции, поступивших в органы прокуратуры, – это оказание медицинской помощи, предоставление жилья, взаимодействие с кредитными организациями, назначение и осуществление установленных выплат. По требованиям органов прокуратуры участникам СВО выплачены «надбавки за активные боевые действия, уничтожение и захват военной техники противника»¹⁵.

¹³ Пленарное заседание Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 18 декабря 2024 г. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-dlya-podderzhkiuchastnikov-svo-bylo-prinyato-124-zakona.html> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁴ На особом контроле Генеральной прокуратуры Российской Федерации находятся вопросы защиты прав семей участников специальной военной операции // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=89964523> (дата обращения: 08.09.2025).

¹⁵ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации за 2024 год // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=101841631> (дата обращения: 05.09.2025).

Задача четкого функционирования судебной системы в условиях специальной военной операции была подчеркнута Председателем Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькиным на XX Всероссийском съезде судей: «Как судебная система будет функционировать в условиях новой реальности, которая формируется в связи с проводимой Россией специальной военной операцией? Отвечая на него, хочу подчеркнуть, что абсолютно “вневременными”, не ситуативными требованиями являются отношение суда к участникам судопроизводства как к личностям, имеющим неотъемлемые права, уважение их достоинства, недопустимость произвола в толковании и применении норм права» [11].

Анализ постановлений Конституционного Суда РФ по вопросам обеспечения гарантий военнослужащих Российской Федерации свидетельствует о том, что основной объем решений касался реализации прав военнослужащих России и членов их семьи на жилье (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2025 г. № 7-П, от 18 октября 2022 г. № 44-П, от 25 февраля 2019 г. № 12-П, от 20 июля 2018 г. № 34-П, от 16 ноября 2017 г. № 29-П).

Конституционный Суд в ряде постановлений указал, что так как Основной закон России не закрепляет конкретных мер социальной защиты и порядка их предоставления отдельным категориям граждан, законодатель действует в пределах предоставленных ему дискреционных полномочий, исходя из того, что правовой статус членов семьи произволен от статуса самого военнослужащего и обусловлен спецификой его служебной деятельности¹⁶. Круг семьи военно-

служащего Российской Федерации определяется исходя из п. 3 ст. 2 Федерального закона № 76-ФЗ и включает в себя супругов, родителей, детей, дедушек и бабушек, отчима и мачеху, а также его подопечных и фактических воспитателей погибшего военнослужащего¹⁷.

Немаловажным значением обладают решения, направленные на повышение авторитета российских Вооруженных сил и в целом защиты суверенитета России. Так, Конституционный Суд России отказал в принятии к рассмотрению жалобу гражданина, оспорившего конституционность ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП Российской Федерации¹⁸. Данная норма предусматривает административную ответственность граждан, должностных лиц и юридических лиц за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил РФ в целях защиты интересов России, ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования ВС РФ в указанных целях, либо на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории России в указанных целях, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на российские Вооруженные силы, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния¹⁹. Гражданин был подвергнут справедливому наказанию по данной статье Кодекса. Наличие подобных статей как в Кодексе об административных правонарушениях, так и Уголовном кодексе РФ ставит целью защиту Вооруженных сил России, авторитета армии в целом.

¹⁶ По делу о проверке конституционности части 11 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданки Г. Н. Куликовой : постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 22-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. II), ст. 4395 ; По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» в связи с жалобой гражданина В. Н. Карпекина : постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 16-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 31, ст. 5087 ; По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с жалобой гражданки Г. В. Журавель : постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2019 № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 9, ст. 882.

¹⁷ О статусе военнослужащих : федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2331 ; 2025. № 28, ст. 3852.

¹⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Ильи Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1398-О. URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/?q=&oq=1&sField=inTitle&decType=on&decNumber=2482-%D0%9E&start=&end=&csrfToken=18834ef50d0f8800f32ba88c4bb78a31870f90c9cd1fc45a5e3f1dd7169653bb517b6676df185d9f> (дата обращения: 09.09.2025).

¹⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025 № 104) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I), ст. 1 ; 2025. № 21, ст. 2525.

Можно выделить определенные результаты деятельности всей системы органов государственной власти Российской Федерации по вопросам защиты прав военнослужащих, участвующих в специальной военной операции, и членов их семей, а также принятые нормативно-правовые акты, направленные на совершенствование российского законодательства.

1. Было закреплено право граждан, призванных на военную службу в рамках мобилизации, и членов их семей на кредитные каникулы и решен вопрос о приостановлении исполнения обязательств по договорам о потребительском кредите²⁰.

2. Урегулирован вопрос о прохождении альтернативной гражданской службы в период мобилизации²¹.

3. Предоставлена отсрочка от призыва на военную службу по мобилизации студентам негосударственных вузов²².

4. Предоставлены льготы по налогам и аренде²³.

5. Предоставлены кредитные каникулы для субъектов малого и среднего предпринимательства, связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности²⁴.

²⁰ Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 07.10.2022 № 377-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 41, ст. 6939.

²¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» : федер. закон от 04.11.2022 № 421-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 45, ст. 7666.

²² О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 24 сентября 2022 г. № 664 «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации» : указ Президента РФ от 05.10.2022 № 712 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 41, ст. 7047.

²³ О мерах поддержки мобилизованных лиц : постановление Правительства РФ от 20.10.2022 № 1874 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 43, ст. 7428 ; О предоставлении отсрочки арендной платы по договорам аренды федерального имущества в связи с частичной мобилизацией : распоряжение Правительства РФ от 15.10.2022 № 3046-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 43, ст. 7453 ; О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах : федер. закон от 08.08.2024 № 259 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33, ст. 4955.

²⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 20.10.2022 № 406-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 43, ст. 7269.

6. Упрощен порядок получения гражданства Российской Федерации иностранными гражданами, участвующими в специальной военной операции²⁵.

7. Определен беззаявительный порядок ежемесячной выплаты ветерану боевых действий²⁶.

8. Упрощен порядок получения статуса ветерана боевых действий разным категориям военнослужащих Российской Федерации, участвующих в специальной военной операции²⁷.

9. Определен порядок освобождения от уплаты начисленных процентов по кредитам после окончания кредитных каникул (за исключением ипотечных)²⁸.

10. Установлены особенности погребения военнослужащих Российской Федерации, участвующих в специальной военной операции²⁹.

11. Установлен запрет на увольнение по инициативе работодателя в течение года с момента гибели супруга жен погибших ветеранов специальной военной операции, не вступивших в повторный брак³⁰.

12. Установлены единовременные выплаты совершеннолетним детям погибших участников специальной военной операции (начисляется в рав-

²⁵ О приеме в гражданство Российской Федерации иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или воинских формированиях, и членов их семей : указ Президента РФ от 04.01.2024 № 10 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 2, ст. 394.

²⁶ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 763 : постановление Правительства РФ от 16.03.2024 № 312 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 13, ст. 1785.

²⁷ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 1 августа 2023 г. № 1242 : постановление Правительства РФ от 27.03.2024 № 381 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 14, ст. 1913 ; постановление Правительства РФ от 28.08.2024 № 1157 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 36, ст. 5456.

²⁸ О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : федер. закон от 06.04.2024 № 72-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 15, ст. 1965.

²⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 06.04.2024 № 71 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 15, ст. 1964.

³⁰ О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 06.04.2024 № 70 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 15, ст. 1963.

ных долях всем детям, а при их отсутствии – полнородным и неполнородным братьям и сестрам)³¹.

13. Установлена ежемесячная выплата детям военнослужащих РФ, участвующих в специальной военной операции и захваченных в плен или пропавших без вести³², и другие льготы.

14. Предпринята попытка уравнивания статуса лиц, приравненных к военнослужащим Российской Федерации (войска национальной гвардии РФ, спасательные воинские формирования федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, Служба внешней разведки РФ, органы федеральной службы безопасности, органы государственной охраны и Главное управление специальных программ Президента РФ)³³.

Начиная с ноября 2022 г. стала формироваться новая информационная система, содержащая данные о гражданах, подлежащих мобилизации³⁴. Предусмотрен механизм взаимодействия органов публичной власти всех уровней в рассматриваемой сфере общественных отношений, усовершенствована система организации гражданской обороны, осуществлено переоснащение и укрепление материальной базы военкоматов³⁵.

Частичная мобилизация выявила ряд проблем по вопросам защиты прав мобилизованных граждан, большинство из которых были устранены органами публичной власти.

Отдельные жалобы в адрес органов государственной власти поступали от военнослу-

жащих, выполняющих боевые задачи в Курской области, так как на них не распространялись гарантии участников специальной военной операции. Этот вопрос был задан главе государства в ходе прямой линии с Президентом РФ³⁶. В результате уже в январе 2025 г. данный вопрос был решен положительно³⁷.

Результаты

Проведенное исследование позволяет сформулировать вывод, что защита прав военнослужащих Российской Федерации, участвующих в специальной военной операции, осуществляется совокупностью органов государственной власти, Уполномоченным по правам человека в РФ и направлена как на реализацию уже установленных прав военнослужащих, так и формирование новых, нацеленных на учет особого статуса военнослужащих России и повышенной ответственности государства за реализацию их прав, а также прав членов их семей.

На сегодняшний день остаются нерешенными и требуют дополнительного нормативного регулирования следующие вопросы:

1) отсрочки от призыва на военную службу по частичной мобилизации лиц, являющихся родными братьями военнослужащих, погибших (умерших) в связи с исполнением ими обязанностей военной службы. Подготовленный проект федерального закона был отклонен³⁸;

2) отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации граждан, имеющих на иждивении троих детей³⁹;

³¹ О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 08.04.2024 № 245 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 16, ст. 2211.

³² О ежемесячной социальной выплате детям отдельных категорий военнослужащих : указ Президента РФ от 26.12.2024 № 1110 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 53 (ч. I), ст. 8663.

³³ Вопросы прохождения военной службы : указ Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 (ред. от 07.07.2025 № 458) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 38, ст. 4534 ; 2025. № 28, ст. 3951.

³⁴ О государственном информационном ресурсе, содержащем сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета (вместе с «Перечнем сведений, предоставляемых федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и организациями») : указ Президента РФ от 25.11.2022 № 854 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 48, ст. 8452.

³⁵ Шойгу анонсировал цифровизацию баз данных военкоматов // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20230110/voenkomat-1843871749.html> (дата обращения: 09.09.2025).

³⁶ Итоги года с Владимиром Путиным // Президент Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909> (дата обращения: 09.09.2025).

³⁷ Встреча с Председателем Государственной Думы Вячеславом Володиным // Президент Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75915> (дата обращения: 08.09.2025).

³⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (в части уточнения категорий граждан, имеющих отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации) : проект федер. закона № 206845-8. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=607072473&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%E7%E0%EA%E0%EE%ED+%B91244-1++ (дата обращения: 09.09.2025).

³⁹ О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (о расширении категорий граждан, имеющих право на отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации) : проект федер. закона № 201632-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество» : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/201632-8> (дата обращения: 09.09.2025).

3) установление гарантий алиментных обязательств членов семьи военнослужащего, находящегося в плену⁴⁰;

4) конкретизация процедуры признания военнослужащего Российской Федерации безвестно отсутствующим или объявление военнослужащего умершим.

До сих пор законодательно не предусмотрена демобилизация граждан в связи с необоснованностью их призыва на военную службу. Сегодня данный вопрос возможно решить только посредством отмены решения призывной комиссии о призыве и по представлению органов Прокуратуры РФ. Актуальной остается задача систематизирования законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений. Необходима новая редакция федеральных законов «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»⁴¹, «О воинской обязанности и военной службе»⁴² и «О статусе военнослужащих»⁴³. Требуется расширить категории граждан, не подлежащих призыву на военную службу по мобилизации, закрепить меры государственной поддержки и гарантии их предоставления военнослужащим и членам их семей в случае призыва на военную службу по мобилизации, установленные сегодня разными актами, нормативно закрепить процедуру демобилизации граждан в связи с необоснованностью их призыва на военную службу, а также вопросы призыва и прохождения службы граждан, уволенных в запас после прохождения альтернативной гражданской службы.

Представляется актуальным продолжить работу по уравниванию льгот для разных категорий военнослужащих и лиц, приравненных к ним, в рамках участия в специальной военной операции. Остается неразрешенной пробле-

ма возвращения из плена военнослужащих Российской Федерации, а также розыск военнослужащих, пропавших без вести.

Внесение дополнений в федеральные законы «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», «О воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащих» в части нормативного регулирования механизма демобилизации граждан, особенностей военной службы мобилизованных граждан и граждан Российской Федерации, участвующих в добровольческих формированиях и подписавших контракт с Вооруженными силами России, будет способствовать формированию системы компенсационной поддержки субъектов права, участвующих в боевых действиях и защищающих суверенитет России.

Список литературы

1. Кузьменко А. В., Филиппова М. В. Социальная поддержка участников специальной военной операции и членов их семей: некоторые проблемы правоприменения // Ежегодник трудового права. 2025. Вып. 15. С. 332–353. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2025.123>
2. Корякин В. М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М. : Русайнс, 2025. 294 с. EDN: POZSSN
3. Киселев И. Н., Мишина Н. Н. Проблемы становления и развития законодательства о социальной защите членов семей участников специальной военной операции // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15, № 2-1. С. 207–216. EDN: SIBMSS
4. Барков А. В., Гришина Я. С. О совершенствовании правовой конструкции защиты членов семей погибших участников специальной военной операции: проблема легализации «фактических брачных отношений» // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 80–95. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2025.2.80-95>
5. Корякин В. М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 85–93. EDN: UBPXSH
6. Семянникова Д. А. Правовые нормы социального обеспечения военнослужащих – участников специальной военной операции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 4. С. 89–97. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-89-97>
7. Семянникова Д. А. Правовое регулирование предоставления комплексной реабилитации военнослужащим-участникам специальной военной операции // Юридические исследования. 2023. № 12. С. 67–76. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2023.12.69154>, EDN: EOZCYO

⁴⁰ О внесении изменения в статью 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (об алиментных обязательствах военнослужащих, находящихся в плену) : проект федер. закона № 246592-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество» : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/246592-8> (дата обращения: 09.09.2025).

⁴¹ О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации : федер. закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9, ст. 1014 ; 2024. № 45, ст. 7666.

⁴² О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13, ст. 1475 ; Российская газета. 2025. 25 апр. № 93.

⁴³ О статусе военнослужащих : федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. 07.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2331 ; 2025. № 28, ст. 3852.

8. Журавлева М. А., Берестова Л. И. Приоритеты государственной политики по организации социальной защиты участников СВО // Государственная служба. 2023. Т. 25, № 4 (144). С. 88–93. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-4-88-93>, EDN: NSZFCD
 9. Назарова И. С., Шеншин В. М. К вопросу о совершенствовании института социального страхования жизни и здоровья военнослужащих и других работников силовых структур (краткий обзор изменений законодательства) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 10 (315). С. 77–82.
 10. Корякин В. М. Особенности назначения и выплаты военных пенсий лицам, проживавшим на территориях новых субъектов Российской Федерации до их вхождения в состав России // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 54–63.
 11. Зорькин В. Д. Режим СВО не повод для перевеса правосудия в сторону суровости. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20221129/308516824.html (дата обращения: 08.09.2025).
5. Koryakin V. M. Social security of participants in a special military operation: Problematic issues. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie* [Law in the Armed Forces – Military and Legal Review], 2022, no. 4 (297), pp. 85–93 (in Russian). EDN: UBPXSH
 6. Semyannikova D. A. Legal norms of social security of servicemen — participants of a special military operation. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2022. vol. 16, no. 4, pp. 89–97 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-89-97>
 7. Semiannikova D. A. Legal regulation of the provision of comprehensive rehabilitation to military personnel participating in a special military operation. *Legal Studies*, 2023, no. 12, pp. 67–76 (in Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2023.12.69154>, EDN: EOZCYO
 8. Zhuravleva M. A., Berestova L. I. Priorities of state policy on organization social protection for the SVO participants. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Civil Service], 2023, vol. 25, no. 4 (144), pp. 88–93 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-4-88-93>, EDN: NSZFCD
 9. Nazarova I. S., Shenshin V. M. On the issue of improving the institute of social insurance of life and health of military personnel and other employees of law enforcement agencies (a brief overview of legislative changes). *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyенно-pravovoye obozreniye* [Law in the Armed Forces – Military Legal Review], 2023, no. 10 (315), pp. 77–82 (in Russian).
 10. Koryakin V. M. Features of the appointment and payment of military pensions to persons who lived in the territories of the new subjects of the Russian Federation before their entry into Russia. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyенно-pravovoye obozreniye* [Law in the Armed Forces – Military Legal Review], 2023, no. 11 (316), pp. 54–63 (in Russian).
 11. Zorkin V. D. *Rezhim SVO ne povod dlya perevesa pravosudiya v storonu surovosti* (The SVO regime is not a reason for the balance of justice to be weighted towards severity). Available at: https://rapsinews.ru/judicial_news/20221129/308516824.html (accessed September 8, 2025) (in Russian).

References

1. Kuzmenko A. V., Filippova M. V. Social support for participants in a special military operation and their family members: Some problems of law enforcement. *Russian Journal of Labour & Law*, 2025, iss. 15, pp. 332–353 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu32.2025.123>
2. Koryakin V. M. *Sotsial'nye garantii, predostavlyayemye uchastnikam spetsial'noy voennoy operatsii* [Social guarantees provided to participants in the special military operation]. Moscow, Rusains, 2025. 294 p. (in Russian).
3. Kiselev I. N., Mishina N. N. Challenges in the formation and development of legislation on social protection for family members of participants in the special military operation. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 2025, vol. 15, no. 2-1, pp. 207–216 (in Russian). EDN: SIBMSS
4. Barkov A. V., Grishina Ya. S. On improving the legal structure of protecting family members of deceased participants in a special military operation: The problem

Поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 17.11.2025
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 17.11.2025

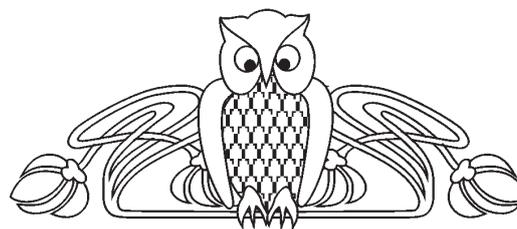

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 99–105
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 99–105
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-1-99-105>, EDN: VEVXTJ

Научная статья
УДК 34.07

Правовое содержание экологизации комфортной городской среды

Г. А. Габоян

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, Саратов, ул. Вольская, д. 1

Габоян Геворк Арменович, аспирант, преподаватель кафедры земельного и экологического права, gevork.gaboyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5954-6943>

Аннотация. Введение. Формирование комфортной городской среды сегодня является важной задачей для улучшения жизни жителей городов, на которую направлена деятельность органов публичной власти. О необходимости формирования комфортного уровня проживания говорят многочисленные документы стратегического планирования. При этом неблагоприятная экологическая обстановка диктует новые вызовы при планировании мероприятий, направленных на формирование комфортной городской среды. Осмысление процессов экологизации данной сферы позволяет сформировать комплексный подход, обеспечивающий данный процесс с точки зрения его соответствия экологическим требованиям и нормативам. **Теоретический анализ.** Проанализировано содержание категории «комфортная городская среда» с целью определения структуры механизма ее экологизации и выработки правового подхода к его определению. При этом особый акцент сделан на целеполагании как аксиологическом приеме, позволяющем обосновать суть тех или иных явлений и процессов с точки зрения целей их реализации, заложенных, прежде всего, в Конституции Российской Федерации. Определено, что именно права граждан являются целью деятельности, связанной с экологизацией комфортной городской среды. **Эмпирический анализ.** Проанализированы документы стратегического планирования, агломерационного и эколого-правового характера с целью выявления тенденций и проблем экологизации комфортной городской среды. Выявлено, что формирование комфортной городской среды – это комплексная деятельность, которая реализуется посредством градостроительства, благоустройства территории и жилищной политики. Именно эти сферы должны быть подвергнуты экологизации в целях формирования комфортной городской среды для обеспечения конституционных прав граждан. **Результаты.** На основе системного подхода сделан вывод о правовой природе экологизации комфортной городской среды как комплексного правового и организационного механизма внедрения экологических требований и нормативов в градостроительскую деятельность, благоустройство территории и жилищную политику с целью гарантирования их конституционного права на достойную жизнь.

Ключевые слова: комфортная городская среда, экологизация, правовой механизм охраны окружающей среды, право на достойную жизнь

Для цитирования: Габоян Г. А. Правовое содержание экологизации комфортной городской среды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 99–105. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-1-99-105>, EDN: VEVXTJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Legal content of greening a comfortable urban environment

G. A. Gaboyan

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Gevorg A. Gaboyan, gevork.gaboyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5954-6943>

Abstract. Introduction. Today, creation of a comfortable urban environment is an important task of improving the lives of city residents, and the activities of public authorities are aimed at solving this task. Numerous strategic planning documents highlight the need to form a comfortable level of residence. At the same time, the unfavorable environmental situation poses new challenges when planning measures to create a comfortable urban environment. Understanding the processes of greening this area makes it possible to form an integrated approach that ensures this process in terms of its compliance with environmental requirements and regulations. **Theoretical analysis.** The content of the “comfortable urban environment” category was analyzed in order to determine the structure of the mechanism for its greening and to develop a legal approach to its definition. At the same time, special emphasis was placed on goal-setting as an axiological technique that allows us to substantiate the essence of certain phenomena and processes from the point of view of the goals of their implementation, stipulated, first of all, in the Constitution of the Russian Federation. It has been determined that it is the rights of citizens that are the goal of activities related to the greening of a comfortable urban environment. **Empirical analysis.** It has been revealed that the formation of a comfortable urban environment is a complex activity that is

implemented through urban planning, landscaping, and housing policy. It is these areas that should be subject to environmentalization in order to create a comfortable urban environment and ensure the constitutional rights of citizens. **Results.** Based on a systematic approach, the paper concludes that the legal nature of the greening of a comfortable urban environment is a comprehensive legal and organizational mechanism for implementing environmental requirements and standards in urban planning, landscaping, and housing policy in order to guarantee their constitutional right to a decent life.

Keywords: comfortable urban environment, greening, legal mechanism for environmental protection, the right to a decent life

For citation: Gaboyan G. A. Legal content of greening a comfortable urban environment. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 99–105 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-1-99-105>, EDN: VEVXTJ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Формирование комфортной городской среды сегодня является важной задачей для улучшения жизни жителей городов, на которую направлена деятельность органов публичной власти. О необходимости формирования комфортного уровня проживания говорят многочисленные документы стратегического планирования. При этом неблагоприятная экологическая обстановка диктует новые вызовы при планировании мероприятий, направленных на формирование комфортной городской среды. Осмысление процессов экологизации данной сферы позволяет сформировать комплексный подход, обеспечивающий данный процесс с точки зрения его соответствия экологическим требованиям и нормативам.

Экологизация сегодня – это важное и неотъемлемое условие социально-экономического функционирования и развития государства и общества. Ухудшение экологической обстановки существенно влияет на качество жизни населения. В условиях неблагоприятной экологической обстановки невозможно обеспечить комфортную городскую среду, все элементы которой должны отвечать критериям экологичности и безопасности.

Теоретический анализ

Сама по себе экологизация как социально-правовое явление многоаспектно, поэтому в контексте данного исследования необходимо определить ее содержание именно как фактора формирования комфортной городской среды. Начать такой анализ необходимо с рассмотрения правовых подходов к самой категории «комфортная городская среда», чтобы проследить, как в законодательстве и науке оценивается экологическая составляющая при ее формировании.

В законодательстве специальная дефиниция, определяющая понятие «комфортная городская среда», не устанавливается. Чаще всего данная категория упоминается в документах стратегического планирования и раскрывается через систему мероприятий, реализация которых позволит добиться той самой комфортной городской среды. Например, в Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года определяется, что формирование комфортной городской среды является неотъемлемой частью комплексного развития территорий и не может рассматриваться в отрыве от градостроительного планирования, создания городской инфраструктуры, возведения жилья, объектов торгового, культурного, спортивного и иного назначения, создания безбарьерной среды для маломобильных групп населения¹.

В Паспорте федерального проекта «Формирование комфортной городской среды»² подход к данной категории выражается через систему показателей, выраженных в числовых измерениях, которые отражают фактическое состояние благоприятной среды в городах, планируемые единицы улучшения данных показателей и параметры, к которым нужно стремиться, чтобы признать соответствующую городскую среду комфортной, и др. Аналогичный математический подход используется в Методике формирования индекса качества городской среды³.

¹ Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р (ред. от 21.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 45, ст. 7815.

² Паспорт федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» // Минстрой России : [сайт]. URL: <https://minstroyrf.gov.ru> (дата обращения: 22.01.2025).

³ Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды : распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р (ред. от 20.09.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 13, ст. 1453.

Среди документов, в которых упоминается о формировании комфортной городской среды, можно особо выделить ГОСТ Р 70386-2022 «Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий»⁴, в котором делается попытка определить подход к категории «комфортная городская среда» с целью его применения в праве, науке и практике. Здесь комфортная городская среда раскрывается через базовые социально-экономические потребности граждан (п. 3.4.). Особенность данного документа заключается в том, что комфортная городская среда в нем рассматривается не через формально закрепленную систему числовых показателей, а через призму обеспечения потребностей человека.

Ученые также исследуют категорию «комфортная городская среда» и объясняют ее суть с научных позиций. Интерес к данной проблеме фиксируется в основном в исследованиях экономической, социологической направленности, где авторы пытаются осмыслить установленные критерии комфортной городской среды и проследить эффективность их реализации на практике [1].

Исследователи-правоведы достаточно часто используют в своих научных исследованиях категорию «комфортная городская среда» в различных контекстах: развития и совершенствования системы управления общественными отношениями [2], развития демократических процессов в государстве [3], развития отдельных институтов отраслевого законодательства [4] и т.д. При этом стоит отметить немногочисленность правовых исследований, посвященных осмыслению правового содержания данной категории и объяснению ее правового значения.

Так, Л. В. Чайковская определяет, что ««комфортная городская среда» представляет собой состояние обособленной урбанизированной территории муниципального образования или иной территории государства, на которой должны быть реализованы все основные элементы комфортной городской среды (экологические, социально-экономические, правовые, цифровые и т.д.), через которые удовлетворяются базовые потребности любого человека (биологические, социальные, инклюзивные и т.д.), с целью обеспечения полноценной жизнедеятельности человека и общества, а также

⁴ Об утверждении национального стандарта Российской Федерации : приказ Росстандарта от 10.10.2022 № 1093-ст. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»..

устойчивого развития указанных территорий» [5, с. 17]. Таким образом, автор в содержании данной категории также делает акцент на развитии городской инфраструктуры как условии ее формирования.

Представляется, что эта дефиниция, хотя в целом и отражает содержание категории «комфортная городская среда», но нуждается в определенном толковании с точки зрения правового подхода к данному явлению.

Ученые-юристы, особенно представители публично-правовой науки, достаточно часто применяют методику исследования определенных явлений и процессов с позиции целеполагания, которые установлены в Конституции Российской Федерации. Формирование комфортной городской среды – это задача органов публичной власти, всего государства. При этом главная цель функционирования государства закреплена в ст. 2 Конституции Российской Федерации – это обеспечение прав и свобод человека⁵.

Представляется, что категорию «комфортная городская среда» также можно анализировать с этой точки зрения, т. е. через систему целей, ради которых такая деятельность государства ведется. В частности, целесообразность и эффективность применения такого методологического подхода в научных исследованиях достаточно полно обосновывает Н. Н. Аверьянова [6, с. 30].

Действительно, формирование городской инфраструктуры само по себе не может являться целью (самоцелью), цель этой деятельности – обеспечение прав человека, в частности гарантированного Конституцией РФ права на достойную жизнь. Основываясь на таком подходе, в правовой науке разрабатывается теория о праве на комфортную городскую среду, определяются его содержание и направления развития [7, с. 3]. И хотя содержание данного права ученые определяют аналогично уже представленным исследованиям, сам подход видится наиболее обоснованным с позиции публично-правовой науки.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2025).

Стоит определить, что комфортная городская среда – это состояние городского хозяйства и инфраструктуры, которое обеспечивает право граждан, проживающих на соответствующей территории, на достойную жизнь.

Эмпирический анализ

Обеспечить достойную жизнь в условиях неблагоприятной экологической обстановки невозможно. Именно поэтому необходимо проследить, как данный фактор учитывается в соответствующем законодательстве, направленном на формирование комфортной городской среды.

Анализ вышеназванных и иных документов стратегического планирования, направленных на развитие агломерационного потенциала территорий, позволяет сделать вывод о том, что формирование комфортной городской среды чаще всего ассоциируется с благоустройством территорий, формированием городской инфраструктуры, которая позволит обеспечить доступ граждан к важнейшим социальным благам. Специальный акцент на экологизацию в данных документах не делается.

И здесь только ГОСТ Р 70386-2022 «Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий» вновь стоит отметить как документ, в котором делается некоторая попытка экологизации данных отношений, и среди потребностей граждан, которые должна удовлетворять комфортная городская среда, называются рекреационные потребности.

Однако, несмотря на попытку внедрить элементы экологизации в процесс формирования комфортной городской среды, нельзя не заметить, что суть данного подхода все равно сводится к благоустройству и формированию соответствующей рекреационной инфраструктуры (создание парков, природных зон отдыха и т. п. объектов), т. е. по анализируемому ГОСТу экологизация данной сферы предполагает достаточно узкий подход к решению указанной проблемы.

Ученые-правоведы в ряде научных работ экологическую составляющую определяют как неотъемлемый фактор формирования комфортной городской среды. Так, Л. В. Чайковская называет такие элементы комфортной городской среды, как экологические, социально-экономические, правовые, цифровые и т.д., через которые удовлетворяются базовые потребности любого человека [8, с. 12].

Некоторые авторы конкретизируют условия экологичности городской среды: требуемый уровень озеленения, чистота атмосферного воздуха, воды, почв, ресурсосбережение и т.д., выводя экологическую составляющую комфортной городской среды на первый план [9, с. 107].

Вместе с тем исследование данного вопроса будет неполным без обращения к документам стратегического планирования не агломерационного, а эколого-правового характера. А в них определяется более конкретный подход к решению городских проблем эколого-правового характера. Так, в Государственной программе Российской Федерации «Охрана окружающей среды» ставится проблема низкого качества окружающей среды в городах, решить которую помогут следующие меры: ликвидация объектов накопленного вреда окружающей среде и несанкционированных свалок в границах городов, оздоровление водных объектов, сокращение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и т. д.⁶

Исходя из этого, неизбежен вывод о том, что многочисленные экологические проблемы диктуют потребность формирования комплексного, а не фрагментарного подхода к их решению. Кроме того, нельзя не заметить, что определить конкретное содержание экологизации комфортной городской среды довольно сложно, исходя и из многоаспектности самой деятельности, направленной на ее формирование. Действительно, комфортная городская среда складывается из множества элементов, и каждый из них образует определенную сферу деятельности, за которую будут ответственны конкретные уполномоченные органы публичной власти.

На основе исследований, посвященных анализу комфортной городской среды как правового явления, можно выделить следующие основные правовые институты, установленные законодательством Российской Федерации, каждый из которых направлен на ее формирование и будет являться объектом экологизации в исследуемом контексте:

– *градостроительная деятельность*. В частности, исследователи справедливо отмечают, что целью комплексного развития территорий как важнейшего принципа градостроитель-

⁶ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 (ред. от 01.09.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18 (ч. III), ст. 2171.

ного законодательства является формирование комфортной городской среды [10, с. 100]. В рамках комплексного развития территорий формируется городская инфраструктура, обеспечивается физическая доступность важнейших социальных объектов для жителей территории;

– *благоустройство территории*. Как в документах стратегического планирования, так и по мнению ученых благоустройство территории направлено именно на формирование комфортной городской среды;

– *обеспечение жителей города доступным и качественным жильем*. Так, среди ключевых целей Национального проекта «Жилье и городская среда» названы: повышение комфортности городской среды, создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда [11, с. 150].

Между тем и сама экологизация – это процесс, который охватывает весь комплекс соответствующей государственно-управленческой деятельности, начиная от правотворчества и заканчивая правоприменением. На его сложность указывают ученые-правоведы. Так, Е. Н. Абанина развитие процесса экологизации видит во внедрении «системы правовых, экономических, управленческих и иных решений, обеспечивающих рациональное природопользование для удовлетворения потребностей настоящих и будущих поколений» [12, с. 207]. Е. С. Болтанова отмечает, что «экологизация строительной отрасли предполагает принятие системы организационных, правовых, экономических, технологических, технических и иных мер, направленных на повышение эффективности природопользования, снижение негативных воздействий на окружающую природную среду, обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности при предоставлении природных объектов для строительства и на протяжении всего жизненного цикла здания или сооружения» [13, с. 12]. А. Е. Ермолаева считает, что «под экологизацией промышленного комплекса следует понимать систему мер, направленных на обеспечение его устойчивого развития при снижении экологических рисков, повышении уровня безопасности и энергоэффективности» [14, с. 69]. М. М. Бринчук отмечает, что «эколо-

гическое законодательство, ориентированное на охрану окружающей среды, имеет своей задачей не только сохранение растительного и животного мира, объектов неживой природы, но и охрану человека от неблагоприятных воздействий окружающей среды» [15, с. 40]. Таким образом, экологизация обеспечивает не только формирование комфортной городской среды, но и ее безопасность, поскольку экологическая безопасность является важной гарантией ее комфортности.

Результаты

На основе изложенных позиций ученых можно выделить направления экологизации, которые должны быть внедрены в процесс формирования комфортной городской среды.

1. Важнейшим направлением является экологизация соответствующего законодательства (в широком смысле): о градостроительной деятельности, о благоустройстве территории и обеспечении граждан жильем.

2. Тенденции экологизации должны быть подчинены и правоприменительные решения. В качестве примера деэкологизации данной деятельности можно приводить многочисленные ситуации застройки городских рекреационных зон. При этом стоит отметить, что, к сожалению, решение о застройке таких зон принимают как органы местного самоуправления, так и органы государственной власти субъектов Российской Федерации (в случае, если полномочия в сфере градостроительства в субъекте Федерации перераспределены)⁷. Ученые также отмечают, что «в два последних десятилетия в России крайне либеральная политика в экологической сфере неизбежно ведет к углублению деэкологизации» [16, с. 10].

Таким образом, экологизация комфортной городской среды представляет собой комплексный правовой и организационный механизм внедрения экологических требований и нормативов в градостроительскую деятельность, благоустройство территории и обеспечение граждан жильем с целью гарантирования их конституционного права на достойную жизнь.

⁷ Жители Саратова пытаются отстоять парковую зону, отданную под застройку. URL: <https://rtvi.com/stories/my-za-shkolu-no-ne-vmesto-nashego-parka-zhiteli-saratova-pytayutsya-otstoyat-parkovuyu-zonu-otdannuyu-pod-zastrojku/> (дата обращения: 10.10.2025).

Список литературы

1. Пуляева В. Н., Иванова И. А. Создание комфортной городской среды в системе мер по повышению качества жизни населения в регионах // Жилищные стратегии. 2023. Т. 10, № 4. С. 425–440. <https://doi.org/10.18334/zhs.10.4.119238>
2. Нарутто С. В., Ряшин М. П. Роль муниципального контроля в развитии комфортной городской среды. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2024. 204 с.
3. Фомин А. Н. О проблемах вовлечения населения в решение вопросов развития городской среды // Местное право. 2024. № 6. С. 15–28.
4. Щека А. А. О факторах инвестирования курортной инфраструктуры в РФ // Туризм: право и экономика. 2024. № 3. С. 23–25. <https://doi.org/10.18572/1813-1212-2024-3-23-25>
5. Чайковская Л. В. Правовое регулирование формирования комфортной городской среды в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2024. 29 с.
6. Аверьянова Н. Н. Земля как основа жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Пенза, 2019. 405 с.
7. Козhevnikov O. A., Mochalov A. N. Право на город и его юридическое содержание // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 4. С. 2–6. <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2024-4-2-6>, EDN: BSJNMM
8. Чайковская Л. В. К вопросу совершенствования правового обеспечения качества городской среды в Российской Федерации // Юрист. 2024. № 9. С. 8–12. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2024-9-8-12>, EDN: MBJXMP
9. Бакаева Н. В., Чайковская Л. В., Кормина А. А. К построению модели комфортности городской среды // Устойчивое развитие региона: архитектура, строительство, транспорт : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 40-летию Института архитектуры, строительства и транспорта ТГТУ (г. Тамбов, 22–25 мая 2019 г.). Тамбов : Изд-во Р. В. Першина, 2019. С. 105–108. EDN: ZNFRRJ
10. Чмыхало Е. Ю. Комплексное развитие территорий населенных пунктов: правовые механизмы реализации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 12. С. 99–107.
11. Кичигин Н. В. Благоустройство территории в системе градостроительной деятельности // Закон. 2025. № 3. С. 145–156. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2025-22-3-145-156>, EDN: TUZVNZ
12. Абанина Е. Н. Экологизация как процесс достижения устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3. С. 201–207.
13. Болтанова Е. С. Правовое обеспечение экологизации строительной отрасли России // Экологическое право. 2014. № 3. С. 11–17. EDN: SJMSBB
14. Ермолаева А. Е. Экологизация промышленности как основная парадигма развития международной и национальных экономик // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 67–70.
15. Бринчук М. М. Практика экологизации законодательства // Экологическое право. 2008. № 6. С. 30–42.
16. Злотникова Т. В. К вопросу об экологизации и деэкологизации законодательства и других сфер общественной жизни // Экологическое право. 2024. № 2. С. 5–11. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2024-2-5-11>

References

1. Pulyaeva V. N., Ivanova I. A. Creating a comfortable urban environment in the system of measures to improve the quality of life in the regions. *Russian Journal of Housing Research*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 425–440 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/zhs.10.4.119238>
2. Narutto S. V., Ryashin M. P. *Role of municipal control in the development of a comfortable urban environment*. Moscow, Norma, INFRA-M, 2024. 204 p. (in Russian).
3. Fomin A. N. On the problems of involving the population in urban development issues. *Mestnoe pravo* [Local Law], 2024, no. 6, pp. 15–28 (in Russian).
4. Shcheka A. A. On resort infrastructure investment factors in the Russian Federation. *Tourism: Law and Economy*, 2024, no. 3, pp. 23–25 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1813-1212-2024-3-23-25>
5. Chaykovskaya L. V. *Legal regulation of the formation of a comfortable urban environment in the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Kursk, 2024. 29 p. (in Russian).
6. Averyanova N. N. *Land as the basis for the life and activities of peoples living on the territory of the Russian Federation: Constitutional and legal research*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Penza, 2019. 405 p. (in Russian).
7. Kozhevnikov O. A., Mochalov A. N. The right to a city and its legal content. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy* [Municipal Service: Legal Issues], 2024, no. 4, pp. 2–6 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2024-4-2-6>, EDN: BSJNMM
8. Chaykovskaya L. V. On improving legal support of the quality of the urban environment in the Russian Federation. *Yurist* [Lawyer], 2024, no. 9, pp. 8–12 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2024-9-8-12>, EDN: MBJXMP
9. Bakaeva N. V., Chaykovskaya L. V., Kormina A. A. Towards building a model of the comfort of the urban environment. *Ustoychivoe razvitie regiona: arkhitektura, stroitel'stvo, transport* [Sustainable Development

- of the Region: Architecture, Construction, Transport: Proceedings of the 6th International scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of the Institute of Architecture, Construction and Transport of TSTU (Tambov, May 22–25, 2019)]. Tambov, Izdatel'stvo R. V. Pershina, 2019, pp. 105–108 (in Russian). EDN: ZNFRRJ
10. Chmykhalo E. Yu. Integrated development of populated areas: Legal mechanisms for implementation. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2023, no. 12, pp. 99–107 (in Russian).
 11. Kichigin N. V. Landscaping in the urban development system. *Statute*, 2025, no. 3, pp. 145–156 (in Russian). <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2025-22-3-145-156>, EDN: TUZVNZ
 12. Abanina E. N. Greening as a process of achieving sustainable development. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2018, no. 3, pp. 201–207 (in Russian).
 13. Boltanova E. S. Legal ensuring of ecologization of construction sector of Russia. *Environmental Law*, 2014, no. 3, pp. 11–17 (in Russian). EDN: SJMSBB
 14. Ermolaeva A. E. Greening of industry as the main paradigm for the development of international and national economies. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2011, no. 8, pp. 67–70 (in Russian).
 15. Brinchuk M. M. Greening legislation practices. *Environmental Law*, 2008, no. 6, pp. 30–42 (in Russian).
 16. Zlotnikova T. V. On environmentalization and deenvironmentalization of laws and other spheres of public life. *Environmental Law*, 2024, no. 2, pp. 5–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2024-2-5-11>

Поступила в редакцию 14.10.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 17.11.2025
The article was submitted 14.10.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 17.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 106–113
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 106–113
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-106-113>, EDN: ZSUYGM

Научная статья
УДК 655

Параллельный импорт и импортозамещение как инструмент защиты пользователей информационно-коммуникационных технологий

А. М. Ахтямов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Ахтямов Александр Михайлович, аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий, banana-son@yandex.ru, SPIN: 5931-7038

Аннотация. Введение. В современной ситуации на российском рынке пользователю программного обеспечения предоставляется трудный выбор между российскими аналогами или поиском методов получения зарубежных оригиналов. Данная статья анализирует принятые государством решения по замещению цифровых товаров компаний, ушедших с российских площадок. **Теоретический анализ.** В работе рассматриваются проблемы сферы применения лицензированного программного обеспечения, созданного зарубежными разработчиками, покинувшими российский рынок; обсуждаются вызовы, связанные с правовыми вопросами лицензии. Эти вызовы включают вопросы приватности, безопасности данных, возможность подделки, злоупотребления информацией, а также юридические аспекты, связанные с дальнейшим возможным возвращением зарубежных компаний на российский рынок. Также обращается внимание на необходимость разработки соответствующих нормативных и правовых рамок в сфере параллельного импорта информационно-коммуникационных технологий. **Эмпирический анализ.** Выявлена потребность пользователей в удобном и качественном программном обеспечении и анализируются способы импорта или замещения товаров для эффективного применения института исключительного права, включая необходимость балансировки между инновациями и обеспечение прозрачности и осведомленности для пользователей, а также подчеркивается необходимость комплексного подхода к импорту зарубежных технологических решений, учитывающего динамику технологического прогресса и потребностей общества. В исследовании лежит анализ нормативно-правовой, технологической и законодательной сфер, а также существующих подходов правового регулирования процесса товарооборота. Изучены действующие нормативно-правовые акты. **Результаты.** Несмотря на многочисленные попытки возобновить комфортный уровень программного обеспечения населения законодательными и исполнительными органами, выявлены проблемы импортозамещения и параллельного импорта зарубежных информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, лицензия, программное обеспечение, параллельный импорт, пиратство

Для цитирования: Ахтямов А. М. Параллельный импорт и импортозамещение как инструмент защиты пользователей информационно-коммуникационных технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 106–113. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-106-113>, EDN: ZSUYGM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Parallel import and import substitution as a tool for protecting users of information and communication technologies

A. M. Akhtyamov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia

Alexander M. Akhtyamov, banana-son@yandex.ru, SPIN: 5931-7038

Abstract. Introduction. In the current situation on the Russian market, the software user faces a difficult choice between Russian analogues or the search for methods to obtain foreign originals. This article analyzes the decisions taken by the government to replace digital goods of the companies that have left Russian sites. **Theoretical analysis.** The paper examines the problems of the scope of licensed software created by foreign developers who left the Russian market, discusses the challenges associated with the legal issues of the license. These challenges include issues of privacy, data security, the possibility of forgery, misuse of information, as well as legal aspects related to further possible return of foreign companies to the Russian market. The article also draws attention to the need to develop appropriate regulatory and legal frameworks in the field of parallel import of information and communication technologies. **Empirical analysis.** The need for user-friendly and high-quality software was identified, and the ways of importing or replacing goods for the effective use of the institution of exclusive law were analyzed, including the need to balance innovation and ensure transparency and awareness for users, as well as the need for an integrated approach to importing foreign

technological solutions, taking into account the dynamics of technological progress and the needs of society. The research focuses on the analysis of regulatory, technological and legislative spheres, as well as existing approaches to the legal regulation of the trade turnover process. The current regulatory legal acts have been studied. **Results.** Despite numerous attempts by legislative and executive bodies to resume a comfortable level of software provision for the population, problems of import substitution and parallel import of foreign information and communication technologies have been identified.

Keywords: information and communication technologies, license, software, parallel import, piracy

For citation: Akhtyamov A. M. Parallel import and import substitution as a tool for protecting users of information and communication technologies. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 106–113 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-106-113>, EDN: ZSUYGM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

За последние 30 лет одним из самых значимых и развитых процессов человеческой жизни стала цифровизация и общее использование компьютерных технологий. «Цифра» настолько закрепилась в нашей повседневной жизни, что полноценно может считаться символом XXI в. По мере интеграции технологий во все сферы человеческой деятельности возрастала необходимость их правового регулирования. За относительно короткий исторический период цифровизация прошла путь от декларативных положений, закрепленных в Хартии глобального информационного общества, до статуса общемирового стратегического направления развития. Ключевым фактором, ускорившим этот процесс, стало формирование концепции «цифрового государства» – системы государственного управления, основанной на комплексной автоматизации управленческих процессов с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В настоящее время значительный массив информации находится под защитой законодательства, охватывающего широкий спектр правовых отраслей – от международного права до специальных федеральных нормативных актов. Указанные акты регулируют весь жизненный цикл информации: ее создание, использование, распространение и лицензирование. В условиях стремительного развития технологий гражданско-правовой институт лицензирования приобретает особое значение. Он выступает неотъемлемым элементом системы правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, обеспечивая защиту прав разработчиков и правообладателей. Лицензирование позволяет установить правовые рамки использования произведений, программного обеспечения и технологий третьими лицами, предотвращая их несанкционированное копирование, рас-

пространение и модификацию. Лицензионные соглашения формируют конкретные правила использования технологий, что особенно важно, учитывая различную степень потенциальных рисков – от частных коммерческих убытков до угроз национальной безопасности [1].

Показательным примером последствий нарушения режима защиты информации стала утечка данных, организованная в 2013 г. бывшим сотрудником ЦРУ Эдвардом Сноуденом, который предал огласке сведения о деятельности США в сфере глобального наблюдения. Этот случай вызвал широкий международный резонанс и стал поводом для пересмотра подходов к обеспечению информационной безопасности на государственном уровне. В то же время проблема утечек информации актуальна и для частного сектора. По данным портала Банки.ру, под наибольшей угрозой находятся организации государственного сектора, банковская и микрофинансовая сферы, телекоммуникационные компании и коммерческие предприятия¹.

Именно по этой причине перед предоставлением, использованием или распространением информационно-коммуникационных технологий законодательно устанавливается процедура получения и предоставления лицензии. Такая правовая регламентация направлена на обеспечение безопасности данных, защиту интересов правообладателей и минимизацию возможных правовых и экономических рисков. Также лицензионный договор может помогать не только создателям информационно-коммуникационных технологий, но и пользователям, косвенно обязывая разработчиков к надлежащему качеству и безопасности использования программ. Это важно для обеспечения надежности технологий, ведь, как было сказано выше,

¹ Утечки персональных данных в России с 2020 года: откуда мошенники знают ваши номера телефонов и чем это грозит. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11001626> (дата обращения: 18.11.2024).

безопасность технологий является важным критерием использования информации, особенно в таких областях, как здравоохранение, финансы и государственная безопасность [2].

Таким образом, лицензированные информационно-коммуникационные технологии являются важным и неотъемлемым инструментом для защиты прав разработчиков [3], обеспечения качества и безопасности продуктов, позволяющим развитие инноваций и соблюдение правовых норм.

Теоретический анализ

На данный момент информационные технологии разделяются на множество групп; программное обеспечение, облачный сервис, искусственный интеллект, мобильные приложения являются одними из них. У каждой из категорий есть свои проблемы лицензирования помимо общих вопросов лицензирования, и к завершению 2025 г. имеется основная проблема с локальным характером – рост тренда на пиратство зарубежного программного обеспечения в России.

Сложность регулирования информационных технологий проявляется в их комплексной классификации, обусловленной правовой природой. Существует множество информационных систем, регулирование которых осуществляется различными нормами, влияющими на допустимость их использования. В большинстве случаев информационные системы классифицируются как программы для ЭВМ, охраняемые нормами авторского права [4]. Уход иностранных правообладателей приводит к утрате легальных каналов обновления, технической поддержки и лицензирования, создавая правовую неопределенность в отношении дальнейшего использования этих систем. Следующим классом информационных систем являются базы данных, ориентированные на обработку массивов данных, где как самостоятельный объект охраны дополнительно выступает сама база данных. Дополнительные правовые риски возникают при попытках перенести информацию на отечественные системы, поскольку такая миграция может квалифицироваться как переработка охраняемого объекта [5]. Одновременно эти же системы могут являться результатом интеллектуальной деятельности нескольких лиц, что приводит к фрагментации прав, особенно когда отдельные

системы отечественных аналогов сохраняют зависимость от иностранных правообладателей. Последним типом информационных систем являются цифровые платформы, предоставляемые как услуги. Они оказываются наименее устойчивыми к уходу иностранных правообладателей, поскольку это лишает российских пользователей инструментов для использования систем, ведения предпринимательства и иной деятельности [6].

Программное обеспечение является одним из самых важных видов ИКТ, благодаря им мы можем вводить, выводить, воспринимать, редактировать информацию. По сути, программы позволяют технической части компьютера понимать, что делать и как реагировать на команды, т. е. без программного обеспечения информационно-коммуникационные технологии были бы бесполезны. Поэтому программное обеспечение является самым важным аспектом использования ИКТ.

В связи со своим длительным развитием предоставление разрешения для программ имеет множество ответвлений и тем самым много проблем. Одна из первых, которую стоит обсудить, – это нарушение лицензии пользователем. В связи с уходом множества зарубежных компаний с российского рынка в 2022 г. мы столкнулись с проблемой отсутствия программ для осуществления работы как для физических лиц, так и для юридических. На данный момент лучшим решением является «параллельный импорт», и дискуссия о его легализации в сфере ПО продолжается до сих пор. Фактически речь идет об отмене защиты прав интеллектуальной собственности на продукты покинувших рынок компаний. Во избежание дальнейших проблем в случае восстановления рыночных отношений лучшим законным решением проблемы является импортозамещение, а именно создание собственных аналогов программ. Это может сильно повлиять на комфорт работы, поскольку новые программы требуют переобучения сотрудников или в аналогах будет отсутствовать функционал в связи с «сырой» версией программы либо же запатентованного способа работы. Отсюда возникает вопрос, решение которого влияет на качество выполняемой работы при использовании информационно-коммуникационных технологий: насколько эффективно импортозамещение?

В первую очередь, стоит сказать, что экономические модели рынка программного обес-

печения представляют собой монополию, все мы знаем про такие компании, как Microsoft, IBM, Apple, и заменить таких ИТ-гигантов на данный момент невозможно не только на российском рынке, но также и на глобальном [7]. Именно в связи с популярностью этих компаний после ухода с российских рынков потребность в них не уменьшилась, ведь создать с нуля или же аналогичный продукт займет много времени, и риски финансирования могут себя не оправдать, поскольку пользователи ценят качество продукта больше, чем его значение. Важно отметить, что проблемы замены зарубежных технологий существовали еще до ухода компаний с российского рынка. Так, в 2016 г. в своей работе К. А. Калюжный отмечал, что переход от крупных ИТ-компаний – это длительный процесс, который имеет небольшие шансы на полную замену российскими технологиями [8].

Исследование, проведенное А. Н. Морозовым в 2023 г., показало, что при низких издержках пиратства пользователи выбирают зарубежные пиратские программы, нежели российские аналоги, и это негативно сказывается на развитии отечественной индустрии [9]. Автор приводит интересный кейс, при котором пиратство становится проблемой, которая со временем только увеличивается, ведь если потенциальный пользователь решает скачать пиратскую версию программного обеспечения, то он сделает выбор в сторону наилучшего функционала. Предположим, что у пользователя есть выбор: нелегально скачать зарубежную программу, которая имеет самый большой функционал на рынке, знакома ему и вдобавок бесплатна, или потратить средства на лицензионный второсортный российский аналог, который обладает наименьшим функционалом и к которому нужно привыкать. Таким образом, импортозамещение не лишено проблем, решение которых требует средств, времени и квалифицированных специалистов, понимающих потребности рынка и обладающими инженерными знаниями для создания российского аналога.

Некоторые компании и физические лица, оказавшиеся в ситуации с опустевшим рынком, нашли иной способ продолжить использование зарубежных технологий – нелегальное использование и нарушение лицензионного договора. Учитывая, что пиратство в России невероятно

развито и являлось распространенным явлением еще до ухода зарубежных разработчиков, то после этого появляется еще больший стимул нелегального пользования.

Поясняя вышесказанное, стоит детальнее объяснить распространенность пиратства в России. Санкции за нарушение авторских прав в Российской Федерации предусмотрены Уголовным кодексом и Кодексом об административных правонарушениях: ч. 2 ст. 146² и ст. 7.12³ соответственно. По КоАП максимальным наказанием является штраф до 2000 руб. для физических лиц, до 20 000 руб. для должностных лиц и индивидуальных предпринимателей и до 40 000 руб. для юридических лиц. За аналогичные правонарушения в европейских странах штраф многократно больше, например, во Франции – до 300 евро, в Германии – до 1500 евро, в Италии – до 5000 евро, в Великобритании – 5000 фунтов стерлингов. По информации сайта «Судебная статистика РФ», в 2023 г. было рассмотрено 248 дел по нарушению авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав (7.12 КоАП), по которым только 131 лицо было подвергнуто наказанию. Но помимо административного, в России также предусмотрено уголовное правонарушение в сфере пиратства – «Нарушение авторских и смежных прав» (ст. 146), более конкретно нас интересует ч. 2 «Незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере». То есть, если причиненный вред составил более 100 000 руб., то мы уже имеем дело с уголовным делом. В соответствии с Уголовным кодексом предусмотренная санкция начинается от штрафа до 200 000 руб. и максимальное наказание составляет лишение свободы до двух лет. По данным «Судебной статистики РФ», за 2023 г. было рассмотрено только 9 дел по ч. 2 ст. 146 УК РФ.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что нарушение лицензионного договора в РФ является не только популярным явлением, но и еще малонаказуемым, что создает отличную почву для пиратства всех типов

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.

информации, от развлекательных до функциональных. И по информации torrentfreak.com, Россия опережает по количеству нелегальных скачиваний весь мир⁴.

Эмпирический анализ

Итак, мы определили, что рынок программного обеспечения в России имеет скупой выбор качественного продукта, что приводит к крупной популярности пиратства, которая практически не наказывается. Возникает вопрос: как можно предоставить пользователям выбор программного обеспечения и уменьшить фактическое пиратство? С 2022 г. в России приобретает популярность «параллельный импорт»: поскольку прямого импорта зарубежного товара больше нет, то российские ретейлеры приобретают товары не в России, а у небольших зарубежных компаний, которые закупились у производителя. Параллельный поток может идти как из страны-производителя, так и через третьи страны. И рынок информационно-коммуникационных технологий действует так же: для покупок программ используются третьи лица, оказывающие услугу по перепродаже зарубежного товара, и импортируемые товары иногда называют «товарами серого рынка».

Стоит упомянуть, что параллельный импорт – это абсолютно нормальное явление в международной торговле и далеко не новое, оно берет свое начало еще в XIX в. в Америке (дело Адамс против Берка). В России он также существует уже давно. В последний раз что-то подобное параллельному импорту было популярно в 1990-х гг., когда ввозить из-за границы товар и продавать на территории России мог любой желающий, вплоть до 2002 г. Доктриной Европейского союза параллельный импорт характеризуют как продажа товаров, идентичных или существенно схожих с товарами, которые выводятся на рынок через официальные дистрибьютерские сети производителей или оригинальных поставщиков, но продаются за пределами таких сетей, часто параллельно с ними [10]. Естественно, параллельный импорт не существовал бы, если бы производитель давал право на продажу своего товара в кон-

кретной стране, тем самым можно сказать, что параллельный импорт обходит запрет производителя на продажу в определенных странах.

Важно отметить, что существует разница между товарами параллельного импорта и контрабандой. При параллельном импорте покупается и перепродается оригинальный товар, произведенный официальным разработчиком и правообладателем, тем самым товар будет обладать всеми необходимыми документами, подтверждающими его оригинальность. Контрабанда идентифицируется как товар, изготовленный с нарушением интеллектуального права и(или) нанесением чужих товарных знаков, иными словами – подделка. Их разница отмечена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8–П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252, ст. 1487 и пп. 1, 2 и 4 ст. 1515 ГК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»⁵: не предопределяется возможность применения одинаковых мер гражданско-правовой ответственности к импортеру, ввозящему на территорию России поддельные или недоброкачественные товары, и к импортеру, не получившему на ввоз в Россию товара, ранее на законных основаниях выпущенного в оборот в другой стране, согласия правообладателя товарного знака. Обосновывается это тем, что в случае с реализацией контрафактных товаров правообладатель несет не только финансовые убытки в виде упущенной выгоды, но и репутационные риски, чего не происходит при параллельном импорте. Также Конституционный Суд указывает на разницу в рисках для потребителей при использовании товаров, контрафактных в силу поддельного происхождения, и товаров, признаваемых таковыми исключительно в силу их ввоза в страну неуполномоченным импортером. Иными словами, интеллектуальная собственность при параллельном импорте не нарушается.

Несмотря на очевидные преимущества механизма параллельного импорта, его применение сопряжено с рядом существенных недостатков. Во-первых, одним из ключевых рисков

⁴ “House of the Dragon” Crushes “The Rings of Power” on Pirate Sites. URL: <https://torrentfreak.com/house-of-the-dragon-crushes-the-rings-of-power-on-pirate-sites-220924/> (дата обращения: 10.12.2024).

⁵ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»: постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

является снижение качества товаров. Продукция, ввезенная в обход официальных дистрибьюторов или производителей, нередко не соответствует установленным стандартам качества и безопасности, действующим на внутреннем рынке страны-импортера. Например, в случае необходимости возврата продукта или замены покупатель может столкнуться с отсутствием официальных сервисных средств и технической поддержки. Во-вторых, более значимым недостатком параллельного импорта являются правовые риски. В соответствии с принципами охраны интеллектуальной собственности, закрепленными как в национальном законодательстве, так и в международных актах (в частности, Соглашении ТРИПС и Гражданском кодексе Российской Федерации), исключительные права правообладателей подлежат надлежащей защите. Нарушение установленных механизмов ввоза и реализации продукции, охраняемой патентами, товарными знаками или иными объектами интеллектуальных прав, может квалифицироваться как правонарушение, влекущее гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность.

Таким образом, параллельный импорт, несмотря на его экономическую целесообразность в отдельных ситуациях, требует осторожного подхода и строгого соблюдения правовых норм, направленных на обеспечение баланса интересов потребителей, государства и правообладателей. С 2002 г. был введен запрет на параллельный импорт, а именно в ч. 4 ст. 1487 Гражданского кодекса РФ⁶ закреплены следующие положения: «Не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия». Иными словами, если товар приобретен за границей, его ввоз в Россию без разрешения обладателя права на товарный знак (так называемый серый импорт) будет нелегальным.

Двадцать лет спустя, в 2022 г., количество товаров на российском рынке резко уменьшилось, и государство не заставило себя долго

ждать, введя Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». В данном постановлении перечислено огромное количество товаров разных категорий, но стоит отметить, что товары интеллектуальной собственности, например программное обеспечение или цифровые товары, отсутствуют. То есть на данный момент нет легального способа приобрести в России необходимые информационно-коммуникационные технологии зарубежных разработчиков. Но не стоит говорить о том, что приобрести зарубежный цифровой товар нельзя совсем, существует множество сервисов, которые осуществляют продажу лицензионного программного обеспечения. Таким образом, в правовом поле «серого импорта» имеется товар, который продается с нарушением норм гражданского права, и наказание за это не предусмотрено.

В связи с вышесказанным предлагается ввести цифровые технологии крупных компаний, например, таких как Microsoft, Apple, IBM и Adobe, в список товаров вышеуказанного постановления правительства, на которые не распространяются отдельные положения Гражданского кодекса РФ. Это будет иметь сразу два положительных последствия. Во-первых, это даст большую свободу для пользователей лицензионных информационно-коммуникационных технологий, ведь их выбор станет больше, и, как было проанализировано выше, более качественный товар приводит к наибольшей удовлетворенности потребителем; во-вторых, позволит уменьшить количество нелегального пользования программным обеспечением, ведь у покупателя наконец-то появится возможность приобрести товар законно, вместо того чтобы качать программу с пиратских сайтов, подвергая себя хоть и маловероятному, но риску.

Но у данного решения проблемы есть один минус: для домашнего использования легализация параллельного импорта программного обеспечения может привести к потере рынка российскими разработчиками. Несмотря на импортозамещение зарубежных программ, заменить огромный, чуть ли не монополи-

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1), ст. 5496.

зированной рынок будет сложной задачей. М. Н. Токарев и А. Н. Вершинин при сравнении зарубежных программ и российских аналогов отметили несколько IT-продуктов, на которые можно обратить внимание [11].

Результаты

Подводя итог, следует отметить, что уход иностранных компаний с российского рынка оказал значительное влияние на развитие цифрового сектора, создав ряд экономических, технологических и правовых проблем. В ответ на возникшие вызовы государством были выбраны два основных направления: импортозамещение и параллельный импорт. Каждый из указанных механизмов обладает как преимуществами, так и существенными недостатками. Политика импортозамещения ориентирована на создание отечественных аналогов зарубежных цифровых технологий, что обеспечивает правовую защищенность и возможность гарантийного обслуживания. Однако данный подход требует значительных временных, финансовых и кадровых ресурсов, а также адаптации пользователей к новым продуктам, которые зачастую уступают зарубежным аналогам по функциональности и удобству использования. Параллельный импорт, напротив, обеспечивает доступ потребителей к привычным цифровым товарам и сервисам, сохраняя уровень пользовательского комфорта и удовлетворяя текущие потребности рынка, но этот механизм также характеризуется ослабленной правовой защитой пользователей [12] и отсутствием официальной технической поддержки со стороны разработчиков, что повышает риски нарушения прав интеллектуальной собственности и затрудняет последующее обслуживание оборудования или программного обеспечения.

Таким образом, оба направления – импортозамещение и параллельный импорт – представляют собой различные модели адаптации цифрового рынка к новым экономическим условиям, требующие комплексного правового регулирования и стратегического баланса между интересами государства, бизнеса и потребителей. В качестве итога стоит отметить, что с современным быстрым развитием информационно-коммуникационных технологий и в текущих условиях экономической и политической обстановки рынка ни одно решение проблемы не может быть идеальным. Импорт

тозамещение, параллельный импорт, пиратство не будут являться панацеей по разрешению вопроса возвращения зарубежных IT-компаний на российский рынок или же их замены.

Список литературы

1. *Горошко И. В.* Цифровизация – современный тренд развития правоохранительных органов // *Обозреватель*. 2022. № 2 (385). С. 98–110. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_02_98, EDN: QTЕУНС
2. *Комахин Б. Н.* Особенности обеспечения безопасности информационной инфраструктуры Российской Федерации в условиях нестабильных международных отношений // *Вестник Московского университета МВД России*. 2024. № 2. С. 72–76. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-72-76>, EDN: НМGMXK
3. *Мильшин Ю. Н.* Лицензирование как способ обеспечения прав и законных интересов граждан // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1998. № 1 (220). С. 150–151. EDN: ROJСII
4. *Лантев В. А.* Цифровые активы как объекты гражданских прав // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 2 (42). С. 199–204. EDN: XTGVMТ
5. *Лебедева Д. С., Яценко А. О.* Информация как объект гражданского права // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2017. Т. 3 (69), № 4. С. 163–167. EDN: UQWACY
6. *Бекназаров Е. Б., Оразова С.* Интеллектуальная собственность в цифровой эпохе: вызовы и перспективы // *Символ науки*. 2024. № 4-1-1. С. 67–69.
7. *Морозова Н. В., Мамчурев А. К., Хатуаев Т. А.* Импортозамещение программного продукта в России // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2022. № 6 (44). С. 367–370. EDN: VJIPЕL
8. *Калюжный К. А.* Состояние и перспективы импортозамещения в российской IT-отрасли // *Управление наукой и наукометрия*. 2016. № 2. С. 85–103.
9. *Морозов А. Н.* «Параллельный импорт» в российской индустрии программного обеспечения: ожидаемые последствия // *Управленец*. 2023. Т. 14, № 5. С. 106–120. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-5-7>, EDN: IFJVZM
10. *Цемержинская А. В., Свистунова М. А., Вишняков И. А.* Параллельный импорт в современных условиях // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 12–2 (94). С. 236–238. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-2-236-238>, EDN: YGTRH
11. *Токарев М. Н., Вершинин А. Н.* Импортозамещение программного обеспечения // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 6–3 (81). С. 156–162. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-6-3-156-162>
12. *Нургалеев М. С., Петров Е. Н.* Понятие параллельного импорта, его правовое регулирование и осо-

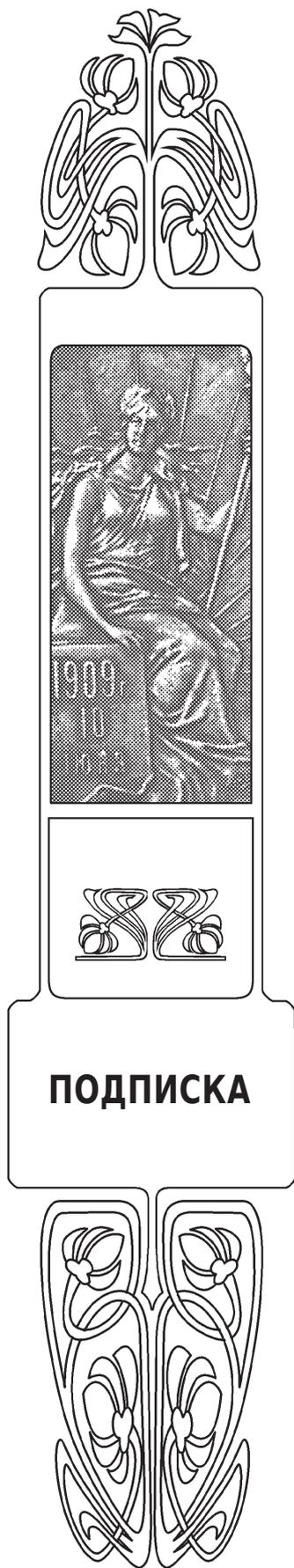

бенности регулирования параллельного импорта лекарственных средств в Европейском союзе // Наука России: Цели и задачи : сб. науч. тр. по материалам XVIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 10 декабря 2019 г.). Екатеринбург : НИЦ «Л-Журнал», 2019. Ч. 2. С. 52–56. <https://doi.org/10.18411/sr-10-12-2019-31>, EDN: CIRJGN

References

1. Goroshko I. V. Digitalization as a modern law enforcement trend. *Observer*, 2022, no. 2 (385), pp. 98–110 (in Russian). https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_02_98, EDN: QTEYHC
2. Komakhin B. N. Features of ensuring the security of the information infrastructure of the Russian Federation in conditions of unstable international relations. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2, pp. 72–76 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-72-76>, EDN: HMGMXK
3. Milshin Yu. N. Licensing as a means of protection of rights and legal interests of citizens. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1998, no. 1 (220), pp. 150–151 (in Russian). EDN: ROJCII
4. Laptev V. A. Digital assets as objects of civil rights. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2 (42), pp. 190–204 (in Russian). EDN: XTGVMT
5. Lebedeva D. S., Jazenko A. O. Information as an object of civil law. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 2017, vol. 3 (69), no. 4, pp. 163–169 (in Russian). EDN: UQWACY
6. Beknazarov E. B., Orazova S. Intellectual property in the digital age: Challenges and prospects. *Symbol of Science*, 2024, no. 4-1-1, pp. 67–69 (in Russian).
7. Morozova N. V., Mamchuev A. K., Khatuaev T. A. Import substitution of a software product in Russia. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural Sciences and Humanities Research], 2022, no. 6 (44), pp. 367–370 (in Russian). EDN: VJIPEL
8. Kalyuzhny K. A. Status and prospects of import substitution in the Russian IT industry. *Upravlenie naukoj i naukometriya* [Science Management and Scientometrics], 2016, no. 2, pp. 85–103 (in Russian).
9. Morozov A. N. Parallel import in Russian's software industry: Expected consequences. *Upravlenets/The Manager*, 2023, vol. 14, no. 5, pp. 106–120 (in Russian). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-5-7>, EDN: IFJVZM
10. Tsemerzhinskaya A. V., Svistunova M. A., Vishnyakov I. A. Parallel import in modern conditions. *Economy and Business: Theory and Practice*, 2022, no. 12–2 (94), pp. 236–238 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-2-236-238>, EDN: YYGTRH
11. Tokarev M. N., Vershinin A. N. Software import substitution. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2023, vol. 6–3 (81), pp. 156–162 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-6-3-156-162>
12. Nurgaleev M. S., Petrov E. N. The concept of parallel import, its legal regulation and features of regulation of parallel import of medicines in the European Union. *Nauka Rossii: Tseli i zadachi* [Science of Russia: Goals and Objectives: Proceedings of the XVIII International scientific conference (Ekaterinburg, December 10, 2019)]. Ekaterinburg, SIC “L-Journal”, 2019, pt. 2, pp. 52–56 (in Russian). <https://doi.org/10.18411/sr-10-12-2019-31>, EDN: CIRJGN

Поступила в редакцию 29.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 10.12.2025
The article was submitted 29.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 10.12.2025

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36012
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (eur.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: izdat@sgu.ru, publ@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

экономический факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38

E-mail: sgu-eup@rambler.ru

юридический факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-17

E-mail: kulikovasveta@inbox.ru

Website: <https://eur.sgu.ru>

ISSN 1994-2540

26001

9 771994 254007

ISSN 1994-2540 (Print). ISSN 2542-1956 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Том 26, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право**

